

Оглавление

Введение	2
Глава 1. Творческая история «Поездки в Ревель».....	11
§ 1. Жанровый и идейный контекст.....	11
§ 2. Две редакции «Поездки в Ревель»; импульсы к переработке произведения; итоги работы в жанре травелога.....	19
Глава 2. Неосуществленный замысел «московских записок».....	40
§ 1. Первая московская поездка Бестужева и его отношения с московскими литераторами в 1823–1825 гг.....	41
§ 2. Замысел «московских записок» и причины отказа от его осуществления.....	51
Глава 3. Замысел «якутского» альманаха (1829) и творческие поиски А. А. Бестужева 1827–182 гг.....	63
§ 1. Финансовая история «якутского» альманаха (1829) и проекты изданий первой половины 1830-х гг.....	65
§ 2. Эстетическая позиция Бестужева второй половины 1820-х гг.....	81
Заключение	108
Список использованной литературы	112

Введение

Видный писатель и критик 1820–1830-х гг., один из самых талантливых прозаиков в среде декабристов, А. А. Бестужев-Марлинский всегда был в поле зрения литературоведения. Тематический охват исследований, посвященных творчеству писателя, достаточно широк и разнообразен. Так, уже в начале XX в. появилась работа И. И. Замотина¹, который описал европейские истоки прозы писателя (творчество Гофмана, Радклиф, Вальтера Скотта, Байрона). Проблемам мировоззрения писателя и связям его творчества с критикой и философскими течениями того времени посвящены монографии В. Г. Базанова², Н. И. Мордовченко³, А. П. Шарупича⁴, Е. М. Пульхритудовой⁵, Ф. З. Кануновой⁶. Описанию жизни и творчества писателя посвящены исследование Н. А. Котляревского⁷ и ряд вступительных статей к разным изданиям сочинений писателя (Н. Л. Степанов⁸, Н. Н. Маслин⁹, А. В. И. Гусев¹⁰, В. И. Кулешов¹¹). Можно выделить группу работ, поднимающих вопросы этнографизма в произведениях Бестужева-Марлинского, в частности – влияние на его

¹Замотин И. И. Романтизм двадцатых годов XIX столетия в русской литературе: В 2 т. СПб, 1913. Т. 2. С. 171–282.

²Базанов В. Г. Очерки декабристской литературы. Публицистика, проза, критика. М., 1953. С. 249–525.

³Мордовченко Н. И. Русская критика первой четверти XIX века. М.; Л., 1959. С. 314–375.

⁴Шарупич А. П. Декабрист Александр Бестужев: Вопросы мировоззрения и творчества. Минск, 1962.

⁵Пульхритудова Е. М. Литературная теория декабристского романтизма в 30-е годы XIX в. // Проблемы романтизма: Сб. ст. М., 1967. [Вып.] 1. С. 232–292.

⁶Канунова Ф. З. Эстетика русской романтической повести: (А. А. Бестужев-Марлинский и писатели-беллетристы 20–30-х гг. XIX века). Томск, 1973.

⁷Котляревский Н. А. Декабристы. СПб., 2009. С. 91–316.

⁸Степанов Н. Л. Александр Марлинский (А. А. Бестужев) // Марлинский А. (Бестужев А. А.) Избранные повести. Л., 1937. С. 3–42.

⁹Маслин Н. Н. А. А. Бестужев-Марлинский // Бестужев-Марлинский А. А. Соч.: В 2 т. М., 1958. Т. 1. С. III–LVI.

¹⁰Гусев В. И. Судьба Александра Бестужева // Бестужев-Марлинский А. А. Повести и рассказы. М., 1976. С. 5–20.

¹¹Кулешов В. И. Александр Бестужев-Марлинский // Бестужев-Марлинский А. А. Соч.: В 2 т. М., 1981. Т. 1. С. 5–32.

творчество поездок в Прибалтику (С. Г. Исаков¹²) и жизни на Кавказе (М. П. Алексеев¹³, А. В. Попов¹⁴). В исследованиях Н. А. Коварского¹⁵, В. В. Виноградова¹⁶, Х. Д. Леэметс¹⁷ рассматриваются формальные аспекты поэтики писателя. В ряде работ общего характера, посвященных прозе первой половины XIX века, произведения Бестужева-Марлинского анализируются в контексте литературной ситуации, сложившейся в эпоху русского романтизма¹⁸. Проблемы литературной репутации и мифологизации личности Бестужева-Марлинского рассматриваются в монографии Л. Бегби¹⁹ и в очерке «Легенда о Марлинском», который содержится в уже упомянутой книге М. П. Алексеева²⁰. Существует, кроме того, целый ряд работ, посвященных альманаху А. А. Бестужева и К. Ф. Рылеева «Полярная звезда». Как правило, в этих работах на первом плане выходила эстетическая или идеологическая позиция издания²¹, но в последнее время появляются работы, в которых

¹² Исаков С. Г. О «ливонских» повестях декабристов // Труды по русской и славянской филологии. Тарту, 1965. № 8. С. 33–80 (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та).

¹³ Алексеев М. П. Источники повести «Аммалат-Бек» // Алексеев М. П. Этюды о Марлинском. Иркутск, 1928. С. 32–44.

¹⁴ Попов А. В. Декабристы-литераторы на Кавказе. Ставрополь, 1963. С. 21–110.

¹⁵ Коварский Н. А. Ранний Марлинский // Русская проза: Сб. статей. Л., 1926. С. 135–158.

¹⁶ Виноградов В. В. Стиль прозы Лермонтова // Виноградов В. В. Избр. труды. Язык и стиль русских писателей от Карамзина до Гоголя. М., 1990. С. 183–197.

¹⁷ Леэметс Х. Д. К вопросу о семантической структуре метафорического эпитета в русской прозе начала XIX века: (На материале произведений А. Марлинского) // Труды по русской и славянской филологии. Тарту, 1971. № 17. С. 190–199 (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та).

¹⁸ См., например: *Иезуитова Р. В.* Пути развития романтической повести. Светская повесть // Русская повесть XIX века: История и проблематика жанра. Л., 1973. С. 77–108, 169–187; *Левкович Я. Л.* Историческая повесть // Там же. С. 108–134; *Троицкий В. Ю.* 1) Романтическая проза декабристов // История романтизма в русской литературе. М., 1979. Вып. 1. С. 291–308; 2) Поэтика романтической повести. А. А. Бестужев-Марлинский // Там же. Вып. 2. С. 108–126; *Маркович В. М.* Дыхание фантазии // Русская фантастическая проза эпохи романтизма (1825–1840 гг.) Л., 1990. С. 5–47; *Манн Ю. В.* Русская литература XIX века: Эпоха романтизма. М., 2001. С. 238–242, 281–283; *Шрага Е. А.* Литература против литературности: Пути развития циклизованной прозы 1820–1830-х годов. СПб., 2013. С. 27, 67–70.

¹⁹ Бегби Л. Александр Бестужев-Марлинский и русский байронизм. СПб., 2001.

²⁰ Алексеев М. П. Этюды о Марлинском. С. 3–31.

²¹ См., например: *Маслов В. И.* Литературная деятельность К. Ф. Рылеева. Киев, 1912. С. 347–371; *Архипов В. А., Базанов В. Г., Левкович Я. Л.* Литературно-эстетические позиции «Полярной звезды» // «Полярная звезда», изданная А. Бестужевым и К. Рылеевым. М.; Л. 1960. С. 803–884 (Сер. «Литературные памятники»); *О`Мара П. К. Ф. Рылеев: Политическая*

сочетаются литературоведческий, социологический и социо-культурный подходы²².

Но несмотря на такой широкий круг тем, исследование жизни и творчества Бестужева-Марлинского в какой-то момент зашло, как кажется, в своеобразный тупик. Показательна в этом отношении недавняя монография А. В. Агалакова «Светская повесть эпохи декабризма: Генезис, статика, динамика, поэтика и суггестия русского повествовательного романтического жанра»²³, чтение которой оставляет стойкое ощущение дежавю. К анализу привлекается тот корпус текстов Бестужева-Марлинского (от «Вечера на бивуаке» до «Фрегата “Надежда”»), который традиционно фигурирует во всех исследованиях творчества писателя. Повторяется не менее традиционный круг тем и проблем: истоки романтической повести и жанровая специфика повести «светской», тип героя и конфликта в прозе писателя, особенности композиции и т. д. Впрочем, реферативный характер работы, посвященной поэтике «светских» повестей Бестужева-Марлинского, предсказуем: как пишет сам Агалаков во введении к своей монографии, «за 20 последних лет таких работ, изучающих жанр светской повести первой трети XIX века, насчитывается более 500. В этих исследованиях, с самой широкой палитрой научных изысканий, точкой отсчета, как правило, является творчество А. А. Бестужева-Марлинского»²⁴. Очевидно, что без принципиальной смены угла зрения на

биография поэта-декабриста. М., 1989. С. 219–224; *Готовцева А. Г., Киянская О. И.* «Временные заседатели Парнаса»: К истории альманаха «Полярная звезда» // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2013. № 12. С. 11–33.

²² См.: *Рейтблат А. И.* Литературный альманах 1820–1830-х гг. как социокультурная форма // Рейтблат А. И. Как Пушкин вышел в гении: Историко-социологические очерки. М., 2001. С. 70–81; *Готовцева А. Г.* К финансовой истории альманаха К. Ф. Рыльева и А. А. Бестужева «Полярная звезда» // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2010. № 8. С. 9–25. Справедливости ради нужно сказать, что первые работы такого плана появились уже в конце 1920-х гг. (см.: *Гриц Т. С., Никитин М. М., Тренин В. В.* Словесность и коммерция: (Книжная лавка А. Ф. Смирдина). М., 1929; *Гессен С. Я.* Книгоиздатель Александр Пушкин: Литературные доходы Пушкина. Л., 1930), но позднее этот подход распространения не получил.

²³ *Агалаков А. В.* Светская повесть эпохи декабризма: Генезис, статика, динамика, поэтика и суггестия русского повествовательного романтического жанра. Germany, Saarbrücken, 2012.

²⁴ Там же. С. 9.

корпус изучаемых текстов писателя довольно трудно не свести исследование к реферированию многочисленных работ предшественников.

Одной из причин того, что обращение к творчеству Бестужева-Марлинского стало порой сводиться к повтору всё тех же тезисов могло стать то, что в исследовательской практике с недостаточной степенью полноты учитывается важнейшая часть наследия писателя, а именно его письма. Те три десятка писем, которые перепечатаются в собраниях сочинений²⁵ и поэтому наиболее известны, лишь в малой мере представляют эпистолярное наследие писателя, которое в реальности включает больше 450 единиц. Между тем ценность этого материала в изучении Бестужева-Марлинского очевидна. Для литератора, большая часть творческой жизни которого прошла в ссылке, переписка в конечном счете стала единственным средством вырваться из культурной и литературной изоляции.

Причины, по которым эти тексты писателя до сих пор находятся на периферии исследовательского внимания, становятся понятны, если обратиться к истории публикации его эпистолярного наследия. Две трети писем Бестужева-Марлинского, оригиналы которых хранятся в рукописных отделах Российской национальной библиотеки, Пушкинского дома, и в РГАЛИ, была опубликована уже в 1860–1880-е гг. Как показал Г. В. Прохоров, в 1847 г. была предпринята попытка издать три письма Бестужева к братьям – но это издание было запрещено цензурой²⁶. Только после амнистии 1856 г. и последовавшего за ней резко возросшего интереса к декабристам начали появляться многочисленные материалы, связанные с их жизнью – и одна за другой появились публикации писем Бестужева-Марлинского, осуществленные М. И. Семевским²⁷, К.

²⁵ См.: *Бестужев-Марлинский А. А. Соч.: В 2 т. М., 1958. Т. 2: Повести. Рассказы. Очерки. Стихотворения. Статьи. Письма. С. 615–675; Бестужев-Марлинский А. А. Соч.: В 2 т. М., 1981. Т. 2: Повести. Рассказы. Очерки. Стихотворения. Статьи. Письма. С. 471–524.*

²⁶ *Прохоров Г. В. Три письма декабриста А. А. Бестужева из Якутска // Былое. 1925. № 5. С. 114–120.*

²⁷ *Семевский М. И. 1) Александр Бестужев (Марлинский): 1798–1837 // Отечественные записки. 1860. № 5. С. 122–166; № 6. С. 299–350; № 7. С. 43–100; 2) Александр Бестужев в Якутске: Неизданные письма его к родным, 1827–1829 // Русский вестник. 1870. № 5. С. 213–264; 3) Александр Бестужев на Кавказе, 1829–1837: Неизданные письма его к матери, сестрам и братьям // Русский вестник. 1870. № 6. С. 485–524; № 7. С. 46–85.*

А. Полевым²⁸, Н. К. Богушевским²⁹ и П. И. Бартеневым³⁰. Несмотря на то, что после 1880-х гг. интерес к декабристам несколько спал, публикация писем не прекратилась – и в 1890–1900-х гг. также появилось несколько журнальных публикаций³¹.

Но очевидно, что эти ранние журнальные публикации отличались рядом недостатков – и речь идет не только о многочисленных опечатках или о практически полном отсутствии комментариев к письмам. Например, Семевский, наиболее активный публикатор писем Бестужева, не скрывал того, что ряд этих писем был напечатан им с сокращениями³², причем пропуски никак не маркированы. Важно и то, что главной целью Семевского было знакомство современников с жизнью реального Александра Бестужева, который до этого времени находился в тени Александра Марлинского, вокруг романтизированного образа которого сложилась целая мифология, часто имеющая весьма косвенное отношение к реальной биографии писателя³³. Поэтому не удивительно, что корпус текстов, опубликованный Семевским,

²⁸ Полевой К. А. Письма Александра Александровича Бестужева к Н. А. и К. А. Полевым, писанные в 1831–1827 годах // Русский вестник. 1861. № 3. С. 285–335; № 4. С. 425–487.

²⁹ Александр Александрович Бестужев в письмах 1824 и 1837 гг. / Сообщ. Н. К. Богушевский // Русская старина. 1889. № 11. С. 375–378.

³⁰ Дружеские сношения Пушкина. Письма к нему / Публ. и ком. П. И. Бартенева // Русский архив. 1881. Кн. 1, № 2. С. 425–427.

³¹ См., например: Долгов С. О. Письма А. А. Бестужева (Марлинского) к братьям Полевым // Русское обозрение. 1894. № 10. С. 819–834; Из архива Ф. В. Булгарина (письма к нему разных лиц) // Русская старина. 1901. № 2. С. 383–403; Барсуков Н. П. Князь Вяземский и Пушкин // Старина и новизна. 1904. Кн. 8. С. 30–32.

³² «...считаем нужным заметить, что мы печатаем письма Бестужева слово в слово с подлинником и с самыми небольшими пропусками некоторых не имеющих никакого интереса строк; мы думали сделать больше выпусков, но от того много потерял бы колорит этих писем, и без того недлинных» (Семевский М. И. Александр Бестужев в Якутске. С. 225–226).

³³ «Между тем личность Бестужева <...> в продолжение почти двадцати пяти лет после его смерти оставалась для публики <...> каким-то мифическим существом. Действительная фамилия его не выплывала не свет Божий. Портрет Бестужева, случайно появившейся в начале сороковых годов с подписью его фамилии, был задержан по требованию тогдашней цензуры, и экземпляры его сгнили в каких-то кладовых. Только в 1860 году представилась возможность напомнить читателям не о Марлинском, а уже об Александре Бестужеве, и притом не как о писателе только, но и как о человеке, жизнь которого, как одного из типических представителей своего времени и поколения, полна интереса» (Там же. С. 212–213).

сформирован из писем, где Бестужев предстает перед нами не столько как писатель или издатель, а скорее как заботливый сын и брат.

Вторая волна интереса к эпистолярному и мемуарному наследию декабристов пришлась на вторую половину 1920-х гг. и была связана с празднованием столетия выступления на Сенатской площади. Именно тогда вышли три тома сборника материалов «Памяти декабристов», на страницах которого Н. В. Измайлов, помимо дневника и записок Бестужева-Марлинского, опубликовал его письма к родным 1817(?)–1825 гг.³⁴, а Г. В. Прохоров – письма из якутской ссылки³⁵. По вполне понятным причинам творческое и мемуарное наследие декабристов находилось в центре внимания советских исследователей, поэтому работа по изданию писем Бестужева-Марлинского и позднее велась достаточно активно³⁶. Среди относительно недавних изданий писем Бестужева нужно назвать публикацию писем 1830-х гг., подготовленную Ф. З. Кануновой³⁷.

К настоящему времени часть эпистолярного наследия писателя так и осталась неопубликованной, не существует ни полного собрания писем, ни хотя бы их указателя. В 1930–1940-е гг. над подготовкой такого полного собрания писем Бестужева-Марлинского работал Г. В. Прохоров. К сожалению, этот труд ученого так и не увидел свет, но машинопись неопубликованного издания сохранилась и в настоящий момент хранится в отделе рукописей Российской национальной библиотеки³⁸. Машинопись представляет собой прокомментированное собрание всех сохранившихся писем Бестужева-Марлинского с начала 1820-х гг. (всего 437 единиц). Ученый тщательно

³⁴ Измайлов Н. В. Бестужев до 14 декабря 1825 г. // Памяти декабристов: Сб. материалов. Л., 1926. Вып. 1. С. 1–100.

³⁵ Прохоров Г. В. А. А. Бестужев-Марлинский в Якутске // Там же. Вып. 2. С. 189–226.

³⁶ См., например: Письма Александра Бестужева к Петру Бестужеву // Воспоминания Бестужевых / Ред., ком. и вступ. статья М. К. Азадовского. Л., 1951. С. 531–539 (Сер. «Литературные памятники»); Письма Александра Бестужева к П. А. Вяземскому: (1823–1825) / Публ. и ком. К. П. Богаевской; вступ. статья Н. Л. Степанова // Литературное наследство. М., 1956. Т. 60, кн. 1. С. 191–230; Левкович Я. Л. Судьба Марлинского // Звезда. 1975. № 12. С. 154–165.

³⁷ Бестужев-Марлинский А. А. Кавказские повести. СПб., 1995. С. 484–549 (Сер. «Литературные памятники»).

³⁸ Бестужев-Марлинский А. А. Письма / Ред. и примеч. В. Г. Прохорова. ОР РНБ. Ф. 69 (Бестужевы). Ед. хр. 32–47.

сверил журнальные варианты с оригиналом и попытался в полном объеме представить эпистолярный писателя. Однако и материалы Прохорова не полны – так, в его машинописи практически не представлен корпус писем Бестужева-Марлинского, адресованных Вяземскому; нами были обнаружены также некоторые иные лакуны. Не лишено собрание Прохорова и других недостатков: например, в комментариях к письмам не указано место их первой публикации, что порой значительно усложняет работу с ними. Отчасти этот недостаток компенсирован в той части вступительной статьи, где исследователь перечислил первые публикации писем – однако сообщения, что отдельные письма появились, например, на страницах «Киевской старины» или «Харьковских губернских очерков» без указания хотя бы года публикации, только дезориентирует.

Представленная к защите работа выросла в результате изучения полного корпуса писем Бестужева-Марлинского – как опубликованных в разных изданиях, так и неопубликованных. Знакомство с этим материалом, ценное само по себе и открывающее далекие научные перспективы, позволило определить **цель** настоящей работы: изучить те аспекты творчества писателя, которые либо вовсе обойдены вниманием исследователей, либо в недостаточной мере освещены в научной литературе. Разумеется, речь могла идти лишь о весьма ограниченном и при этом внутренне связанном круге проблем и материалов. Определение предмета исследования стало поэтому первой **задачей**, которую следовало решить в работе.

В качестве такого **предмета** были избраны три творческих замысла Бестужева-Марлинского: реализованный в 1821 г. замысел травелога («Поездка в Ревель»); предложенный Вяземским в 1823 г., но не принятый Бестужевым замысел «московских записок»; не состоявшийся замысел авторского альманаха, разрабатывавшийся Бестужевым в якутской ссылке в 1829 г. Во всех трех случаях в центре внимания должен был оказаться тот биографический, литературный и творческий контекст, который либо стимулировал замысел и определял его характер, либо препятствовал его осуществлению. Иными

словами, реконструкция истории каждого замысла предполагала погружение в то, что принято называть творческой лабораторией писателя. Привлечение эпистолярного материала к решению этой задачи, естественно, не должно было стать самоцелью; переписка Бестужева рассматривалась лишь как значимый компонент в кругу других историко-литературных материалов.

Обращение к каждому из замыслов диктовало постановку соответствующего ему ряда **задач**.

Для описания творческой истории «Поездки в Ревель», во-первых, необходимо было определить круг идей и текстов, повлиявших на формирование и развитие замысла (прежде всего это идеи, пропагандировавшиеся в Вольном обществе любителей российской словесности, активном участником которого был Бестужев, а также те тексты, которые публиковались на страницах «Соревнователя просвещения и благотворения», печатного органа общества). Во-вторых, произведение Бестужева следовало рассмотреть в контексте жанровой традиции путешествий и ее модификаций. В-третьих, после того, как было обнаружено, что «Поездка в Ревель» имеет две редакции, потребовалось выявить побудительные мотивы переработки травелога и ее основные направления.

Замысел «московских записок», которые Вяземский советовал написать Бестужеву по следам его первой поездки в Москву, казалось бы, должен был привлечь автора «Поездки в Ревель». Тем более любопытно было понять причины, по которым Бестужев отказался от такой идеи. При решении этой задачи, с одной стороны, необходимо было учесть общий характер творческой эволюции Бестужева, а с другой стороны – выяснить степень соответствия предложенного замысла той позиции, которую он занял как издатель «Полярной звезды».

Проект авторского альманаха, задуманного в якутской ссылке, несомненно был связан с издательским опытом Бестужева. Обращение к этому проекту требовало анализа подробно проработанной Бестужевым коммерческой стороны издания и степени ее соответствия реальному положению на книжном

рынке в конце 1820-х гг. Кроме того, необходимо было предпринять попытку описания эстетических позиций Бестужева во второй половине 1820-х гг. – позиций, которые могли найти отражение в планировавшемся издании.

Каждому из замыслов посвящена отдельная глава, чем и продиктована **композиция** работы, состоящей из Введения, трех глав, Заключения и Списка использованной литературы.

Выпускная квалификационная работа обращена, таким образом, не к магистральным произведениям Бестужева, а к наименее изученным страницам его творческой биографии. Этим, как можно надеяться, определяются **новизна** и **актуальность** предпринятого исследования.

Глава 1. Творческая история «Поездки в Ревель»

«Поездка в Ревель», травелог 1821 г., явился своеобразным связующим звеном между «ливонскими» «учеными» очерками А. А. Бестужева и его историческими повестями. Интерес писателя к «ливонской» теме в первой половине 1820-х гг. был вызван событиями как общественного, так и личного характера. В 1816–1819 гг. в западных губерниях Российской империи был проведен ряд реформ; особое внимание общественности привлекло освобождение крестьян. Этот важный политический жест стал импульсом для создания ряда текстов, посвященных «прибалтийской» теме, в той или иной степени сохранившей свою актуальность до середины 1830-х гг.³⁹ Обращение к ней Бестужева было вполне естественным: в 1821–1822 гг. он принимал участие в походе гвардии по западной окраине империи и побывал в Эстляндии, Витебской губернии и Минске. Творческая история «Поездки в Ревель» позволяет проследить тот путь, который писатель прошел от «ученых» очерков к фикциональным текстам.

§ 1. Жанровый и идейный контекст

На первый взгляд кажется, что жанровые источники «Поездки в Ревель» вполне очевидны: сам повествователь прямо называет имена Л. Стерна⁴⁰ и Ш. М. Дюпати⁴¹. Тем не менее в разное время исследователи пытались выявить

³⁹ См.: Исаков С. Г. О ливонской теме в русской литературе 1820–1830-х годов // Труды по русской и славянской филологии. Тарту, 1960. Вып. 98. С. 143–190 (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та).

⁴⁰ «Стерн, где перо твое!»; «Разве ты воображаешь, что я могу, как странствующий Тристрама Шанди, пришивать периоды к несочиненным еще сочинениям!» (Бестужев А. Поездка в Ревель. СПб., 1821. С. 44, 107; далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием страницы арабской цифрой).

⁴¹ Желали вы – я обещал,
Мои взыскательные други!
Чтоб я рассказам посвящал
Минутных отдыхов досуги,
И приключения пути
Вам описал, как Дю-пати.

(1)

связи этого текста с отечественными образцами травелога, предполагая скорее не прямое, а опосредованное взаимодействие с европейской традицией. Так, к вопросу о жанровом претексте «Поездки в Ревель» обращался еще в середине 1920-х годов Н. А. Коварский⁴², частные наблюдения которого тесно связаны с общей характеристикой жанра, предпринятого в это же время Т. А. Роболи⁴³. В качестве предшественников Бестужева Коварский называет, кроме Дюпати, Карамзина, чьи «Письма русского путешественника» стали своего рода жанровым образцом отечественного травелога⁴⁴. Вслед за Роболи ученый пишет, что «путешествия» Бестужева и Карамзина объединяет характерная для «гибридного» типа травелога двухуровневая повествовательная структура, сочетающая описание внешнего плана и «чувствований» героев. Позднее с традицией «сентиментальных путешествий», в частности, с текстами Стерна, «Поездка в Ревель» была соотнесена Н. И. Мордовченко⁴⁵.

⁴² Коварский Н. Ранний Марлинский. С. 135–158.

⁴³ Роболи Т. Литература путешествий // Там же. С. 42–73. Кратко описывая западноевропейскую традицию путешествий, Роболи выделяет два типа: «стерновский», «где настоящего описания путешествия в сущности нет <...> официальное путешествие пристегнуто к вещам, вовсе не имеющим с ними необходимой связи», и заданный Дюпати, «представляющий гибридную форму, где этнографический, исторический и географический материал перемешан со сценками, рассуждениями, лирическими отступлениями и проч.» (Там же. С. 48). Одним из едва ли не обязательных элементов традиции путешествий, основателем которой считается Дюпати, является описание ключа или водоема: Дюпати описывает Воклюз, В. В. Измайлов в своем «Путешествии в полуденную Россию» – крымский Салгир и т. д. (см.: Там же. С. 60). Вероятно, описание Нарвского водопада, данное Бестужевым в «Дорожных записках на обратном пути из Ревеля», также можно рассматривать как знак причастности к этой традиции.

⁴⁴ Именно с путешествием «типа Дюпати» Роболи соотносит текст Карамзина: «“Письма русского путешественника” сконструированы по типу гибридного, но в отношении к своему образцу – Дюпати – сгущеннее в смысле количества и разнообразия вводного материала, так и в смысле эпистолярности своего стиля; кроме того, “Путешествие” Дюпати стилистически однороднее. – У Карамзина чрезвычайной пестроты материала соответствует пестрота стиля. Помимо описаний всякого рода достопримечательностей, мы встречаем в “Письмах” рассуждения, размышления, лирические излияния, повести, сценки, исторические анекдоты, театральные рецензии, переводы иностранных писателей, очерки иностранной литературы, биографии, описания произведений живописи, скульптуры, архитектуры и т. п.» (Там же. С. 49–50). В «Поездке в Ревель» дана прозрачная отсылка к «Письмам русского путешественника»: «Против Ратуши я невольно узнал гостеприимный дом негоцианта К-ра <Крамера. – А. П.>, где провел столь приятный вечер не первый русский путешественник, но лучший писатель своего путешествия» (118–119).

⁴⁵ «“Поездка в Ревель” была обработана в стернианской манере с обилием каламбуров, сравнений и <...> остроловием» (Мордовченко Н. И. Русская критика первой четверти XIX века. С. 328).

Круг жанровых претекстов интересующего нас травелога был заметно уточнен в недавней статье Т. Н. Степанищевой⁴⁶. Не отрицая безусловного влияния на текст Бестужева «путешествий» Дюпати и Карамзина, исследовательница подчеркивает, что «Поездка в Ревель» не относится к жанру «сентиментального путешествия», и называет⁴⁷ еще один, менее очевидный источник, а именно «Письма русского офицера» Ф. Н. Глинки, опубликованные в 1808 г. и переизданные в 1815–1816 гг. Степанищева обнаруживает между этими травелогами ряд параллелей. Во-первых, общим для путешествий Глинки и Бестужева оказывается тип повествователя – не чуждый остроумия офицер, путешествующий по долгу службы, а не из праздного любопытства. Кроме того, в обоих путешествиях в ткань повествования включены, помимо стихотворений (сочетание прозаических и стихотворных элементов вообще характерно для жанра путешествия), ультраромантические повести: в «Письмах русского офицера» беллетристически перерабатывается легенда об основании Отроча монастыря; в «Поездке в Ревель» повествователь делится с читателями историей о своем «баснословном» предке Гедеоне Бестужеве⁴⁸. Важен и биографический контекст. Писатели были лично знакомы: Глинка с 1819 г. являлся председателем Вольного общества любителей российской словесности (в дальнейшем – ВОЛРС), а годом позже членом общества стал Бестужев.

Как нам представляется, связь между травелогами действительно есть, но, кажется, более сложная и требующая пояснений. По всей видимости, уже ко времени написания «Поездки в Ревель» в ВОЛРС сформировалась достаточно устойчивая жанровая традиция, действительно не равная «сентиментальному путешествию»; произведения Глинки, одной из ключевых фигур общества,

⁴⁶ Степанищева Т. Н. История «Поездки в Ревель» Александра Бестужева (цензура как двигатель авторского развития) // Идеологические контексты русской культуры XIX–XX вв. и поэтика перевода : Wiener Slawistischer Almanach. 2016. Sonderband 93. С. 23–37.

⁴⁷ См.: Там же. С. 33–35.

⁴⁸ Во втором полном собрании сочинений этот фрагмент был опубликован как самостоятельное произведение (см.: Марлинский А. Второе полное собрание сочинений. СПб., 1847. Т. 4, ч. 10. С. 151–161), что отражало волю самого Бестужева, высказанную в письме к К. А. Полевому 18 мая 1833 г. (см. ниже, с. 36; в собрании сочинений Марлинского 1838–1839 гг. повесть о Гедеоне была исключена из текста «Поездки в Ревель», но и отдельно напечатана не была).

могли выступить в качестве ее важного прецедента. В этой связи охарактеризуем ближайший для травелога Бестужева контекст, а именно исторические проекты ВОЛРС 1817–1821 гг. и «ученые упражнения» этого периода.

Известно, что в 1817 году А. А. Никитин, один из организаторов ВОЛРС и его секретарь, представил на суд «соревнователей» несколько проектов, способствующих распространению просвещения: полную «Российскую энциклопедию»; исторический словарь о «великих мужах России», составленный из «жизнеописания многих великих людей Отечества»; новый иконографический словарь. Одним из требований к этим изданиям должны были стать историческая точность и достоверность, о чем было прямо заявлено в выступлении⁴⁹.

Около того же времени в России появилось несколько изданий, подобных тем, о которых говорил Никитин: «Плутарх для юношества, или Жизнь великих людей всех наций, от самых отдаленных до наших времен»⁵⁰ и «Пантеон славных российских мужей» в 4-х частях⁵¹. Как показывает В. Г. Базанов, в конечном счете не состоявшийся проект Никитина, вероятно, должен был стать реализацией идей, выдвинутых в это же время Ф. Глинкой: «предложение

⁴⁹ См.: *Брайловский С. Н.* К вопросу о Пушкинской плеяде: Историко-литературные материалы и исследования (продолжение) // *Русский филологический вестник.* Варшава, 1909. Т. 61. С. 56–57.

⁵⁰ «Плутарх для юношества» имеет долгую и показательную историю переизданий. Впервые он вышел в 1808 году как перевод с французского; в него было включено жизнеописание Петра I, единственного в этом издании представителя российской истории. Каждое следующее издание «Плутарха для юношества» (1814, 1819–1823) пополнялось все большим числом отечественных биографий (см.: *Базанов. В. Г.* Ученая республика. М.; Л. 1964. С.104).

⁵¹ В 4-ю часть «Пантеона...» вошли жизнеописания, предназначавшиеся для «Исторического словаря» Никитина – например, очерк Б. Федорова «Характер и жизнь П. А. Румянцева» (Пантеон славных российских мужей. СПб., 1818. № 8. С. 84–92), примечание к которому гласило: «Написано мною в числе жизней, собираемых для “Опыта российского исторического словаря”» (Там же. С. 84). Как часть единого исторического проекта мыслилась и «Жизнь боярина Матвеева» (Там же. № 7. С. 1–13) того же автора, который сообщал в примечании: «Я имею в виду издать таким образом жизни многих наших соотечественников» (Там же. С. 1). В той же части «Пантеона...» были опубликованы и очерки Ф. Глинки: «Краткое обозрение военной жизни и подвигов графа Милорадовича» (Там же. № 8. С. 64–83) и «Подвиги генерал-лейтенанта Котляревского в походе 1812 года» (Там же. № 9. С. 99–127).

Никитина о “Российской энциклопедии” и “Словаре великих мужей России” имеет много общего с предложением Глинки о необходимости иметь свою “Отечественную историю” <...> Одновременно с летописью об Отечественной войне 1812 года Глинка размышлял о создании силами отечественных писателей, “любителей отечественной славы”, исторического повествования»⁵². Председатель общества полагал, что отдельные исторические события и жизнеописания героев отечественных достойны «славяно-русского Анахарсиса», путешествующего по России⁵³. При сопоставлении с проектами Никитина важно и другое: Глинка особенно подчеркивал, что главную ценность этих повествований представляют не художественные достоинства, а историческая достоверность, которая требует непосредственного обращения к источникам⁵⁴, а не к «замышлениям» современных «стихотворцев и басносплетателей»⁵⁵. В течение 1817 года на заседаниях общества был прочитан ряд «ученых путешествий» (например, «Путешествие к водопаду Кивач» Ив. Боровкова и «Путешествие к реке Паше» гр. Хвостова).

«Вторая волна» подготовки к изданию «Энциклопедии» прошла в течение 1818 г.: 18 февраля Никитиным было представлено «Мнение», в котором он потребовал от бездействующих соревнователей приступить к работе над «Российской энциклопедией» и утвердить особый энциклопедический комитет; кроме того, каждый из членов общества должен был предоставить в качестве

⁵² Базанов В. Г. Ученая республика. С. 91.

⁵³ «Рассматривание любопытных грамот в Риге обновило во мне мысль, которая не раз <...> представлялась мне со всею заманчивостью пользы и приятности. Я хочу сказать о составлении путешествия по древней первобытной России. – Известная книга, путешествие Анахарсиса по Греции невольно внушает мне мысль сию. Пусть кто-нибудь представит нам славяно-русского Анахарсиса, путешествующего из края в край еще не разделенной России» (Глинка Ф. Н. Письма к другу, содержащие в себе: замечания, мысли и рассуждения о разных предметах, с присовокуплением исторического повествования: Зиновей Богдан Хмельницкой, или Освобожденная Малороссия. СПб., 1816. Ч. 2. С. 1).

⁵⁴ «Великие деяния, рассеянные в летописях отечественных, блестят, как богатейшие восточные перлы или бразильские алмазы на дне глубоких морей или в ущелии гор. Стоит только собрать и сблизить их, чтоб составить для России ожерелье славы, которому подобное едва ли имели Греция и Рим. Древнейшие русские летописи, рассеянные по разным рукам, любопытнейшие грамоты и записи, погребенные в архивах русских городов и монастырей, старинные народные предания, песни, стихотворения русские – вот первые источники для исторического путешествия» (Там же. С. 7–8).

⁵⁵ Там же. С. 14.

«ученых упражнений» «краткое жизнеописание»⁵⁶.

Согласно этим требованиям Никитина стало меняться и содержание журнала. В № 10 «Соревнователя» за 1818 год вышло редакционное сообщение, согласно которому со следующего года в рубрике «Науки и художества» будут печататься «описания земель и народов», «исторические отрывки и биографии знаменитых мужей», и «ученые путешествия»; в разделе же «Изящная словесность» читатель сможет познакомиться с «живописными путешествиями» и «изображением характеров»⁵⁷. Первая книга «Соревнователя» за 1819 г. открылась повестью Глинки об освобождении Малороссии Богданом Хмельницким⁵⁸, которая первоначально была напечатана в составе «Писем к другу», но, как указано в примечании, журнальная версия «помещается с сделанными автором поправками и значительными дополнениями». Эта повесть не только органично «вписалась» в ранее разработанную Никитиным программу, но и задала новый, «вольнлюбивый» тон будущих «жизнеописаний», «ученых путешествий» и художественных текстов. Так в 1820–1821 гг., наравне с привычными травелогами и биографиями в «Соревнователе» появляются произведения, где имплицитно присутствует тема необходимости революционных изменений в России. Речь идет о текстах Ф. Н. Глинки («Отличительные черты из происшествий Отечественной (1812) войны от Малоярославского до Красненского боя»⁵⁹; перевод с французского языка биографии Т. Костюшко⁶⁰), Ф. В. Булгарина («Отрывки из рукописи под заглавием: Воспоминания об Испании»⁶¹), Н. А. Бестужева («Записки о Голландии»⁶²), О. М. Сомова (перевод с французского

⁵⁶ Базанов В. Г. Ученая республика. С. 99.

⁵⁷ Соревнователь просвещения и благотворения. 1818. № 10. С. 137–138. Далее ссылки на этот журнал даются сокращенно: Соревнователь.

⁵⁸ Соревнователь. 1819. № 1. С. 1–16; продолжение повести было напечатано в № 2, 4, 6.

⁵⁹ Там же. 1820. № 7. С. 130–138.

⁶⁰ Там же. 1821. № 1. С. 121–123.

⁶¹ Там же. 1821. № 10. С. 3–25; № 11. С. 183–201; № 12. С. 316–336.

⁶² Там же. 1821 № 7. С. 33–64; № 8. С. 179–227; № 9. С. 257–298. Анализируя тему освобождения Нидерландов в «Записках» Н. Бестужева, Базанов отмечает параллели с «Письмами русского офицера» Глинки (см.: Базанов В. Г. Ученая республика. С. 239–240).

языка биографии Августа Коцебу⁶³). Содержание «Трудов Вольного общества» и документы общества⁶⁴ свидетельствуют о том, что в 1821 г., когда А. Бестужев работал над своим травелогом, заявленная еще в 1817 г. «историческая» программа была актуальна и реализовывалась в привычных жанрах⁶⁵.

Наравне с «учеными» этнографическими путешествиями на страницах «Соревнователя» были представлены и тексты в жанре «писем» и «записок» – к ним относятся уже упомянутые выше произведения Н. Бестужева или Булгарина. Тем не менее в обществе, по всей видимости, существовала негласная жанровая иерархия, и некоторое предпочтение отдавалось именно «ученым путешествиям». Показателен краткий анонимный отзыв на «Походные записки русского офицера» Н. Лажечникова⁶⁶, помещенный в разделе «Русская библиография». Благожелательный рецензент невольно оценивает «Записки» Лажечникова на фоне более привычных для «соревнователей» «ученых путешествий»⁶⁷:

Несправедливо было бы от летучего слога записок бивуачных требовать кабинетной точности; выигрывая в порядке – они бы потеряли свою искренность; делаясь плавными, уменьшили бы силу; и потому походные записки, о которых теперь идет дело, занимательны в самой своей неправильности и любопытными разнообразными описаниями <...> грядущий историк народной войны 1812 года найдет там многие характеристические, если не исторические, черты.⁶⁸

Манера повествования Лажечникова кажется рецензенту слишком

⁶³ Соревнователь. 1821. № 4. С. 82–90.

⁶⁴ См. «Реестр упражнений, читанных в обществе»: *Базанов В. Г.* Ученая республика. С. 349–368.

⁶⁵ Так, например, в «Соревнователе» за 1821 год были опубликованы следующие тексты: «Старая и Новая Ладога» (№ 4; подпись: А. Р.) и «Биография Кампе» (№ 6; перевод с французского Д. В. Сахарова).

⁶⁶ Отрывки из «Походных записок...» были опубликованы в № 2, 5, 6, 9 и 11 «Соревнователя» за 1820 г.

⁶⁷ Описывая жанр травелога, Т. Робли противопоставляет литературному «путешествию», представленному в форме мемуаров, писем, дневника, записок, «путешествие» «географическое / этнографо-историческое» (см.: *Робли Т.* Литература путешествий. С. 44).

⁶⁸ Соревнователь. 1821. № 2. С. 301–302. Ср. характеристику «Походных записок...», данную самим Лажечниковым: «Еще я должен предупредить читателя, чтобы он не ожидал найти в сей книге подробное описание маршей и сражений, тактические замечания и наблюдения, одним словом: верные и полные источники для бытописателя прошедшей кампании. Автор не посвящал себя совершенно военному делу, и для того не принимал на себя труднейших обязанностей военного историка. Он издает ныне свои записки в виде замечаний простого походного наблюдателя...» (Соревнователь. 1820. № 4. С. 107).

личной и субъективной:

...автор часто говорит о самом себе, что утомляет любопытство. – Конечно он писал письма сии для друзей, которые требовали одних чувств, – но читатель сверх того требует, чтобы чувства сии были вылиты в занимательную для него форму, а не к каждому суждению, подобно Стерну, приковывать к себе внимание читателей.⁶⁹

Интересно сопоставить этот отзыв со «Взглядом на книгу: Описание войны 1812 года, изданную Дмитрием Амшарумовым» И. И. Брыкова. Рецензент представляет книгу как образцовый научный труд:

Ясность, подробность без излишнего распространения, точность описания воинских действий, чистота и приятность слога составляют достоинство сего сочинения. За исправность же и верность описываемых предметов можно ручаться тем более, что почтенный автор был действующим лицом во все продолжение кампании, имел случай почерпнуть все нужные сведения из вернейших источников. – Честь и слава российским воинам, жертвующим жизнью во время войны и во время мира идущим по стопам Фукидидов, Ксенофонов и Тацитов.⁷⁰

Но вернемся к отзыву на сочинение Лажечникова. В связи с «Поездкой в Ревель» важным оказывается то обстоятельство, что автором этой рецензии мог быть и сам А. Бестужев. На полугодичном собрании ВОЛРС, состоявшемся 27 декабря 1820 г., писателя назначают на должность цензора библиографии на первое полугодие 1821 г.⁷¹ и вполне вероятно, что в его обязанности входило не только формирование самой библиографии, но и написание рецензий на книги, помещенные в этот раздел.

На собраниях общества периодически поднимался вопрос о том, в достаточной ли мере печатаемые в «Соревнователе» тексты способствуют просвещению читателей⁷². Так, достаточно критично о содержании журнала высказался на собрании 1 марта 1820 г. помощник председателя общества В. Н. Каразин, чье выступление, вызвавшее бурную и даже гневную реакцию «соревнователей», было опубликовано в том же году отдельной брошюрой. Большая часть нападок относилась к появляющимся на страницах журнала

⁶⁹ Там же. 1821. № 2. С. 302.

⁷⁰ Там же. 1820. № 1. С. 114–115.

⁷¹ См.: Записки общества // Соревнователь. 1821. № 1. С. 124.

⁷² См.: *Брайловский С. Н.* К вопросу о Пушкинской плеяде. С. 68–71.

поэтическим текстам и отрывкам из переводных романов, но отдельный пассаж, достаточно пространный, касался и «путешествий», которым, по представлениям Каразина, не хватало «учености» и «полезности»:

Вместо того, чтобы описывать в *десятитысячный* раз восход солнца, пение птичек, журчание ручейков, употребим те же дарования, то же счастливое воображение на предметы более дельные. Взяв за образец Бюфона, опишем лучше путешествия *действительно* совершенные в недрах Отечества нашего. Исчислим естественные произведения России, опишем нравы ея разнovidных обитателей, от кочующего на льдах полярных чукчи, до индейца, благоговейно поклоняющегося Бакинскому огню. Или с Тацитом и Карамзиным испытаем углубиться в историю народов. И так далее...⁷³

После скандального выступления помощника председателя в подобном же духе высказался и М. Н. Загоскин⁷⁴, который в том же 1820 г. поместил в «Соревнователе» «пиэсу» «Любители словесности»⁷⁵, безжалостно обрисовав в ней членов некоего общества известных литераторов, славных тем, что, ратуя за просвещение, до сих не написали ни одного произведения.

§ 2. Две редакции «Поездки в Ревель»; импульсы к переработке произведения; итоги работы в жанре травелога

Описанный контекст позволяет заметить, что «Поездка в Ревель» представляет собой сложное и довольно необычное для «ученых упражнений» жанровое единство⁷⁶. Травелог состоит из двух частей. Заглавие первой, совпадающее с названием всей книги, отсылает скорее к описанной выше

⁷³ Каразин В. Н. Об ученых обществах и периодических сочинениях в России. СПб., 1820. С. 8.

⁷⁴ См. адресованное «соревнователям» письмо М. Н. Загоскина от 15 марта 1820 г.: Брайловский С. Н. К вопросу о пушкинской плеяде. С. 68–70.

⁷⁵ Соревнователь. 1820. № 3. С. 286–310.

⁷⁶ Затруднение в жанровом определении этого текста испытали и первые критики. Так, в достаточно благожелательной анонимной рецензии, появившейся на страницах «Сына отечества», а позже перепечатанной в «Санкт-Петербургских ведомостях» (1821. № 84, 21 окт.), мы найдем следующий пассаж: «Это путешествие не ученое, не сантиментальное, а просто рассказ умного, веселого и любезного человека о поездке в такую сторону, которая мерою отстоит от С. Петербурга в трехстах верстах, а нравами и обычаями жителей в трех тысячах. Забавные анекдоты, остроумные замечания, исторические воспоминания, беседы о литературе, стихи и проза, сменяются одни другими в приятном разнообразии...» (Сын отечества. 1821. № 42. С. 84).

традиции «ученых путешествий»⁷⁷. Но рассказ о путешествии ведется здесь в стернианской манере и перебивается разговорами с читателями, стихами, лирическими отступлениями, описаниями забавных происшествий, «романических приключений», местных обычаев и нравов. В то же время в этой части содержится чрезвычайно подробный исторический экскурс в историю Ливонии и Ревеля, композиционно отделенный от основного повествования («исторической» части травелога по преимуществу посвящено последнее, пятое письмо): Пассаж, предваряющий этот экскурс, соотносится с декларациями Глинки и «соревнователей»: «Между тем, как мечты увлекали сердце, любопытство искало исторических истин, народных преданий, даже басенных вымыслов; память сохраняла их, а разум отличал ложное от былого. Снисхождению вашему остается выслушать рассказ мой; – он будет не долог, потому что не лета, а важные случаи лет знаменуют историю» (51). Встречаются в этой части и дидактические сентенции о пользе просвещения, например: «Надобно путешествовать, чтобы научиться, говорят все; я думаю: надобно учиться, чтобы с пользой путешествовать. Тогда всякий предмет, одушевленный воспоминанием, принимает новую жизнь и голос. Я испытал это, проезжая мимо местечка Магольма, известного битвою рыцарей ливонских с войсками великого князя Иоанна, деда Грозного, в 1501 году» (23).

Вторая часть, «Дорожные записки на обратном пути из Ревеля», отличается большей «интимностью» и меньшей «кабинетной точностью». Здесь практически нет «ученых» исторических описаний: центральное место занимают рассуждения повествователя о назначении критики и романтическая повесть о Гедоне Бестужева, которым посвящены отдельные главы – «Станция Варгель» и «Станция Чирковицы» соответственно. Сведения же исторического, этнографического или географического характера (немногочисленные по сравнению с первой частью травелога) даются вскользь и разбросаны по всему повествованию.

⁷⁷ Можно вспомнить о таких текстах, как «Поездка к Уральским горам» Е. Ковалевского или «Поездка на Илецкую сторону» А. Боровкова, прочитанных на собраниях ВОЛРС в 1817 г.

Как нам представляется, первое крупное произведение Бестужева было своего рода компромиссом между программными требованиями ВОЛРС и собственными представлениями писателя о жанре травелога и работе с историческим материалом. Об этом свидетельствуют некоторые эпизоды творческой истории отдельного издания «Поездки в Ревель», которая, безусловно, заслуживает отдельного описания.

Впервые отрывки из «Поездки в Ревель» были прочитаны на заседаниях ВОЛРС 17 и 21 января и 7 февраля 1821 г. и тепло приняты слушателями. Вскоре текст стал появляться и на страницах периодических изданий. Первая часть «Поездки» опубликована в февральском и мартовском номерах «Соревнователя»; уже в апреле и мае того же года в журнале «Невский зритель» выходит продолжение травелога – «Дорожные записки на обратном пути из Ревеля».

Кажется, до сих пор научное описание творческой истории травелога Бестужева сводилось к предельно краткой реплике В. Г. Базанова: «“Путешествие в Ревель” печаталось в 1821 году в Соревнователе (№ 2–3) и тогда же в Петербурге вышло отдельным изданием с некоторыми незначительными изменениями»⁷⁸. Но в действительности журнальная и книжная версии «Поездки в Ревель» различаются настолько, что можно говорить о двух редакциях произведения. Книжная версия носит следы многочисленных стилистических исправлений, направленных, в частности, на устранение излишней витиеватости слога. Приведем характерные случаи правки подобного рода:

<i>Соревнователь. 1821. № 2</i>	<i>Отдельное издание 1821 г.</i>
«...шлагбаум Нарвской заставы прогремел мне цепями своими последнее прощание» (С. 134).	«...шлагбаум Нарвской заставы прогремел далеко за мною» (2).
«Там многие – невольники своих часов: веселятся по календарю, минуты принимают каплями, циркулем меряют свое удовольствие. Любезность так редка, как ананасы в Камчатке» (С. 138).	«Там люди – невольники своих часов: веселятся по календарю и на счетах выкладывают чувства» (6).

⁷⁸ Базанов В. Г. Ученая республика. С. 240.

«...и мы, засевши в палатку, принялись размачивать шампанским военные фразы свои» (С. 141).	«...и мы, засевши в палатку, принялись за шампанское» (9).
«Меня узнать было тоже нелегко: рубец на щеке прятался под широкую перевязку и делал меня копией Рыцаря печального образа. – Один французский кирасир вписал его в альбом моей физиономии на память Монмартрского дела, и я долго не мог выздороветь» (С. 144).	«Меня узнать тоже было нелегко: рубец на щеке, в память Мон-Мартрского дела, прятался под широкую перевязку и делал меня копией Рыцаря печального образа» (12).
«Подле нее забыл я гусарство и весь свет. – Вздыхал как раздувательный мех, надеялся, боялся...» (С. 145).	«Подле нее забыл я гусарство и весь свет; вздыхал, надеялся, боялся...» (12).
«его сановитый нос, который бы очень мог быть шабашною вывескою, рот, едва застегнутый ушами...» (С. 146).	«его сановитый нос, его рот едва застегнутый ушами...» (14).
«Здесь мать, совершив свой долг, не краснеет взрослой дочери; она не поручала наемникам в чуждую форму перелить наследное благородство чувств, подобно другим, у коих в это время взоры блуждали по ломберным столам или приветствовали ласкателей» (С. 160).	«Здесь мать, совершив свой долг, не краснеет взрослой дочери, подобно тем, у коих в невозвратное время воспитания, взоры блуждали по ломберным столам или приветствовали ласкателей» (31).
«Здесь сон не знакомится с враждебным ему солнцем...» (С. 163).	«Здесь сон не знакомится с солнцем...» (35).

Кроме того, текст отдельного издания заметно расширен за счет дополнений и вставок преимущественно исторического характера – например, описания битвы немцев с русскими дружинами под стенами замка Вензеберг в 1248 году («Письмо второе») или рассказа об учреждении первой народной школы в Вышгороде («Письмо пятое»). Заметно и другое: многочисленные расхождения между разными версиями текста характерны только для первой части «Поездки». При сравнении двух редакций «Дорожных заметок...» очевидно, что разница между публикацией в «Невском зрителе» и текстом отдельного издания минимальна: если в первой части количество расхождений составляет сто семнадцать случаев на сто страниц текста, то на пятидесяти страницах второй части всего семь исправлений.

Рукописи «Поездки в Ревель» не сохранились, но некоторое представление о работе Бестужева над текстом отдельного издания можно

получить, обратившись к его переписке за март–октябрь 1821 г. Существенно, что с апреля того же года Бестужев участвовал в походе гвардии по северо-западным губерниям⁷⁹, и с этого момента переписка стала для него единственным каналом связи с литературным миром.

Первое интересующее нас письмо (прежде не публиковавшееся) адресовано Н. И. Гнедичу 26 марта 1821 г. и содержит просьбу отредактировать текст «Поездки», готовящейся к выходу отдельным изданием:

Милостивый государь!

Николай Иванович!

Человек, который желает учиться, чтобы не век быть учеником, покорнейше просит почтенного переводчика Омира произвести в кавалеры Андреевского креста все периоды и выражения в «Ревельской поездке», которые покажутся ему сомнительными, а так как начинать копию для нового издания должно с первого листа, сей некто препровождает к вам начало.

Зная, что сочинение мое более выиграет моим отсутствием, хотя я сам чрез то проиграю – не хочу быть эгоистом и отлагаю удовольствие быть с вами до другого дня. – Надеюсь, Николай Иванович, вы не откажете в небольшой поправке или замечаниях истинно уважающему вас

Александрю Бестужеву

1821 года марта 26 дня

P. S. Когда прикажете приехать за книгой? –⁸⁰

Не имея ни текста «Поездки» с правкой Гнедича, ни его ответного письма, мы можем только строить предположения о том, какова была его роль в подготовке отдельного издания. В качестве «начала», отправленного ему, по видимому, выступала первая часть «Поездки», знакомая Гнедичу по чтениям в ВОЛРС⁸¹ и к 26 марта если еще опубликованная в «Соревнователе», то

⁷⁹ В «Краткой биографической канве», составленной Г. В. Прохоровым (ОР РНБ. Ф. 69 (Бестужевы). № 32. Л. 10), указано, что Бестужев находится в Прибалтике с мая 1821 г. Основанием для этого стали письма литератора к матери и Булгарину. Но как отметил Базанов (*Базанов В. Г. Ученая республика. С. 229–230*), в архиве ВОЛРС сохранился адрес, датированный 4 апреля 1821 г., в котором А. А. Никитин от лица «соревнователей» выражает глубокое сожаление по поводу отъезда Бестужева из Петербурга (РО ИРЛИ. Ф. 58 (Архив ВОЛРС). № 3. Л. 6–7).

⁸⁰ ОР РНБ. Ф. 69 (Бестужевы). № 13. Л. 1–1 об. На л. 1 об.: Милостивому государю Николаю Ивановичу Гнедичу.

⁸¹ Отрывки из «Поездки в Ревель» были прочитаны А. Бестужевым 5 и 28 февраля 1821 г. на публичных собраниях ВОЛРС, где присутствовал и Н. И. Гнедич, тогда же представивший на суд слушателей свой перевод из «Илиады» и поэму Е. А. Баратынского «Пирры» (см.: *Базанов В. Г. Ученая республика. С. 226, 229*).

очевидным образом к публикации готовящаяся⁸². Возможно, к «началу» была приложена рукопись еще не напечатанных «Дорожных заметок». Если Гнедич действительно выполнил просьбу Бестужева и внес правку в обе части «Поездки», это объясняло бы, почему в первой части расхождение между двумя печатными версиями велико, а во второй – минимально. Причина заключалась бы в том, что вторая часть уже при первой публикации на страницах «Невского зрителя» успела пройти через редактуру Гнедича и в отдельном издании существенной правке не подвергалась. Но нельзя исключать и другой вариант: Гнедич мог отнестись к редакции «Дорожных записок» без особого рвения, а отсутствие существенных замечаний Бестужев мог принять за одобрение.

Письмо Бестужева к Гнедичу более интересно как факт их литературных отношений. Как известно, Гнедич пользовался в писательской среде большим авторитетом: в нем видели учителя, наставника. Эта репутация особенно укрепилась после того, как 13 июня 1821 г. при избрании Гнедича действительным членом ВОЛРС он произнес на полугодовом заседании общества впечатляющую речь о назначении поэта⁸³. По следам этого события написан целый ряд поэтических обращений к нему: послания К. Ф. Рыльева (1821)⁸⁴, П. А. Плетнева (1821), Е. А. Баратынского (1823), в которых о старшем поэте говорится как о примере для подражания, как о литературном судье⁸⁵. На этом фоне обращает на себя внимание тот факт, что письмо Бестужева написано до произнесения знаменитой речи Гнедича (как, между прочим, и пушкинское послание «<Из письма Гнедичу>», датируемое тем же, что и письмо Бестужева, мартом 1821 г. и отражающее ту же репутацию старшего поэта).

Насколько тесными были личные отношения Гнедича и Бестужева к моменту написания письма и как они развивались в дальнейшем, определить

⁸² В анонсе на 1821 год (Соревнователь. 1820. № 12), сказано, что «Общество <...> постарается <...> чтобы книжки онаго выходили в конце каждого месяца» (С. 342).

⁸³ См.: Соревнователь. 1821. № 8. С. 129–147.

⁸⁴ Кроме того, в 1822 г. Рылеев посвятил Гнедичу думу «Державин».

⁸⁵ Ср., например, в послании Плетнева: «Судья и друг поэтов молодых, / К твоим словам в отважном сердце их / Есть тайная, особенная вера» (Новости литературы. 1822. Кн. 2. № 25. С. 188).

достаточно трудно. Сведения, сохранившиеся в дошедших до нас документах, довольно скудны и говорят скорее о том, что общение между ними не было очень близким. Безусловно, к марту 1821 г. писатели уже были знакомы и неоднократно встречались на заседаниях ВОЛРС; 14 февраля 1821 г. в отчете о «Публичном чтении в Российской академии» Бестужев восторженно отозвался об отрывке из перевода «Илиады», представленном Гнедичем⁸⁶. Позднее, в письмах 1821–1823 годов, адресованных Булгарину и Вяземскому, молодой литератор писал о Гнедиче с заметным уважением и симпатией, но достаточно отстраненно⁸⁷. В 1824 году, если верить воспоминаниям Михаила Бестужева, Гнедич посещал так называемые «русские завтраки» на квартире Рылеева, в которых принимали участие Николай и Александр Бестужевы, Ф. Глинка, Дельвиг, Грибоедов, Лев Пушкин⁸⁸. Но в то же время в «Записной книжке» Бестужева за 1824 год, в которой достаточно подробно зафиксированы литературные контакты писателя, имя Гнедича ни разу не упоминается. Тем не менее, переводы и стихи Гнедича регулярно появлялись на страницах «Полярной звезды», а в программном «Взгляде на старую и новую словесность» за 1823 г. Бестужев отозвался о поэте в самых лестных выражениях:

Трудно точно определить причины, по которым Бестужев попросил именно Гнедича «возвести в кавалеры Андреевского креста» сомнительные обороты «Поездки». Адресант безусловно знал о его издательском опыте: в

⁸⁶ См.: Соревнователь. 1821. № 2. С. 310.

⁸⁷ Ф. В. Булгарину 26 мая 1821 года: «Что подельывают доброго общие приятели и товарищи наши: Греч, Глинка, Никитин? Здоров ли барон, не приехал ли Баратынский? Помнит ли меня Н. И. Гнедич и все, наконец, которых помнит сердце, не справляясь с расходною книгою учтивости? Пожалуй, отправь им поклон за меня и попроси с собою вместе, чтоб они писали к грамотному драгуну грамотки, чтоб он не разучился читать» (Русская старина. 1901. № 2. С. 393). П. А. Вяземскому 23 мая 1823 года: «...у нас в Обществе, бог весть от чего, завелись партии. Гнедич, которого сменили с вице-президентства, есть посеребренная пружина первой. <...> Другая партия есть партия положительного безвкусыя» (Письма Александра Бестужева к П. А. Вяземскому: (1823–1825). С. 203).

⁸⁸ См.: Бестужев М. А. Из «Моих тюрем» // Писатели-декабристы в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1981. Т. 1. С. 51.

1816–1817 гг. Гнедич редактировал и компоновал тексты Батюшкова, которые были опубликованы в составе «Опытов в стихах и прозе», в 1820 г. выступил издателем «Руслана и Людмилы». Но вполне возможно, что Бестужев попросил Гнедича о правке, потому что высоко ценил того в первую очередь как литературного критика. Это предположение подтверждается единодушием некоторых критических отзывов писателей.

В 1816 г. Гнедич опубликовал разбор баллады Катенина «Ольга», (перевода «Леноры» Г. А. Бюргера), оспоренный Грибоедовым и вызвавший сочувствие «карамзинистов». Основными претензиями Гнедича к автору стали многочисленные погрешности против логики, грамматики и стиля, претендующего на подражание народному языку. Один из упреков касался неудачного употребления слова «пращ»:

Эти стихи летели, но – увы! – пращи не летают. Пращ есть веревка или ремень, которые всегда остаются в руках у человека, мечущего ими камни. Разве смелости этой не позволить для чудес баллады? Но тогда надобно позволить, чтобы летали и пушки.⁸⁹

Через четыре года после этого отзыва Бестужев в № 12 «Сына отечества» поместил отзыв на катенинскую же «Песнь о первом сражении русских с татарами при реке Калке...». Критик предъявил автору «Песни...» те же претензии, которые уже ранее высказывал Гнедич, а в пассаже, посвященном неуместному употреблению слова «пращ» практически процитировал его:

Что до пращей, говорено было не однажды, они летать по воздуху не могут, да и не должны точно так же как наши пушки и мортиры. Из пращей метали камень, но сами они всегда оставались в руке.⁹⁰

Обращение к другим критическим отзывам Бестужева показывает, что он не просто шел по стопам Гнедича, но искренне разделял его убеждения. В бестужевских рецензиях постоянно звучит мысль о недопустимости в литературе разговорного языка и просторечия. Впервые в этом духе критик высказался в 1819 г., опубликовав в № 3 «Сына отечества» разгромный отзыв на перевод Катениным трагедии Расина «Эсфирь». Суть претензий к переводу

⁸⁹ Сын отечества. 1816. № 27. С. 17–18.

⁹⁰ Там же. 1820. № 12. С. 248.

можно свести к следующему пассажиру:

Один только очищенный вкус не удостоился быть сотрудником г. переводчика. У него самая неупотребительная, заржавевшая славянщина перемешана весьма неосторожно с простейшими русскими словами.⁹¹

Использование просторечия Бестужев считал недопустимым даже в комедии, упрекая в этом и Шаховского, автора «Липецких вод»⁹², и Сушкова, подготовившего перевод комедии Пирона «Метромания, или Страсть к стихотворству»⁹³.

Текст «Поездки в Ревель» соответствует этим критическим декларациям Бестужева, хотя в журнальной версии встречается, например, упоминание о «кровоавом поносе», сломившем дух немецкой армии⁹⁴. Впрочем, в тексте отдельного издания «понос» заменен на более благопристойный эвфемизм: «В войске немецком случилась презабавная болезнь» (24). Авторская тяга к высокому поэтическому слогу проявилась в весьма многочисленных лирических отступлениях, число которых во второй редакции травелога увеличилось⁹⁵. Приведем примеры переработки текста в этом направлении:

<i>Соревнователь. 1821. № 3</i>	<i>Отдельное издание 1821 г.</i>
«...веки, давно протекшие, мелькают в туманах воспоминания» (С. 336).	«...веки, давно протекшие, мелькают в туманах воспоминания, и с ними вьется в душе грустное предчувствие будущего» (74).
«Другие иконы, украшающие переклады и простенки между сводами, гораздо низшей работы. – Лавки, рамы образов и портретов...» (С. 350).	«Другие иконы, украшающие переклады и простенки между сводами, гораздо низшей работы. Над кудрявыми гербами рыцарей немецких и шведских развешены ржавые латы; над иными тлеют пыльные обрывки знамен. Я вздохнул, рассматривая оныя. Может быть, под этим холодным железом кипела некогда ретивая грудь славою и

⁹¹ Сын отечества. 1819. № 3. С. 119.

⁹² Там же. 1819. № 6. С. 261, 267.

⁹³ Там же. 1821. № 7. С. 317–318.

⁹⁴ Соревнователь. 1821. № 2. С. 154–155.

⁹⁵ В дальнейшем, однако, писатель пошел по иному пути. Уже в «Романе и Ольге. Старинной повести» (1823) в авторском примечании будет прямо сказано: «Языком я старался приблизиться к простому настоящему русскому рассказу и могу поручиться, что слова, которые многим покажутся странными, не вымышлены, а взяты мной мною из старинных летописей, песен и сказок» (Бестужев-Марлинский А. А. Соч.: В 2 т. М., 1981. Т. 1. С. 35). Эта установка отразилась не только в использовании историзмов и архаизмов, но и в попытках ввести в текст повести элементы «народной» речи.

	чистою любовью <...> и что теперь все это? Залог тления и ничтожества!.. протечет еще несколько лет и любопытство напрасно спросит немые развалины. Лавки, рамы образов и портретов...». (89– 90)
--	---

Следующая после письма к Гнедичу хронологическая веха в истории подготовки второй редакции травелога Бестужева – 3 мая 1821 г., дата поступления рукописи «Поездки» в Цензурный комитет⁹⁶. Однако и после этого Бестужев продолжал активно работать над текстом отдельного издания. Его письма позволяют частично реконструировать этапы работы над историческими экскурсами, составляющими значительную часть травелога.

Проблема источников «Поездки» уже поднималась, в частности, С. Г. Исаковым⁹⁷. Однако среди этих источников не назван, казалось бы, самый очевидный – «История государства российского» Карамзина, обращение к которой сыграло немаловажную роль при подготовке второй редакции «Поездки».

Большинство писем 1821 г. адресованы Булгарину, который до 1825 г. был близким другом Бестужева. В связи с нашей темой в первую очередь интересны два письма. В первом, датированном 26 мая, говорится: «Греча попроси об истории Карамзина»⁹⁸. Понять, о каком именно томе «Истории» идет речь, достаточно легко (например, по объявлениям в «Санкт-Петербургских ведомостях») – в апреле 1821 г. выходит 9-й том, посвященный царствованию Ивана Грозного в 60–80-е гг. XVI века. Первое знакомство Бестужева с этим томом произошло еще в начале 1821 г. В № 2 «Соревнователя» содержится уже упоминавшийся выше бестужевский отчет о торжественном заседании Императорской Российской Академии, на котором Карамзин зачитывал отдельные главы из 9-го тома о войне Ивана Грозного с

⁹⁶ Дата устанавливается согласно «Ежемесячной ведомости о разрешенных рукописях и книгах с указанием времени поступления рукописи и цензора, рассмотревшего ее» (РГИА. Ф. 777. Оп. 1. Д. 350. Л. 34).

⁹⁷ См.: Исаков С. Г. Неизвестная статья А. А. Бестужева-Марлинского // Труды по русской и славянской филологии. Тарту, 1959. Вып. 78. С. 269–277 (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та).

⁹⁸ Русская старина. 1901. № 2. С. 393.

польским королем Стефаном Баторием. Автор отчета довольно кратко, но с восхищением отозвался об этом выступлении: «С каким живым участием все слушали подвиги предков своих! С каким удовольствием будем мы рассказывать внукам, что слышали самого Карамзина!»⁹⁹.

Спустя месяц, 20 июня Бестужев посылает Булгарину второе письмо, до сих пор не публиковавшееся. В содержании его важны два момента. Во-первых, Бестужев благодарит адресата за том «Истории», полученный им 18 июня. Во-вторых, он высылает Булгарину ряд поправок к тексту «Поездки», которые тот должен передать Ивану Васильевичу Слёнину, книгопродавцу и издателю, в 1821 г. выполнявшему обязанности комиссионера ВОЛРС:

Прилагаемые при сем поправки в Ревельск<ие> бредни отправь, пожалуйста, с поклоном к Слёнину для вставки где в хронографии увидишь, а старое вычеркнуть до годов 1600-х. Как увидишь, не имея прежде верных историй, я упомянул слишком кратко о важных делах.¹⁰⁰

Отдельное издание «Поездки» получило цензурное разрешение 25 июня, разрешение на отпуск из типографии – 23 сентября 1821 г.¹⁰¹. В промежутке между этими датами высланные писателем поправки, касающиеся деятельности Ивана Грозного в Ливонии, внести удалось (что же касается второй просьбы Бестужева, – «старое вычеркнуть до годов 1600-х» – Булгарин ее не выполнил). Автограф с поправками, вложенными в письмо к Булгарину, не сохранился, но их можно частично реконструировать, сопоставив журнальную версию с отдельным изданием «Поездки», в котором появилось несколько уточнений и ряд новых эпизодов¹⁰². Большинство вставок буквально цитируют текст Карамзина, поэтому их источник не вызывает сомнений:

Карамзин Н. М.	Бестужев А. А.
----------------	----------------

⁹⁹ Соревнователь. 1821. № 2. С. 311.

¹⁰⁰ РО ИРЛИ. Ф. 623 (Архив Ф. В. Булгарина). № 30. Л. 3 об.

¹⁰¹ Дата выдачи цензурного билета устанавливается по «Книге для записи билетов, выдаваемых из цензурного комитета» за 1816–1821 гг. (РГИА. Ф. 777. Оп. 1. Д. 370. Л. 4).

¹⁰² К их числу относятся: упоминание «изменников» Крузе и Таубе, поверенных Магнуса (62); описание осады Ревеля в 1557 году (62–66); упоминание генерала Горна, которого Бестужев делает «комендантом Ревеля» (64); смерть Ивана Шереметьева (64); предание об Иве Шенкеберге (65).

История государства Российского. СПб., 1821. Т. 9.	Поездка в Ревель. СПб., 1821
«Воеводы Московские, боярин Иван Петрович Яковлев, князя Лыков, Кропоткин, не умея взять Ревеля, только грабили села эстонские» (С. 174).	«...воеводы московские, боярин Яковлев, князя Кропоткин и Лыков не могли, ибо не умели, взять города; только буйствовали в окрестностях» (63).
«Иван Васильевич Меньший Шереметев, который дал слово Государю взять Ревель или положить там свою голову. <...> Шереметев сдержал слово: не взял Ревеля, но положил свою голову, убитый ядром пушечным» (С. 251–252).	«Шереметев (Иван) обещал взять город или умереть, и сложил голову, не взяв оного» (64).
«Явился витязь, сын ревельского монетчика, Ив Шенкенберг, прозванный Аннибалом за смелость: предводительствуя толпами вооруженных земледельцев, он взял Виттенштейн, сжег Пернау, ограбил несколько городков и замков в Ервене, в Вирландии, близ Дерпта; злодейски мучил, убивал наших пленников» (С. 253).	«Шенкенберг, прозванный Аннибалом, сын ревельского ремесленника, предводя толпами крестьян, преследовал шестинедельною осадой утомленных россиян, даже отнимал города, брал наши замки, мучил, терзал пленников» (65).

Отметим, что в эти включенные Бестужевым пассажи вкралось несколько фактических ошибок (например, осада Ревеля в «Поездке» датируется не 1557, а 1577 годом). Возможно, их допустил сам Бестужев, который выслал свои поправки через два дня по получении тома Карамзина, но не исключено и то, что ошибки возникли при наборе текста.

Нужно сказать, что Бестужев, в сентябре–октябре квартировавшийся сначала в Полоцке, а позже под Минском в Выгоничах, вплоть до появления «Поездки» в продаже не знал, удалось ли внести в текст высланные им дополнения. Об этом говорит содержание письма к Булгарину от 6 сентября: «Пожалуйста, уведошь меня, получил ли ты письмо с поправками для Рев<ельского> Путеш<ествия>»¹⁰³. 22 октября, т. е. на следующий день после объявления о продаже «Поездки» в «Санкт-Петербургских ведомостях», Бестужев пишет Булгарину еще одно письмо, свидетельствующее о том, что с сентября судьба поправок для травелога так и не прояснилась для автора:

Неужели все родные и приятели стакнулись целые два месяца не писать ко мне ни слова? Неужели и ты, юноша, последовал их примеру на муки горюну-драгуну? Нечего сказать, хороши вы, гуси! Я палю письмами, а

¹⁰³ Русская старина. 1901. № 2. С. 395.

вы не хотите порадовать ни строчкой! <...> Возвратное путешествие из Ревеля, если можно достать листками, пожалуйста, перешли, ибо я его не читал в печати. Еще, mon cher, уведоь меня, получил ли ты с поправками Ревел<ьское> Пут<ешествие> и письмо, из Полоцка пущенное? Если нет, то я, право, начинаю верить, что в моих письмах кто-нибудь думает сыскать карбонарство; и точно там одни угольные чернила.¹⁰⁴

Обратимся к анализу содержательных и стилистических изменений, внесенных в текст отдельного издания. Что касается изменений первого рода, то, как нам представляется, текст второй редакции «Поездки» показывает, как Бестужев пытается, с одной стороны, соответствовать программным требованиям Вольного общества, с другой – идти собственным путем.

Как было сказано выше, этот текст заметно увеличился за счет включения дополнительных исторических эпизодов, городских легенд, новых этнографических наблюдений, а также многочисленных уточнений, подробностей и деталей. Думается, функция большинства подобных вставок состоит в том, чтобы придать травелогу более «ученый» характер описаний и сделать текст «по-кабинетному» точным. Кроме того, среди исторических вставок выделяются «вольнлюбивые» эпизоды истории Ливонии и Ревеля. Так, во второй редакции можно обнаружить следующий пассаж:

...заметим, что жители ревельские, переходя из-под одной власти под другую, не переставали быть вольными, сохранили свой отличительный характер честности в политическом быту, Любекские законы в гражданском судопроизводстве и всегда своим согласием скрепляли договоры, начертанные рукою победителя или необходимости (72–73).

В качестве подтверждения «вольнлюбивого» характера ревельцев Бестужев ссылается на известные исторические события – «Юрьеву ночь» 1243 года¹⁰⁵ или осады Ревеля войсками Ивана Грозного в 1571 и 1577 гг. (63–64), которые не могут не напоминать о соответствующем эпизоде из истории Новгорода.

¹⁰⁴ Там же. С. 396.

¹⁰⁵ «В 1243 году эстонцы, раздраженные угнетениями новых своих владельцев, подняли знамя свободы и мстительное железо их обагрилось кровью немецкою. Около двух тысяч дворян и рыцарей заплатили головами за жестокость свою. Замки пылали, осада грозила Ревелю, и датчане принуждены были просить помощи орденской. Геймейстер Бернгард фон Дрейлебен повел войско, сильное числом, мезтью и оружием, против инсургентов. Эстонцы решились умереть с мечем в руке – и легли все до одного неподалеку от Ревеля. Их было 10 000. Совершенное рабство всех ливонцев было следствием сего благородного поступка, достойного Спарты и Гельвеции» (56–57).

Думается, «вольнолюбивая» линия травелога прямо связана с программой «Соревнователя», о которой было сказано выше, и соответствовала взглядам Бестужева. Проследить развитие этой линии в творчестве писателя позволяет сопоставление «Поездки» с ранней статьей Бестужева «О нынешнем нравственном и физическом состоянии лифляндских и эстляндских крестьян»¹⁰⁶. Этот текст представляет собой перевод фрагмента из трехтомного сочинения «Essai critique sur l'Histoire de la Livonie suivi d'un tableau de l'état actuel de cette province» (Dorpat, 1817) баварского посланника при русском дворе Франсуа Габриэля де Брэ (de Bray, 1765–1832), к труду которого есть прямая отсылка в «Поездке в Ревель»¹⁰⁷. Выбранный Бестужевым отрывок посвящен этнографическому описанию латышей и эстляндцев в сравнении с русскими крестьянами. Обещание переводчика опубликовать продолжение статьи, по неизвестным причинам выполнено не было.

В том же 1818 г. статья вместе с переводами из Лагарпа была упомянута в направленном в Санкт-Петербургский цензурный комитет письме Бестужева, в котором начинающий литератор ходатайствовал о разрешении издавать собственный журнал «Зимцерла»¹⁰⁸. Как известно, этот проект был отклонен, а среди указанных причин было сказано и о неудовлетворительном характере представленных переводов («...перевод в прозе о состоянии эстонских и ливонских крестьян не отличается ни чистотою языка, не правильностью слога»¹⁰⁹). По мнению Н. И. Мордовченко, «за вопросами слога и языка у Цензурного комитета скрывались еще подозрения в политической благонадежности Бестужева в виду того, что его перевод из книги де Брэ оказался ведь явно нецензурным»¹¹⁰. По этой же причине, считает исследователь, читатели «Сына отечества» так и не увидели обещанного

¹⁰⁶ Сын отечества. 1818. № 38. С. 241–254.

¹⁰⁷ «...я пишу не книгу и не из книг, а потому любопытным читателям советую прочесть сочинение: Essai critique sur l'histoire de la Livonie, в котором подробно описано настоящее положение всей Ливонии» (21).

¹⁰⁸ См.: Русская старина. 1900. № 8. С. 391–392.

¹⁰⁹ Там же. С. 394.

¹¹⁰ Мордовченко Н. И. Русская критика первой четверти XIX века. С. 315.

продолжения статьи.

Между тем труд де Брэ, посвященный Александру I, был одобрен на самом высоком уровне: автор был награжден орденом Св. Анны I степени, а позднее – званием почетного доктора философии Дерптского университета (1818) и членством в Российской Академии наук (1822). Что же касается перевода Бестужева, то сопоставление с французским первоисточником, предпринятое Т. Н. Степанищевой, показало, что по сравнению с вполне благонадежным текстом де Брэ Бестужев стремится к еще большей политической умеренности. В переводе оказались опущены упоминания о рабстве как прибалтийских, так и русских крестьян, исключены пассажи с указаниями на дурные обычаи и отрицательные черты русского национального характера. На первом плане оказалось сопоставление русских и прибалтов, причем не в пользу последних (в труде де Брэ также присутствовала эта оппозиция, но она была выстроена менее прямолинейно и однозначно)¹¹¹.

Трудно сказать, по чьей воле – переводчика или цензора – текст де Брэ дошел до русского читателя в скорректированном виде. В любом случае вторая редакция «Поездки в Ревель», хотя и содержит специально введенные свидетельства «благонадежности» автора¹¹², оказалась значительно более политически острой, чем статья «О нынешнем нравственном и физическом состоянии лифляндских и эстляндских крестьян». Отдельные черты жителей Прибалтики остались неизменными (например, описание нечистоплотности эстонских крестьян и запущенности их жилищ) в «Поездке в Ревель» и других «ливонских» текстах.

Отдельное издание травелога расширено за счет включения в текст не только исторических экскурсов, но и пространных лирических отступлений¹¹³ и

¹¹¹ См.: *Степанищева Т. Н.* К истории «Поездки в Ревель» Александра Бестужева. С. 30.

¹¹² См., например: «...я узнал, что состояние здешних крестьян в нравственном и физическом отношениях, весьма улучшилось *влиянием постепенной свободы, монархом нашим данной. Владельцы, содействуя устройством цели мудрого правительства, видимо получают от сего выгоды; землешество цветет в этом краю...*» (20–21; курсив мой. – А. П.). Выделенный курсивом пассаж был введен во вторую редакцию травелога.

¹¹³ См., например: «Не знаю, случалось ли вам, друзья мои, испытывать переход от бдения ко сну, какой я всегда испытываю; иногда бывает оно вовсе не последним сном и

забавных эпизодов, в которых рассказчик по-стерниански развлекает своего читателя¹¹⁴. Эти случаи представляют собой развитие тенденции, заметной уже в первой редакции «Поездки». С одной стороны, Бестужев явно старается сделать свой текст информативным, с другой – стремится к занимательности, включая в него смешные сценки или остросюжетную историческую повесть, демонстрируя остроумие и любовь к каламбурам¹¹⁵. Однако, как было показано выше, текст второй редакции очищен от нагромождения метафор, фразы стали более логичными и лаконичными. Впрочем, даже после этой правки критики отмечали, что в «Поездке» «иногда встречаются обороты и выражения натянутые и выисканные»¹¹⁶.

Итак, стремлению приблизиться к жанровым канонам «ученого путешествия» противостоит в травелоге Бестужева не менее явное и вполне осознанное стремление уйти от этих канонов. Именно последняя тенденция будет набирать силу в его творчестве 1820-х гг. Чтобы сразу продемонстрировать ее, обратимся к малоизвестному публицистическому тексту писателя – к статье «Ливония», опубликованной без указания авторства в «Невском альманахе» на 1829 г.¹¹⁷.

часто заменяет оный физически: – мысли нечувствительно смешиваются, бледнеют, меркнут; ухо внимает уже внешним звукам, но уже сливает оные с неясною внутреннею мечтою; еще нить последнего понятия, как бы сотрясаясь, повременно дает себя чувствовать; но какой-то хаос туманит воображение и память, спутывая все в одно невыразимое ощущение...» (21–22).

¹¹⁴ См.: «Уступив прелестной незнакомке место свое, он вступил в разговор, и мы узнали, что фамилия ее ***р и что едет она из Ревеля. – «Опять романическое приключение» думаете вы – и ошибетесь; встреча началась тем, что я был в большом замешательстве, вбежав, закутанный в горницу. – «Pardonnez, madame!» бормотал я, схватившись за шапку свою, прикрепленную тремя Гордиевыми узлами; но шапка не снималась, – я с минуту бился в ней как Дмитриева Голубок в силке; стащил ее на глаза и наконец кое-как освободил свою голову из очарованной чалмы. Можете вообразить себе эту комическую сцену! Объявив торжественно брату, о готовности повозок, мы пожалели о том, что такая красавица не будет украшать собою Ревельские праздники» (16–17: курсив мой – А. П.). Выделенный курсивом фрагмент добавлен во вторую редакцию травелога.

¹¹⁵ Необходимость развлекать читателя мотивирована в тексте «Дорожных записок на обратном пути из Ревеля»: «...сухая ученость, не приправленная шутками, никак не понравится юношествующему вкусу нашей публики – словом, внимание читателей надобно привлекать как электричество – остротами» (111).

¹¹⁶ Санкт-Петербургские ведомости. 1821. № 84, 21 окт.; без подписи.

¹¹⁷ Невский альманах на 1829. СПб., 1828. С. 344–364. Впервые этот текст был атрибутирован Бестужеву С. Г. Исаковым (Исаков С. Г. Неизвестная статья А. А. Бестужева-Марлинского. С. 269–284). Авторство действительно не вызывает сомнений: в 1829 году

Особый интерес в связи с нашей темой представляют те пассажи, в которых говорится о важности истории Прибалтики как материала не для политических или философских рассуждений, но в первую очередь для романических и «романтических забав»:

Соседство рыцарей меча с русскими и беспрестанные сношения одних с другими дадут писателю романов тысячу средств сделать рассказ свой занимательным, не обижая истории, не отдаляясь от вероятия. Он даже сможет досказать то, что умолчала история, угадать то, что она могла сказать, и заманчиво пересказать то, что она говорила. <...> Торговые и посольские связи, народная и личная месть, битвы, плен, наезды, похищения, словом, все пружины романизма у него под рукою, и тем вернее, что вымысел будет иметь здесь достоинство правды, ибо сущность заключает в себе все, что может изобрести воображение. Правда, характер и образ жизни ливонских рыцарей имели в себе мало заманчивости, <...> но в этом-то самом я и вижу оригинальность, самобытность, следовательно, занимательность новых характеров, новых картин для романа.¹¹⁸

Принципы использования Бестужевым исторического материала действительно менялись в течение 1820-х годов – об этом говорит и его художественная практика. Форма травелога, объединяющая текст «Поездки в Ревель», также утрачивает для писателя свою актуальность. Один из ее эпизодов, как давно замечено, превращается в «ливонскую» повесть «Ревельский турнир», опубликованную в «Полярной звезде» на 1825 г.¹¹⁹. Другие фрагменты, по представлениям Бестужева, способны на «самостоятельную жизнь» и без дополнительной обработки. Спустя двенадцать лет после публикации «Поездки в Ревель» в письме от 18 мая 1833 г. Бестужев

никто, кроме А. Бестужева, не мог назвать себя «автором стольких-то рыцарских повестей». Кроме того, Исаков обнаруживает множественные параллели между анонимной статьей, «Поездкой в Ревель» и бестужевскими «ливонскими» повестями. Что касается времени написания «Ливонии», то ученый называет две возможные даты: «...или в период пребывания А. А. Бестужева в порту «Слава» (август 1826–октябрь 1827 г.), или в начале пребывания писателя в якутской ссылке (первые месяцы 1828)» (Там же. С. 274). Исаков отмечает отсутствие в статье точных датировок названных событий или ссылок на источники, характерных для «ливонских» текстов Бестужева и придающих повествованию документальный характер. «Это можно объяснить лишь тем, что статья писалась в тюрьме или в ссылке, где Бестужев был лишен возможности пользоваться историческими сочинениями и хрониками, где он был вынужден писать свое произведение по памяти, на основе знаний по истории Прибалтики, усвоенных еще в период работы над “Поездкой в Ревель” и “ливонскими” повестями» (С. 273).

¹¹⁸ Невский альманах на 1829 год. С. 362–363.

¹¹⁹ См.: *Коварский Н. А.* Ранний Марлинский. С. 137.

напишет К. А. Полевому, который занимается в это время изданием «Повестей и рассказов А. Марлинского»:

Дай только Вам бог терпения при издании моих пустяков. <...> Как вы думаете: вместить ли <...> Поездку в Ревель? Если не рассудите, то выньте для печати рассказ майора Крона и Гедеона Бестужева. Располагайте и карнайте все как угодно.¹²⁰

Впрочем, в своих творческих поисках Бестужев не всегда полностью отказывается от структуры «путешествия» – но действительная принадлежность новых текстов к этому жанру весьма сомнительна. В письме к Булгарину от 26 мая 1821 г. (напомним, что в это время Бестужев все еще работает над текстом отдельного издания своего травелога), написанном им из Дерпта, можно найти такой пассаж:

...у меня есть листа два набросано о пути нашем. Но ленюсь или не имею времени переписать и потому в Общество их не посылаю При том же без романтических манжет сухой маршрут наш не весьма забавен, и потому я жду, чтоб выдался день прилежанию, чтоб выдумать для этого сказки две, три и тогда: *vogue la galère!*¹²¹

По предположению Г. В. Прохорова, речь идет об исторической повести «Замок Венден» или об очерке «Листок из дневника гвардейского офицера», в текстах которых Бестужев проставил даты: «Мая 23, 1821 года» и «1821, 28 мая»¹²². Однако вполне вероятно, что эти даты имеют условный характер. Показательно признание Бестужева в письме к матери от 23 мая 1821 года:

В Нарве, после отправления к вам писем видел я водопад, который описывал *заочно* и который украсил мое воображение.¹²³

Тем не менее названные Прохоровым произведения заслуживают внимания с точки зрения жанровых поисков писателя, который, как мы видим из письма к Булгарину, стремится придать своим новым текстам занимательность и остросюжетность, не характерные для «ученых путешествий».

¹²⁰ Русский вестник. 1861. № 4. С. 444.

¹²¹ Русская старина. 1901. № 2. С. 393.

¹²² Гипотеза Г. В. Прохорова высказана в его неизданном комментарии к письмам Бестужева (ОР РНБ. Ф. 69 (Бестужевы). № 45. Л. 1135).

¹²³ Памяти декабристов. Вып. 1. С. 24 (курсив мой. – А. П.). Здесь, по всей видимости, говорится о водопаде, описанном в «Поездке в Ревель».

Повесть «Замок Венден», не читавшаяся на собраниях ВОЛРС и опубликованная не в «Соревнователе», а «Библиотеке для чтения, составленной из повестей, анекдотов и других произведений изящной словесности»¹²⁴ (что уже само по себе показательно), имеет рамочную композицию. Основная часть представляет собой ультраромантическую повесть с характерными для подобного рода текстов мотивами мести, убийства и т. д.; «исторический» контекст минимален (отсылки к нему по преимуществу содержатся в авторских примечаниях и, таким образом, отделены от художественного повествования) даже по сравнению с повестью о Гедоне Бестужева, где, например, довольно точно указана эпоха – Смутное время и годы правления Лжедмитрия I¹²⁵. Само же путешествие, лишь кратко упомянутое в начале повести, не имеет никакого самостоятельного значения, исторического или этнографического. Позднее сходная композиция будет использована в других «ливонских» повестях – «Замок Нейгаузен»¹²⁶ и «Кровь за кровь»¹²⁷.

Что же касается опубликованного в «Соревнователе» очерка «Листок из дневника...»¹²⁸, то уже самым своим заголовком он отсылает к «традиционному» путешествию, а по форме близок к первой части «Поездки в Ревель». Привычные этнографические наблюдения над бытом эстонцев и русских рыбаков¹²⁹ сочетаются в очерке с лирическими отступлениями, историческими

¹²⁴ Библиотека для чтения, составленная из повестей, анекдотов и других произведений изящной словесности. 1823. Кн. 9. С. 3–16.

¹²⁵ Правда, справедливости ради стоит отметить, что эти исторические события служат скорее «декорациями» и лишь косвенно связаны с описанными событиями.

¹²⁶ Первая публикация: Полярная звезда на 1824 г. С. 141–191.

¹²⁷ Повесть предназначалась для «Звездочки», тираж которой был задержан после восстания декабристов и позднее практически целиком уничтожен. В 1827 г. повесть была напечатана без согласия Бестужева в «Невском альманахе» на 1827 г. (С. 107–155).

¹²⁸ Соревнователь. 1823. № 6. С. 256–265.

¹²⁹ Их противопоставление напоминает соответствующие места из перевода де Брэ. Ср., например: «Везде светло и чисто: право душа радуется, видя русский быт, замечая опрятность и довольство земляков своих между грязных, диких, зложелающих эстонцев. Кажется, они гордятся своим преимуществом пред соседями, и еще более стараются отличить себя порядочным образом жизни» (Там же. 257); «Если в путешествии <...> случится с вами на дороге какое-нибудь несчастье, латыш или эстляндец спокойно пройдет мимо вас, как бы не примечая того, и не иначе как за деньги, заплаченные вперед, решится подать помощь. Но первой русской, который встретится с вами, поможет вам от доброго сердца, чем может <...> Один русской в день зарабатывает больше, нежели четверо латышей или эстляндцев» (Сын отечества. 1818. № 38. С. 246–247).

экскурсами в историю Ледового побоища¹³⁰ и стихотворениями, этому событию посвященными.

Но другой текст подобного рода, «Еще листок из дневника гвардейского офицера»¹³¹, «датированный» 12 июня 1821 г., совершенно не соответствует тем ожиданиям, которые могли сложиться по прочтении предыдущего текста. Как и «Замок Венден» или подобные ему «ливонские повести», текст имеет рамочную композицию, но основная часть представляет собой не историческую повесть, а рассказ с сюжетом в духе баллады или «страшных» романов Анны Радклиф, к произведениям которой в самом тексте есть ироничная отсылка¹³². Правда, «Еще один листок...» можно назвать скорее пародийным обыгрыванием названных традиций, а не прямой ориентацией на них: нагнетание страшных подробностей встречи с разбойниками сочетается с шутками и каламбурами героев, скептично оценивающих происходящее¹³³. В финале «страшная история» оказывается мнимой: выясняется, что встреча с разбойниками была сном. К этому раннему эксперименту с традицией Бестужев вернется почти десять лет спустя в «Страшном гаданьи»¹³⁴: здесь мы встретим тот же фантастический рассказ с балладными атрибутами, тот же скепсис повествователя и финальный разоблачающий фантастику пуант – но для

¹³⁰ Исторические экскурсии сопровождаются отсылками к летописям. См., например: «Это не вымысел. Во Временнике Софийском летописец, писавший по словам самовидца, входит еще в дальнейшие подробности, может быть, весьма занимательные для историка и стратегика, но которые не всегда дружатся с поэзией» (Соревнователь. 1823. № 6. С. 264).

¹³¹ Впервые опубликован в 8-й книге «Библиотеки для чтения...» на 1823 год (С. 66–72). При публикации имел название «Листок из дневника гвардейского офицера».

¹³² « – Наше путешествие – славная сцена для чудесного романа, сказал я, усмехаясь, товарищу.

– Да, и ночь самая радклифская, отвечал он: чернее коней шестого эскадрона; не достает только вертепа и разбойников!» (Там же. С. 68).

¹³³ «В это мгновение я споткнулся; что-то звякнуло и покатило передо мной... поднимаю, гляжу...мертвая голова в руках моих! – Я вздрогнул.

– Тут нет ничего чудесного, заметил товарищ мой: это голова какого-нибудь пленного француза, здесь замершего; ощупай его мозговые органы, и если ты знаток в галеевой системе черепословия, то можешь узнать, принадлежала ли она мародеру или рыцарю без страха и порока, профессору головорезного искусства, или миролюбивому полковому поэту» (Там же. С. 68–69). На пародийный характер содержащихся в рассказе отсылок к «страшным романам», оказавшим определенное влияние на формирование ранней манеры Бестужева, указывал Н. А. Коварский – см.: *Коварский Н. А. Ранний Марлинский*. С. 153.

¹³⁴ Первая публикация: Московский телеграф. 1831. № 5. С. 36–65; № 6. С. 183–210.

мотивировки основного повествования Бестужеву уже не потребуется вводить в рассказ элементы литературного путешествия.

Глава 2. Неосуществленный замысел «московских записок»

Письма первой половины 1820-х гг. содержат упоминания разнообразных писательских замыслов Бестужева, оставшихся неосуществленными. Зачастую не сохранилось даже набросков задуманных произведений, известных лишь по названиям или авторским жанровым определениям.

Так, одна из прежде не публиковавшихся записок к Булгарину несомненно была приложена к тексту, по-видимому, не вполне доработанному: «Вот тебе персидская сказка: понравится или нет, это дело твое; разберешь ли только? Если худа, не взыщи: писал при куче народа и урывками. Прибавь что хочешь, особенно о числе народу и прочих прозаических картинах можешь внизу внести. Твой весь Александр»¹³⁵.

Из письма к П. А. Вяземскому от 5 апреля 1823 г. известно о попытках написать «пьеску» «Партизанский привал»¹³⁶, а в «Памятной книжке» Бестужева 1824 г. можно найти упоминание о работе над романом¹³⁷, который, впрочем, тоже был вскоре заброшен¹³⁸.

Несколько особняком стоит еще один ненаписанный текст Бестужева – назовем его условно «московскими записками», к работе над которыми писателя настойчиво призывал Вяземский. Возможно, именно ему принадлежал и сам замысел произведения, возникший, насколько можно судить, во время первой поездки Бестужева в Москву в феврале – марте 1823 г. Эта идея обсуждалась в их переписке в марте – апреле того же года, но не воодушевила Бестужева. Тем не менее история замысла позволяет уточнить представления о писательских установках Бестужева и некоторых его стратегиях как издателя и

¹³⁵ На обороте: «Булгарину» (ОР ИРЛИ. Ф. 623 (Ф. В. Булгарин). Ед. хр. 30. Л. 22–22 об). Точная датировка записки неизвестна, она могла быть написана в 1821–1825 гг., когда между Бестужевым и Булгариним сохранялись приятельские отношения.

¹³⁶ «...я уже начал было пьеску “Партизанский привал”, но за недостатком материалов остановился» (Письма Александра Бестужева к П. А. Вяземскому: (1823–1825). С. 202).

¹³⁷ «13/25 <марта> Четв. – начал главу из неизвестного романа» (Памяти декабристов. Вып. 1. С. 65).

¹³⁸ «31/12 Понед. – весь прошлый месяц я рос как подснежник. Читал Вальтер Скотта – писал мало – вот и все» (Там же).

критика. Но прежде нужно сказать несколько слов о самой поездке и ее целях.

§ 1. Первая московская поездка Бестужева и его отношения с московскими литераторами в 1823–1825 гг.

Некоторые сведения о первом приезде Бестужева в Москву выясняются по его сохранившимся дневниковым записям¹³⁹. Датированы лишь записи от 23 и 24 февраля, а также от 8, 9 и 11 марта, часть записей и вовсе утеряна. Но по поддающимся датировке фактам Н. В. Измайлов установил, что Бестужев пробыл в Москве с 19 февраля по 12 марта включительно¹⁴⁰.

Обычно первый приезд Бестужева в Москву упоминается в связи с чрезвычайной широтой его исторических и естественнонаучных интересов¹⁴¹ или же – гораздо менее доказательно – в контексте политическом, связанном с делами тайного общества¹⁴². Но думается, что поездка была важна для Бестужева и как для издателя альманаха. Именно в этот время писатель лично знакомится с сотрудниками «Полярной звезды» Д. В. Давыдовым и П. А. Вяземским¹⁴³, с которыми до 1823 г. состоял лишь в деловой переписке¹⁴⁴. Некоторые из новых московских знакомых Бестужева вскоре стали публиковаться в альманахе – и на страницах «Полярной звезды» появились

¹³⁹ См.: Памяти декабристов. Вып. 1. С. 55–59.

¹⁴⁰ См.: Там же. С. 4.

¹⁴¹ См.: Там же. С. 4–5.

¹⁴² См.: Письма Александра Бестужева к П. А. Вяземскому: (1823–1825) (Степанов Н. Л. Вступительная статья). С. 196.

¹⁴³ «3 день <...> Знакомство с Вяземским, Давыдовым» (Памяти декабристов. Вып. 1. С. 56)

¹⁴⁴ Сохранилось письмо Д. В. Давыдова к Бестужеву от 24 апреля 1822 г., которое, по всей видимости, является ответом на предложение сотрудничать с «Полярной звездой»: «М. г. Александр Александрович, гусары готовы подавать руку на всякий род предприятия, и потому стыдно было отказаться от вашего предложения <...> я в угодность вам прилагаю при сем четыре пьесы, которые, кажется, нигде еще не были напечатаны» (Русская старина. 1888. № 10. С. 166–167). Кроме того, известно письмо Вяземского к Бестужеву и Рылеву от 23 января 1823 г., в котором он поблагодарил издателей за авторский экземпляр альманаха и пообещал продолжить сотрудничество: «Приношу вам мою чувствительнейшую благодарность за доставление подарка вашего, содержащего много занимательного и прекрасного. Не сомневаюсь в успехах издания вашего и на будущие годы. С признательностью принимаю лестное приглашение участвовать и впредь в ваших трудах и зажигать лучинку мою на лучах вашей блестящей “Звезды”» (Там же. № 11. С. 312).

произведения И. И. Дмитриева¹⁴⁵ и его племянника М. А. Дмитриева¹⁴⁶, В. Л. Пушкина¹⁴⁷, С. Д. Нечаева¹⁴⁸, С. Е. Раича¹⁴⁹.

Кроме того, в дневнике Бестужева имеется следующая запись: «Ширяев по случаю болен»¹⁵⁰. По предположению Н. В. Измайлова, речь идет об Александре Сергеевиче Ширяеве, известном книгопродавце и комиссионере Московского университета, с которым Бестужев, возможно, собирался обсудить продажу «Полярной звезды»¹⁵¹.

Приезд Бестужева, человека яркого и обаятельного, к 1823 г. занимавшего

¹⁴⁵ Записи о встречах с И. И. Дмитриевым см.: Памяти декабристов. Вып. 1. С. 55, 56; см. также комментарий Н. В. Измайлова – Там же. С. 84. В «Полярной звезде» на 1824 г. появились апологи И. И. Дмитриева «Орел и филин», «Богач и поэт», «Подснежник», «Репейник и фиалка», «Собака и перепел», «Светляк и змея» (подпись: ***).

¹⁴⁶ Из дневника Бестужева непонятно, свел ли он личное знакомство с М. А. Дмитриевым; они могли встретиться на заседаниях Общества любителей российской словесности, которые Бестужев посещал во время своей поездки в Москву. В «Полярной звезде» на 1824 г. появились стихотворения М. А. Дмитриева «Лес» и «Сын бедной природы».

¹⁴⁷ Запись о знакомстве с В. Л. Пушкиным см.: Памяти декабристов. Вып. 1. С. 86). В «Полярной звезде» на 1824 г. была опубликована басня В. Л. Пушкина «Малиновка» (С. 87–88), а в следующей книге альманаха появились «Экспромт. На прощание друзьям А. И. и С. И. Т<ургеневым>» (С. 156) и «К ней» (С. 186–187); в «Звездочке» на 1826 г., были помещены два текста: «Счастливый младенец. Элегия» и «Песня» (см.: Полярная звезда, изданная А. Бестужевым и К. Рылевым / Изд. подготовили В. А. Архипов, В. Г. Базанов, Я. Л. Левкович. М.; Л., 1960. С. 775–776, 780–781 (Сер. «Литературные памятники»)).

¹⁴⁸ Степан Дмитриевич Нечаев – поэт, археолог-любитель, член Общества любителей российской словесности, на заседаниях которого писатели и познакомились: «24 <...> Был в обществе <...> Знакомство с Каченовским, с Нечаевым, с Мал<иновским>, с Ант<онским>» (Памяти декабристов. Вып. 1. С. 56–57). В «Полярной звезде» на 1824 и 1825 г. были опубликованы стихотворения С. Д. Нечаева «Сирота» и «Воспоминания». В «Звездочке» были помещены два послания поэта, «К сестре (6-го ноября 1825)» и «К Лиодору» (см.: Полярная звезда, изданная А. Бестужевым и К. Рылевым. С. 777–778).

¹⁴⁹ В дневнике Бестужева записано: «Познакомился с Раичем» (Памяти декабристов. Вып. 1. С. 56). На собрании Общества любителей российской словесности, о котором Бестужев высказался весьма недвусмысленно («Читали много вздору» Там же. С. 57), среди прочего был прочитан выполненный Раичем перевод отрывка XV песни «Освобожденного Иерусалима» (см.: Московские ведомости. 1823. № 20, 10 марта). О поэтическом таланте Раича Бестужев, в отличие от Вяземского, был невысокого мнения. Так, в письме к Вяземскому от 28 января 1824 г. он ответил на упрек Вяземского «От чего у вас нет Раича и Гнедича?» (Русская старина. 1888. № 11. С. 324): «...Раич прислал нам пьесу, но между двух глаз будет сказано, ученическую, и бесцветную, и малозвучную» (Письма Александра Бестужева к П. А. Вяземскому: (1823–1825). С. 213). Впрочем, в «Полярной звезде» на 1825 г. все-таки был опубликован перевод Раича «Армидин сад (Из Тасса)» (С. 141–148), о котором Бестужев писал Вяземскому следующее: «Раич прислал отрывок из “Иерусалима”, но это широко, как разлив Волги; часть однакож напечатана» (Там же. С. 226).

¹⁵⁰ Памяти декабристов. Вып. 1. С. 57.

¹⁵¹ Там же. С. 88.

не последнее место в литературном мире, оставил у московского общества самые приятные впечатления. Об этом говорит, например, письмо М. Т. Каченовского к Ф. В. Булгарину от 23 марта 1823 г. с отзывом о Бестужева как о «прелюбезном человеке»; там же упомянуты «праздники», которые «зажиточные литераторы давали для него»¹⁵².

Два года спустя Москва все так же гостеприимно встретила Бестужева – но от прежнего его энтузиазма не осталось и следа. 12 мая 1825 г. он отправил письмо Рылееву, в котором поделился немногочисленными впечатлениями о своем визите в Москву: «Живу теперь часто грустно, а сперва рассеянно. Балы, гулянья, спектакли – всё комедия <...> все комедианты. Теперь что-то нездоров <...> Я мало читаю, а с литераторами мало вижусь – скучной народ. Нечаев посылает портрет Шаликова. Полевой был у меня, Каченовский зовет – но все бранят, а я смеюсь их глупостям»¹⁵³.

Со временем изменились и его отношения с московскими знакомыми. Так, недолгим оказалось сотрудничество Бестужева с Давыдовым, чей талант он, кажется, действительно высоко ценил и которому посвятил «Замок Нейгаузен» (1824). После публикации в «Полярной звезде» на 1823 г.¹⁵⁴ поэт-партизан больше не высылал своих текстов издателем альманаха, чем неприятно удивил Бестужева. Своей досадой Бестужев поделился с Вяземским в письме от 5 сентября 1823 г.: «Почтеннейшему Ивану Ивановичу <Дмитриеву> поклон <...> как и поклоны <...> Денису Васильевичу <Давыдову>, который обещал мне прислать кое-что о Бельничихах – и посадил на мель»¹⁵⁵. Известно письмо Давыдова к Бестужеву от 18 февраля 1824 г., в котором тот объясняет свое молчание в течение 1823 г. следующим образом: «...а что я не писал к вам от самого вашего отъезда, то этому причина данное

¹⁵² Русская старина. 1903. № 12. С. 606.

¹⁵³ Письмо А. А. Бестужева-Марлинского к К. Ф. Рылееву / Комент. Г. В. Прохорова // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л. 1941. [Т.] 6. С. 259.

¹⁵⁴ В «Полярной звезде» на 1823 г. были опубликованы две элегии поэта: «О милый друг! Оставь угадывать другим...» (С. 104) и «Нет! Полно прибегать с улыбкою любви...» (С. 386–387).

¹⁵⁵ Письма Александра Бестужева к П. А. Вяземскому: (1823–1825). С. 207.

самому себе (слово) прервать со всеми всякого рода переписку. Хлебопашец и любимец словесности, жизнь моя заключается в кабинете или в поле <...> о чем же писать мне?»¹⁵⁶. Но думается, это объяснение было формальным: прекратив высылать тексты для «Полярной звезды», Давыдов в то же время стал сотрудником конкурентного издания – альманаха «Мнемозина», о чем было известно Бестужеву, который писал Вяземскому 1–18 января 1824 г.: «Я слышал, что Вы и Денис Васильевич участвуете в периодическом издании вроде альманаха... Уведомьте меня, какого рода, когда оно будет и наперед желаю всевозможного успеха, надобно немного растатарить Москву и снова перевести в нее метрополию вкуса и словесности»¹⁵⁷. В 1830-е гг. в отношении Бестужева к Давыдову, несмотря на признание его несомненных литературных достоинств, появился оттенок снисходительности¹⁵⁸.

Вскоре Бестужев оборвал – кажется, уже по собственной инициативе – отношения с М. А. Дмитриевым: в «Полярной звезде» на 1825 г. не появилось ни одного его текста. Есть основания думать, что причиной тому стала знаменитая полемика классиков и романтиков вокруг «Бахчисарайского сада», в которой Бестужев безоговорочно принял сторону последних, о чем красноречиво говорит его письмо к Вяземскому от 7 мая 1824 г.: «Бой Ваш с классиками много занимал меня, ответы Ваши радовали, но скажу правду – эти животные не стоили ответа; им правда и ум, как к стене горох»¹⁵⁹.

Другие московские знакомства Бестужева, напротив, переросли в дружеские отношения. Например, не только постоянным сотрудником «Полярной звезды», но и близким приятелем стал для Бестужева С. Д. Нечаев¹⁶⁰.

Но, пожалуй, самым значительным событием для Бестужева стало личное

¹⁵⁶ Русская старина. 1888. № 11. С. 328–329.

¹⁵⁷ Письма Александра Бестужева к П. А. Вяземскому: (1823–1825). С. 211.

¹⁵⁸ См. письмо к К. А. Полевому от 15 марта 1832 г. (*Бестужев-Марлинский А. А. Кавказские повести*. С. 516–517), а также комментарий к нему Ф. З. Кануновой (Там же. С. 690).

¹⁵⁹ Письма Александра Бестужева к П. А. Вяземскому: (1823–1825). С. 218.

¹⁶⁰ К сожалению, известны только два письма Нечаева к Бестужеву (см.: Русская старина. 1888. № 12. С. 393; 1889. № 2. С. 319)

знакомство с Вяземским, переписка с которым представляет несомненный историко-литературный интерес¹⁶¹.

Во вступительной статье к «Письмам Александра Бестужева к П. А. Вяземскому: (1823–1825)» Н. Л. Степанов утверждал, что «...непосредственным результатом первой поездки Бестужева явилось привлечение Вяземского к участию в “Полярной звезде”»¹⁶². Этот тезис нуждается в уточнении. Известны два письма Рылеева к Вяземскому 1822 г. В первом, датированном приблизительно апрелем – маем¹⁶³, Рылеев, сообщая о намерении издавать вместе с Бестужевым альманах, просит «удостоить <...> присылкою какого-нибудь произведения»¹⁶⁴. Просьба была исполнена: на страницах первой книги альманаха появились «Послание к И. И. Дмитриеву», «Всякий на свой покрой», «Цветы», «Надписи к портретам» и пять эпиграмм; во «Взгляде на старую и новую словесность», напечатанном в той же книге альманаха, Бестужев удостоил творчество Вяземского самой высокой оценки¹⁶⁵. В конце того же года, 27 декабря, Рылеев и Бестужев вместе с авторским экземпляром «Полярной звезды» отправили Вяземскому благодарственное письмо, в котором выразили надежду на дальнейшее сотрудничество¹⁶⁶. Сохранился и ответ Вяземского, где он в самых лестных выражениях отозвался о напечатанных в «Полярной

¹⁶¹ Известны 16 писем Бестужева к Вяземскому, оригиналы которых находятся в Остафьевском архиве князей Вяземских (РГАЛИ) и в отделе рукописей РГБ. Впервые письма были подготовлены к публикации и прокомментированы К. П. Богаевской (Письма Александра Бестужева к П. А. Вяземскому: (1823–1825)). Для изучения истории «Полярной звезды» безусловный интерес представляют также письма Рылеева 1822–1825 гг.; 5 писем к Вяземскому (два – в соавторстве с Бестужевым) были подготовлены к публикации и прокомментированы А. Г. Цейтлиным и Ю. Г. Оксманом (см.: Из неизданной переписки: Письма Рылеева // Литературное наследство. М., 1954. Т. 59, кн. 1. С. 138–140, 144–146).

¹⁶² Письма Александра Бестужева к П. А. Вяземскому: (1823–1825). С. 196.

¹⁶³ Обоснование датировки см.: Из неизданной переписки: Письма Рылеева. С. 138.

¹⁶⁴ Там же. Это письмо позволяет скорректировать утверждение А. Г. Готовцевой и О. И. Киянской о том, что будто бы «неизвестно, кто именно предложил Вяземскому дать свои произведения в “Полярную Звезду”» (Готовцева А. Г., Киянская О. И. «Временные заседатели Парнаса»: К истории альманаха «Полярная звезда». С. 17).

¹⁶⁵ См.: Бестужев-Марлинский А. А. Соч.: В 2 т. М., 1981. Т. 2. С. 385–386; далее ссылки на это издание приводятся в тексте, с указанием тома римской цифрой и страницы – арабской.

¹⁶⁶ «Испытав, с какой благосклонностью наделили Вы нас своими произведениями, позвольте надеяться, князь, что и следующая звезда заблестит Вашими лучами» (Из неизданной переписки: Письма К. Ф. Рылеева. С. 140).

звезде» произведениях самих издателей. О «Думах» Рылеева («Рогнеда», «Мстислав Удалой», «Борис Годунов» и «Иван Сусанин») он написал следующее: «С живым удовольствием читаю я “Думы”, которые постоянно обращали на себя и прежде мое внимание. Они носят на себе печать отличительную, столь необыкновенную посреди пошлых и одноличных или часто безличных стихотворений наших. Что и в хороших стихах, когда нет в них особенного характера? Стройные, но несвязные, но ничего не выражающие аккорды в поэзии хороши в ребячестве. В зрелости лет нужна цель, нужно намерение»»¹⁶⁷. Не обошел вниманием Вяземский и Бестужева, написав лестный отзыв о «старинной повести» «Роман и Ольга» (но не упомянув ни «Взгляд...», ни «Вечер на бивуаке», опубликованные в той же книге): «Старинная прозаическая повесть прелестна. Если мои советы могли бы иметь влияние, то я стал бы убеждать любезного автора ее пристраститься к этому роду. В нем, кажется, развернется его дарование во всей силе своей. Пускай засядет он за нашу старину, напитается ею и Вальтер-Скотом и дарит нас историческими романами, подобными Кенильвортсткому замку и проч.; разумеется, не перекладывая английского на русские нравы, но заимствуя от английского живописца дар быть современником нравов старины, а на делать их свидетелями. Внимайте оба дани с предков наших, один стихами, другой прозою, один легкими набегами, другой совершенным овладением всех сокровищ, таящихся под спудом, и пустите в ход мертвые капиталы нашей истории»»¹⁶⁸.

После поездки в Москву общение продолжилось, а переписка между Вяземским и Бестужевым получила более личный характер. Установившееся между писателями сотрудничество оказалось плодотворным. Так, Вяземский не только регулярно присылал свои тексты для «Полярной звезды», но и привлекал

¹⁶⁷ Русская старина. 1888. № 11. С. 312. Эта оценка совпадает с той, которую Вяземский дает «Думам» Рылеева в письме к А. И. Тургеневу от 3 июля 1822 г.: «Дай себе труд переправить ошибки переписчика, если окажутся, в списке моих стихов для Рылеева. У этого Рылеева есть кровь в жилах, и “Думы” мне его нравятся» (Остафьевский архив князей Вяземских: В 5 т. СПб., 1901. Т. 2. С. 270).

¹⁶⁸ Русская старина. 1888. № 11. С. 312.

новых сотрудников альманаха¹⁶⁹, а также время от времени выступал в качестве посредника между Бестужевым и московскими литераторами И. И. Дмитриевым¹⁷⁰, С. Д. Нечаевым¹⁷¹, Д. В. Давыдовым¹⁷². В свою очередь и Бестужев, для которого эти отношения, кажется, были важнее, чем для Вяземского, выполнял для него разного рода поручения: прислал для него рукопись «Кориона», переведенной Фонвизиним повести Ж.-Б. Грессе «Сидней»¹⁷³, и пытался найти список утраченной комедии того же Фонвизина «Гофмейстер»¹⁷⁴, следил за судьбой жалобы на цензора Красовского¹⁷⁵. Кроме того, Бестужев регулярно делился с Вяземским подробными литературными впечатлениями и новостями, в том числе связанными с деятельностью Вольного общества любителей российской словесности, почетным членом которого Вяземский состоял с 27 сентября 1820 г.¹⁷⁶ – и даже пытался сыграть некоторую роль в популяризации его творчества среди «соревнователей»:

¹⁶⁹ См. письмо Рылеева к Вяземскому от 28 февраля 1825 г.: «За чужие гостинцы для “Звезды” нашей приносим благодарность» (Из неизданной переписки: Письма К. Ф. Рылеева. С. 144–145).

¹⁷⁰ См. письмо Бестужева к Вяземскому от 3 ноября 1824 г.: «В обозрении <“Взгляде на русскую словесность в течение 1824 и начало 1825 годов”. – А. П.> не премину сказать моего мнения о лике Лжедмитриева <М. А. Дмитриева. – А. П.>. Не даст ли настоящий своего “Каплуна”? <речь идет о басне И. И. Дмитриева “Орел и каплун”. – А. П.> – что смотреть на кочан, изъеденный червями латыни» (Письма Александра Бестужева к П. А. Вяземскому: (1823–1825). С. 226).

¹⁷¹ См. письмо Бестужева к Вяземскому от 5 сентября 1823 г.: «Если увидите Ст<епана> Нечаева, сделайте одолжение, напомните ему об обещании собрать для нас у московских стихотворцев статьи» (Там же. 207).

¹⁷² 5 апреля 1823 г. Бестужев писал Вяземскому: «Денису Васильевичу замолвите слово об обещанном» (Там же. С. 202), а 13 сентября того же года снова просил его: «Будьте моим предстателем у Дениса Васильевича» (Там же. С. 208)

¹⁷³ См. письмо Бестужева от 5 апреля 1823 г. (Там же. С. 201–202) и письмо Вяземского от 10 мая того же года (Русская старина. 1888. № 11. С. 316).

¹⁷⁴ См. письмо Вяземского от 10 мая 1823 г. (Там же).

¹⁷⁵ В письме Бестужева к Вяземскому от 23 мая 1823 г. говорилось: «Просьба или, лучше сказать, жалоба Ваша лежит у министра, «чаючая движения воды», но ни один ангел не сходит возмутить ее» (Письма Александра Бестужева к П. А. Вяземскому: (1823–1825). С. 204). Как сказано в комментарии К. П. Богаевской к письму (Там же. С. 206), речь идет о «прошении Вяземского в Главное училищ правление с жалобой на цензора Красовского, не пропустившего какое-то его произведение в “Сыне отечества” (текст прошения см.: Русский архив. 1896. № 6. С. 293–295)». См. также письма Вяземского к А. И. Тургеневу от 21 января, 7 февраля, первой половины марта 1824 г. (Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 2. С. 297, 299, 304).

¹⁷⁶ См.: Базанов В. Г. Ученая республика. С. 447.

До 1823 г. сочинения Вяземского, кажется, не часто читались на собраниях ВОЛРС. Единственным исключением является отрывок из знаменитой статьи «Известие о жизни и стихотворениях Ивана Ивановича Дмитриева», прочитанный вместе с «Надписью к портрету И. И. Дмитриева» П. И. Шаликова 2 октября 1822 г.¹⁷⁷. Статья, по всей видимости, была передана Гнедичу через А. И. Тургенева¹⁷⁸ и получена Гнедичем в конце сентября¹⁷⁹. Ситуация несколько меняется в 1823 г. В «Подробной ведомости сочинениям и переводам в прозе и стихах <...> Вольного общества любителей российской словесности <...> в течение 1823 года» указаны две басни Вяземского, «Мудрость» и «Надежда, или Соловья баснями не корми»¹⁸⁰; первая из них была прочитана на публичном заседании общества 22 мая 1823 г. Из письма Вяземского к А. И. Тургеневу от 2 апреля 1823 г. известно, что эти тексты были переданы в Общество Бестужевым: «Если встретишь полярного Бестужева, скажи ему, чтобы он отдал две мои басни, взятые им у меня, в Общество Соревнователей для какого-то торжественного заседания, а я ему дам что-нибудь другое для будущей “Звезды”»¹⁸¹.

Но однажды Бестужев проявил инициативу, которая не была Вяземским оценена. В уже упоминавшемся письме от 23 мая 1823 г. можно найти следующую реплику Бестужева: «Пошел перебор пьес <для прочтения на публичном заседании Вольного общества любителей российской словесности – А.П.>. Я предложил между прочим отрывок из биограф<афии> почтенного нашего поэта И. И. Дмитриева, но как рукопись была в цензуре, он до последнего заседания не был читан <...> Греч читал Ваш отрывок. Цертелев воскликнул против неформы, говоря, что теперь уже поздно назначение, но я доказывал неправоту, Греч настоял в исполнении и пьеса избрана была 19-ю

¹⁷⁷ См.: Там же. С. 421.

¹⁷⁸ См. письмо Вяземского к А. И. Тургеневу от 27 июля 1822 г. (Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 2. С. 272).

¹⁷⁹ См. письмо А. И. Тургенева к Вяземскому от 18 сентября 1822 г. (Там же. С. 273–274).

¹⁸⁰ См.: Базанов В. Г. Ученая республика. С. 427.

¹⁸¹ Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 2. С. 308.

против 4–х»¹⁸². Однако Тургенев, присутствовавший на том же публичном заседании, 25 мая прислал Вяземскому письмо, в котором неодобрительно высказался о выбранном Бестужеве отрывке: «Отрывок из биографии Дмитриева нехорошо выбран и читан неудачно. Можно и должно было избрать другие места»¹⁸³. Как видно из ответа Тургеневу от 31 мая, Вяземский также был весьма недоволен выбором Бестужева: «И, конечно, выбор из биографии был самый неудачный. Тут можно было бы прочесть то, до чего, вероятно, дотронется цензура»¹⁸⁴.

Осенью 1825 г. в отношениях литераторов, кажется, наступило некоторое охлаждение. Такой вывод можно сделать из содержания письма от 30 октября, где Бестужев в достаточно резких выражениях упрекнул Вяземского за то, что тот не нашел времени на визит и ничего не прислал для альманаха на 1826 г.: «Я очень сердит на вас, любезнейший князь, дважды Вы были в Петербурге и ни разу не удостоили меня посещением; это мне тем более чувствительно, что в последнюю побывку Вашу мне не удалось с вами слова сказать <...> Стихотворная часть больно слаба¹⁸⁵ у нас <...> Многие (в том числе и Вы) обещают – и только. Как думаете сдержать свое слово? Как князь или как поэт? <...> У вас “Океан”¹⁸⁶ есть, у Вас есть, несомненно, и другие, достойные Вас пьесы. Мне не верится, чтоб ревельские красоты не одушевили Ваше перо»¹⁸⁷.

¹⁸² Письма Александра Бестужева к П. А. Вяземскому: (1823–1825). С.204.

¹⁸³ Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 2. С. 325.

¹⁸⁴ Там же. С. 327.

¹⁸⁵ В «Звездочку», кроме уже упомянутых выше текстов В. Л. Пушкина и С. Д. Нечаева, были помещены следующие стихотворные произведения: отрывок из третьей главы «Евгения Онегина» (ночной разговор Татьяны с няней); послание И. И. Козлова «Княгине Зинаиде Александровне Волконской»; отрывок из восточной повести «Пустынный Канду» Д. П. Ознобишина; эпилог к стихотворной повести «Эда» и «Бал» Е. А. Баратынского; «Тоска души» Я. И. Ростовцева; «Элегия», «К С***», «Греческая ода» В. И. Туманского; «Зависть гения» М. Н. Языкова; «Эпиграмма» и «К Заре» А. С. Хомякова; два отрывка из «персидской повести» Пл. Г. Ободовского «Орсан и Леила»; «Две картины. Отрывок» Н. М. Языкова (без указания авторства); стихотворение Ф. Глинки (без указания авторства) «Какая это сторона?» («Прекрасны тихия равнины!..»); «Битва», отрывок из поэмы «Жизнь» Н. А. Маркевича. Стихотворные тексты и составляли основную часть известного нам содержания альманаха: в прозаический раздел были включены лишь ливонская повесть А. А. Бестужева «Кровь за кровь» и «малороссийская быль» О. М. Сомова «Гайдамак». См.: Полярная звезда, изданная А. Бестужевым и Рылеевым. С. 721–800.

¹⁸⁶ Возможно, речь идет о стихотворении «Море», начатом в августе 1825 г.

¹⁸⁷ Письма Александра Бестужева к П. А. Вяземскому: (1823–1825). С. 230. Между тем, в

Примерно в это же время Бестужев отослал письмо Нечаеву, нам неизвестное, в котором, судя по ответу¹⁸⁸, он расспрашивал и о Вяземском. Сохранился доброжелательный ответ Вяземского Бестужеву от 18 ноября 1825 г., в котором он объяснил раздосадованному адресату, почему не нашел времени для встречи: «Верьте, что я и сам сердечно желал вас видеть в Петербурге, но я никого не видал за краткостью времени, за разными недосугами и досадными заботами, которые сделали из меня в последнее пребывание мое в Петербурге человека ни на что негодного. За отъездом Тургеневых у меня даже не было комнаты своей, и я бивуакировал в одной канцелярии. Место ли это для дружеских свиданий? Усмирите сердце свое и примите мое оправдание и равно искреннее сожаление, что я не видался с вами»¹⁸⁹. Кроме того, он пообещал прислать для «Полярной звезды» «капитальную пьесу»¹⁹⁰. Это письмо, написанное уже накануне событий на Сенатской площади, стало последним: после 1825 г. переписка между писателями не возобновилась.

§ 2. Замысел «московских записок» и причины отказа от его осуществления

О замысле «московских записок» мы узнаем из письма Бестужева к Вяземскому от 21 марта 1823 г. Судя по строкам «С грустью расстался я с Москвою <...> Я уехал неожиданно, чтобы не грустить <в> минуту

«Звездочке» был помещено послание Вяземского – «Графине ***» («Что поднесет новорожденной милой...») и «Катай–валяй» (без подписи). См.: Полярная звезда, изданная А. Бестужевым и Рылевым. С. 773–775, 779–780.

¹⁸⁸ См. письмо Нечаева к Бестужеву от 9 ноября 1825 г.: «Вяземского в Москве не нашлось: он не возвращался из костромских своих вотчин» (Русская старина. 1889. № 2. С. 320).

¹⁸⁹ Там же. С. 321.

¹⁹⁰ «Дело в том, что у меня на станке для вас пьеса капитальная, которую не хочется выпустить в безобразном виде, хотя наш капитальный губернатор и Безобразов. Через неделю доставлю свой оброк, а мелочных вкладчин моих у вас много, не так ли?» (Там же).

решительности»¹⁹¹, это первое письмо к Вяземскому по приезде Бестужева в Петербург. В то же время сомнения адресанта по поводу замысла «плана поездки» выглядят как продолжение разговора, уже имевшего место: «Обдумывая план поездки своей в татарский Рим Ваш, я вижу, что это – дело не легкое: описывать общество – весьма щекотливо, потому что, хваля его беспрестанно, наскучишь, а приправлять анекдотами и странностями – беда. Далее историческая сторона картины хороша, но что скажешь после Карамзина? Да и многие ли охотники до истории! – придется лепить мозаик из посторонних предметов, как видно, и только клеить его московскою мастикою»¹⁹².

Подтверждением этого предположения может выступать ответное письмо Вяземского от 8 апреля. Будто бы желая подбодрить сомневающегося Бестужева и помочь ему в осуществлении замысла, он предлагает весьма подробный план:

Не пугайтесь затруднениями и расскажите нам свою поездку в матушку-Москву. За одне личности будут в праве сердиться; их, верно, у вас не будет; а от неосновательного сердца дураков нигде и никак не упасешься. Нечего и глядеть на них; впрочем

На то и дураки, чтобы дурачить их!

Предания старины; 1812 год, который все еще не проломлен нашими писателями, хотя Антонский и начинает все речи свои от незабвенного года и вторжения всеобщего врага; русская литература, долго имевшая Москву столицею своею и колыбелью, вопреки мнению Булгарина в обозрении своем; некоторые лица, господствовавшие в ней: Новиков, Херасков и другие живые покойники; влияние Москвы на Россию, пагубное и целебное; целебное в отношении образованности, которая разлилась на губернии от нас, а не от вас; пагубное потому, что праздность, рассеянность, глупая роскошь, роговая музыка, крепостные виртуозы и в школе палок воспитанные актеры, одним словом, нелепое бригадирство с причетом своим от нас заразило Россию: все это может вставиться в раму вашу. Записка Карамзина о Москве может служить вам путеводителем, а не пугалом¹⁹³.

Прокомментируем отсылку Вяземского к «записке Карамзина». По всей видимости, речь идет о «Записке о московских достопамятностях»¹⁹⁴; думается,

¹⁹¹ Письма Александра Бестужева к П. А. Вяземскому: (1823–1825). С. 200.

¹⁹² Там же.

¹⁹³ Русская старина. 1888. № 11. С. 313–314.

¹⁹⁴ Впервые «Записка...», написанная в 1817 г., была частично опубликована без ведома Карамзина в «Украинском вестнике» (1818. № 5. С. 121–143; № 6. С. 245–253). Следующая публикация состоялась в 1820 г. в 9-м томе сочинений писателя с авторским примечанием: «Автор согласился напечатать здесь эту записку единственно для того, что она, без его

этот же текст имел в виду и Бестужев, сомневаясь, что сумеет написать что-либо достойное «после Карамзина». «Записка...» представляет собой чрезвычайно насыщенный подробностями очерк истории Москвы, ее окрестностей и достопримечательностей. Сухое перечисление фактов, дат, имен и названий несколько оживляют лирические отступления. Одно из них, самое пространное, завершающее записку, посвящено роли Москвы в становлении и просвещении современной России. Пассаж «Москва непосредственно дает губерниям и товары, и моды, и образ мыслей...»¹⁹⁵ был практически пересказан Вяземским в письме к Бестужеву: «влияние Москвы на Россию <...> целебное в отношении образованности, которая разлилась на губернии от нас...».

Несмотря на очевидное сходство плана Вяземского с «Запиской о московских достопамятностях» (в обоих случаях речь идет о «преданиях старины», войне 1812 г.¹⁹⁶ и просветительской роли Москвы), в целом Вяземский не следует за Карамзиным. По всей видимости, замысел, предложенный Бестужеву, должен был включать элементы сатирического очерка. Если у Карамзина «смесь пышности с неопрятностью» или «образования с грубостью» представлены исключительно как «нечто любопытное, особое, характерное», то в плане Вяземского эта оппозиция «целебного» и «пагубного» влияний обретает более острый характер.

План Вяземского повторяет мотивы одного его собственного произведения, а именно вольнолюбивого стихотворения «Петербург», впервые напечатанного с большим цензурным изъятием в том же 1823 г. в «Полярной звезде». Композиция этого произведения включает те же «пункты», что и план «московских записок», которые, по замыслу Вяземского, должны были начинаться с исторического экскурса, от «преданий старины» к очерку современности через войну 1812 г.; «Петербург» построен схожим образом: от Петра и

ведома, была напечатана в «Украинском Вестнике» с ошибками» (Карамзин Н. М. Соч.: В 9 т. М., 1820. Т. 9. С. 280).

¹⁹⁵ Карамзин Н. М. Т. 9. С. 302.

¹⁹⁶ «Так мы видим здесь Александра в роковой, незабвенный год (1812), когда надлежало искусить великодушие и твердость Россиян! Здесь померкла блудящая звезда Наполеонова... Вот славнейшее из всех воспоминаний Кремлевских для веков грядущих!» (Там же. С. 290).

Полтавской битвы мысль поэта переходит к эпохе правления Александра I через предельно краткие упоминания Суорова, П. А. Румянцова¹⁹⁷ и победы в войне с Наполеоном¹⁹⁸ (в ранней редакции стихотворения имелись достаточно большие пассажи, посвященные Отечественной войне¹⁹⁹).

При знакомстве с планом Вяземского, согласно которому «московские записки» Бестужева должны включать исторический экскурс, а также очерк современного состояния Москвы и России в целом, возникает еще одна параллель. Структурно и тематически замысел «московских записок» напоминает бестужевскую «Поездку в Ревель». Можно с большой долей вероятности утверждать, что Вяземский не был знаком с журнальной версией травелога Бестужева, потому что до августа 1821 г. не был подписан на «Соревнователь». Об этом говорит содержание писем к А. И. Тургеневу от 2 марта и 2 августа этого года: «Вот письмо мое к Ф. Н. Глинке <...> узнай, что и как можно дать малую толику при подписке на журнал общества»; «Дай сто рублей Соревнователю за подписку на журнал»²⁰⁰. Каких-либо реплик по поводу отдельного издания «Поездки в Ревель» в сохранившихся письмах Вяземского конца 1821 – начала 1822 гг. нет. Но это еще не дает основания

¹⁹⁷ «Рымникский пламенный и Задунайский твёрдый!» (Вяземский П. А. Стихотворения. Л., 1986. С. 119 (Библиотека поэта. Большая сер.).

¹⁹⁸ «С народов сорвал он <Александр I. – А. П.> оковы угнетенья» (Там же. С. 120).

¹⁹⁹ И, может быть, при вас Кутайсов в цвете лет
В волненье бранных дум, постигнув ваш привет,
На славу жизнь обрек и меч на честь отчизны.
Мужей великих прах – училище граждан.
Но где ж Смоленский? Где целитель наших ран?
Потщимся отвратить потомства укоризны,
Да памятник ему воздвигнется средь нас!
Другие вознесли, а он Россию спас.
И славная чета ждет славного собрата.

(Там же. С. 424)

Но да предупредит признательность Отчизны
Потомков строгий суд и глас их укоризны!
Да новый памятник восстанет среди нас,
Еще свежа Кутузова утрата;
Они прославили, а он Россию спас,
И славная чета ждет славного собрата.

(Там же)

²⁰⁰ Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 2. С. 173, 194.

исключить его знакомство с произведением, возможно, инспирировавшим его предложение Бестужеву.

Более существенным представляется вопрос, почему же Бестужев так и не приступил к осуществлению этого замысла.

Думается, главной причиной могла стать потеря писательского интереса к подобного рода историческим текстам. Как было показано в первой главе, уже параллельно с работой над «Поездкой в Ревель» писатель постепенно уходит от жанра «ученого путешествия» и «ученого очерка» и сосредотачивается на написании ультраромантических беллетристических текстов «ливонских» повестей, в которых история становится лишь декорациями, иногда весьма условными. То же касается и темы 1812 г. – Бестужев неоднократно обращался к этой эпохе в рассказах и повестях: в «Вечере на бивуаке», «Втором вечере на бивуаке» (1823), «Латнике» (1832) и в «Выстреле», одной из глав незавершенного романа «Вадимов» (1833–1834), а также связывал с ней несколько нереализованных художественных замыслов²⁰¹.

Немаловажно и то, что Бестужев был уверен в отсутствии у читателя интереса к истории. Об этом прямо говорилось в его уже упомянутом письме к Вяземскому («Да и многие ли охотники до истории!»). Та же мысль позже промелькнула в письме от 23 мая 1823 г., в котором Бестужев делился своими впечатлениями о публичном заседании ВОЛРС, в частности – о чтении статьи Булгарина «Отрывок о Марине Мнишек»: «Булгарина статья была очень занимательна, однакож у нас еще не умеют ценить исторические занятия»²⁰².

Отдельного комментария в письме Бестужева от 21 марта 1823 г. заслуживает реплика: «...описывать общество – весьма щекотливо, потому что,

²⁰¹ Кроме уже упоминавшейся выше «пьесы» «Партизанский привал», в письме к Рылеву от 12 мая 1825 г., можно найти упоминание еще одного замысла, который, по всей видимости, мог быть посвящен событиям 1812 г.: «Р. С. Брату Николаю кланяется Василевский. Я с ними ездил любоваться Кремлем. С военными собираемся в Бородино – вот предмет для *филологической оды*. Я уже горю наперед...» (Письмо А. А. Бестужева-Марлинского к К. Ф. Рылеву. С. 259).

²⁰² Письма Александра Бестужева к П. А. Вяземскому: (1823–1825). С. 204. Ср. оценку Бестужева с отзывом А. И. Тургенева: «Польский Тацит-Бургарин смешон был своим желанием угодить полякам и русским, Руничу и Гречу» (Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 2. С. 326).

хваля его беспрестанно, наскучишь, а приправлять анекдотами и странностями – беда». Думается, подобная щепетильность объясняется заботой Бестужева о своей репутации издателя. Это подтверждают и опубликованные в альманахе тексты, в особенности программные «Взгляды», точнее – их тон, резко отличающийся от ранних обзоров Бестужева.

В советском литературоведении сложилось представление о «Полярной звезде» как о печатном органе Северного общества, пропагандировавшем революционные идеи²⁰³. В качестве доказательства приводился, в частности, тот факт, что участниками первой книги альманаха были члены ВОЛРС²⁰⁴. Но такому взгляду на издание Бестужева и Рылеева противоречат и оценки современников-читателей «Полярной звезды»²⁰⁵, и состав альманаха, в котором число «вольнлюбивых» текстов было весьма невелико. В современной научной литературе уже отмечалось, что издатели «Полярной звезды» «предприняли попытку объединить литераторов разных эстетических воззрений <...> Кроме того, в альманахе было много писателей “второго ряда”, которые не выражали четко той или иной эстетической платформы»²⁰⁶.

Нужно сказать, что большинство рецензентов «Полярной звезды» на 1823 г. весьма благосклонно отозвалось о содержании альманаха: «Любительницы и любители отечественной словесности найдут в сей книжке прозу по большей части чистую, легкую и занимательную, а поэзию приятную, живую и – очень часто – вдохновенную <...> В нашем альманахе участвовали многие из

²⁰³ См., например: «Бестужев и Рылеев в “Полярной звезде” подняли знамя борьбы за гражданский романтизм в литературе, объединяя вокруг него все прогрессивные элементы, способные внести свой вклад в передовое движение. Борьба теоретическая в литературе была выражением общеполитической борьбы, в которой из всех членов Северного общества Рылеев и Бестужев занимали наиболее последовательные позиции, что и сказалось на выдержанности и принципиальности литературно-критических взглядов того и другого» (Архипов В. А. Базанов В. Г., Левкович. Я. Л. Литературно-эстетические позиции «Полярной звезды». С. 828).

²⁰⁴ См.: Там же. С. 816–817.

²⁰⁵ См., например: «Тогда никому и в голову не приходило соединять преступные деяния декабристов с их невинными литературными произведениями и еще тем более с такими изданиями их, как книжки “Полярной звезды”» (Буслаев Ф. И. Мои воспоминания. М., 1897. С. 370).

²⁰⁶ Готовцева А. Г. К финансовой истории альманаха К. Ф. Рылеева и А. А. Бестужева «Полярная звезда». С. 10.

первоклассных писателей»²⁰⁷. Тем не менее неравноценность публикуемых текстов была очевидна для современников. 2 сентября 1823 г. П. А. Вяземский, сообщая Бестужеву о том, какие произведения он готов предоставить для следующего выпуска «Полярной звезды», завершал свое письмо восклицанием: «Только, ради Бога, не впускайте Хвостова. Что за охота делать из книжки крестьянскую избу, которая служит и людскою обителию, и хлевом. Всякому свое место: люди с людьми, а прочее с прочим! Пускай хрюкает он у дверей, но вы мужайтесь и дверей не растворяйте»²⁰⁸. (Видимо, Бестужев прислушался к просьбе Вяземского: в «Полярной звезде» на 1824 и 1825 гг. стихотворения гр. Хвостова не появлялись.) 22 апреля 1824 г. В. А. Муханов писал брату Николаю: «Очень радуюсь, что мнение твое о “Полярной звезде” сходно с моим; там много прекрасного, больше посредственного и *велие* множество худого и плохого»²⁰⁹. П. А. Муханов, получив «Полярную звезду» на 1824 г., 24 января писал Рылееву: «...прошлогодня была лучше; стихи очень плохи; образчики твоей поэмы мне очень понравились»²¹⁰.

Литературные обзоры Бестужева, открывающие каждую новую книгу, касались широкого круга вопросов: истории российской словесности, причин упадка современной литературы, роли критики. Но несмотря на разнообразие тематики, все же основное место в статьях занимали обзоры книжных новинок, отражавшие общую позицию издателей. «Во взгляде на старую и новую словесность в России» едва ли не каждый автор – будь то Батюшков или граф Хвостов – удостоивается похвалы и одобрения. О Батюшкове Бестужев

²⁰⁷ [Плетнев П. А.] Соревнователь. 1823. № 1. С. 98–99 (авторство Плетнева указано в издании: Полярная звезда, изданная К. Рылеевым и А. Бестужевым. С. 979). См. также отзыв «Сына отечества» (1823. № 3. С. 113): «... давно я не видал у нас книжки, которая заключала бы в себе столько приятного и занимательного!» (подпись: Ж. К.; в издании «Полярная звезда, изданная К. Рылеевым и А. Бестужевым» указано, что это псевдоним Н. И. Греча (С. 979), однако высказывалось и иное мнение; о разных версиях раскрытия псевдонима «Ж. К.» см.: Пушкин в прижизненной критике: 1820–1827. СПб., 2001. С. 430–431; примеч. Е. В. Лудиловой).

²⁰⁸ Русская старина. 1888. № 11. С. 319.

²⁰⁹ Письма Владимира Алексеевича Муханова братьям 1824–1831 гг. // Щукинский сб. М., 1906. Вып. 5. С. 271.

²¹⁰ Русская старина. 1888. № 11. С. 322. Ср. также резкий отзыв П. А. Катенина в письме к Н. И. Бахтину от 13 июля 1824: «Звезда – дрянная компиляция» (Там же. 1911. № 4. С. 170).

пишет с явным восторгом, уподобляя его поэзию «резвому водомету, который то ниспадает мерно, то плещется с ветерком. Как в брызгах оного преломляются лучи солнца, так сверкают в ней мысли новые, разнообразные» (II, 384–385). Но и для Хвостова критик находит вполне уважительные слова: «Граф Хвостов, трудолюбивый стихотворец наш, писал в различных родах, и в нем нередко встречаются новые мысли. Одами своими заслужил он недвусмысленную славу, и публика уже оценила все пиитические его произведения» (II, 381–382). Исключением оказывается только покойный Третьяковский²¹¹. Таким образом, как остроумно заметил Н. А. Котляревский, Бестужев превратил свой обзор в «докладную записку о всех вышедших произведениях русской словесности, стараясь показать товар лицом и набивая иногда непомерную цену самых посредственных произведений»²¹².

Обзор, помещенный в альманахе на 1823 г., вызвал немало нареканий. Высказывались упреки по поводу авторского слога²¹³ (претензии к которому были Бестужеву уже привычны), но главное неудовольствие возникло по поводу выбора имен писателей и данных им оценок. А. И. Тургенев в письме к Вяземскому от 2 января 1823 г. высказался о содержании и тоне «Взгляда» резко отрицательно: «Читал ли “Звезду” и в начале – “Le petit dictionnaire des grands hommes” <“Малая энциклопедия великих людей” – фр.>, в роде “Les femmes savantes” <“Ученые женщины” – фр.>. Что за вздор, и что за язык, и что за

²¹¹ «В то время как юный Ломоносов парил лебедем, бездарный Третьяковский (род. 1703, ум. 1769 г.) пресмыкался, как муравей, разгадывал механизм, приличный русскому стихосложению, и оставил в себе пример трудолюбия и безвкусыя. Смехотворными стихами своими, в отрицательном смысле, он преподал важный урок последующим писателям» (II, 378). Осмеяние «трудолюбивого» Третьяковского характерно для «арзамасской» традиции.

²¹² Котляревский Н. А. Декабристы. С. 328.

²¹³ «Слог сочинителя сей статьи больше всего походит на его мнения. А. Бестужев выражается обыкновенно <...> неровно <...> Он до пристрастия любит игру слов. В украшениях его слога нередко вырывается что-то слишком молодое и затейливое» ([Плетнев П. А.] Соревнователь. 1823. № 1. С. 105); «Вообще слог г-на Бестужева отличается оригинальностью мыслей, живостию и новостью оборотов, но не везде гладок»; (Вестник Европы. 1823. № 2. С. 136–137; подпись: П.). ««...желание быть оригинальным, блистать новизной и острою часто заставляет его употреблять слова в смысле совершенно им несвойственном и составлять выражения столько ж странные, сколько и выисканные. Сии погрешности г-на Бестужева в рассматриваемом мною сочинении дошли, так сказать, до невозможности» (Там же. С. 140; подпись: – и – е. –).

грамматика, и что за имена»²¹⁴. Недовольны были и представители другого литературного лагеря. Критик «Вестника Европы» писал: «Не со всем, однако ж я согласен с г-м Бестужевым. Например он поставил М. Н. Муравьева наряду с Подшиваловым <...> не упомянул ни слова о стихотворных произведениях первого, о которых Батюшков и другие отзывались с большой похвалою; но подобные пропуски были бы весьма простительны, если бы мы не встречали в сем обозрении имен многих и премногих поэтов»²¹⁵.

Откликаясь на следующий бестужевский обзор русской словесности (за 1823 г.), Вяземский писал автору 20 января 1824 г.:

В вашей литературной статье много хорошего, но опять та же выисканность и аффектация в выражениях. Так же не одобряю какую-то подчиненность в суждениях. Что за охота выставлять Загоскина? Его «Послание к Людмилу» площадное, плоское по мыслям и стихосложению, взапуски выхваляемое петербургскими и московскими журналами, точно как будто переродило его. Дайте себе труд его прочесть и вы, верно, со мною согласитесь. «Деревенского философа», верно, вы и не читали, а то бы и не решились похвалить.²¹⁶

В особенности Вяземского задела доброжелательная реплика в адрес Каченовского и его «Вестника Европы», с которым в 1824 г. велась бурная полемика по поводу предисловия Вяземского к «Бахчисарайскому фонтану»:

Что значит, что «Вестник Европы» идет своим твердым шагом, ослиным что ли? Нет тверже ослиного шага, а в доказательство служит то, что по горам их употребляют. Вы из Каченовского точно делаете помазанника. Как ни глуп, как ни скучен, как ни бесплоден, а все с каким-то благоговением говорится о его величестве. Как не видать, что «Вестник Европы» держится своею давностию и своею законностию (legitimité) как фамилии Атридов или Бурбонов. Сам собою он ничтожен: посмотрите его отчеты о московском театре. Какой неурожай на мысли и на слова! Какой запор в голове!²¹⁷

Вяземский недвусмысленно выражал свою позицию, призывая Бестужева к

²¹⁴ Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 2. С. 294. В подобном духе Тургенев выскажется и по выходе следующей книжки альманаха в письме к Вяземскому от 28 мая 1824 г. (см.: Там же. Т. 3, ч. 2. С. 129–130).

²¹⁵ Вестник Европы. 1823. № 2. С. 135–136; подпись: П.

²¹⁶ Русская старина. 1888. № 11. С. 322–323. «Послание Людмилу» – сатира на романтическую поэзию; «Деревенский философ» – комедия Загоскина, о которой Бестужев писал, что она «развертывает забавные черты наших баричей, доказывая комический дар автора» (II, 397).

²¹⁷ Русская старина. 1888. № 11. С. 324.

большей независимости:

...зачем же вам подчинять себя побочным условиям, околичностям? Оставим это поденщикам книжным, цеховым ремесленникам: но кому же быть независимым, если не нам, которые пишем из побуждений благородного честолюбия, бескорыстной потребности души? Хорошо «Благонамеренному» и ему подобным вытягиваться перед «Вестником Европы» с пальцами по квартирам и с улыбкою раболепства на холопских устах <...> Независимость – вот власть, которой мы должны служить верою и правдою. Без нее нет писателю спасения: и ум, и сердце его, и чернила – все без нее заплесневеет.²¹⁸

В отношении к Каченовскому Бестужев был, по-видимому, достаточно искренен: «Я в нем нахожу кой-какие литературные заслуги – Вы не признаете вовсе никакого достоинства» – писал он в ответном письме к Вяземскому²¹⁹. Но в других случаях его частные оценки нередко существенно отличались от печатных. Так, о Б. М. Федорове во «Взгляде на старую и новую словесность» говорилось: «Борис Федоров писал много для сцены, но мало по вкусу публики. Однако ж в отрывках его “Юлия Цезаря” виден дар трагедии» (II, 390). Между тем рассказывая в письме к Вяземскому от 23 мая 1824 г. о «партии положительного безвкусия», составившейся в «Вольном обществе любителей российской словесности», Бестужев писал, что «у ней <...> хвост (тела нет) – Борис Федоров <...> Борис Федоров – гадок, словесный вор и чтец преотвратительный»²²⁰. В том же письме о чтении А. Е. Измайловым басен «Бегун и кляча», «Так да не так» и «Сметливый эконоом» сообщалось: «Измайлов смешил более своею тушею, чем стихами»²²¹. Но басни того же автора получили совершенно иную оценку во «Взгляде на старую и новую словесность»: «Баснописец Александр Измайлов рисует природу, как Теньер. Рассказ его плавен, естественен; подробности оного заставляют смеяться самому действию. Он избрал для предмета сказок низший класс общества и со временем будет иметь большую цену, как историк сего класса народа» (II, 382). Во «Взгляде на старую и новую словесность» «Родзянка – беспечный певец

²¹⁸ Там же.

²¹⁹ Письма Александра Бестужева к П. А. Вяземскому: (1823–1825). С. 212–213 (письмо от 28 января 1824 г.).

²²⁰ Письма Александра Бестужева к П. А. Вяземскому: (1823–1825). С. 204.

²²¹ Там же.

красоты и забавы: он пишет немного, но легко и приятно» (II, 387), а в письме к Вяземскому от 1–18 января 1824 г., рассказывая о содержании «Полярной звезды» на 1824 г., Бестужев пишет о нем совсем иначе: «...местами напускали ряпушки в стерляжий садок свой. Так прокрался туда бессмысленный Родзянка...» (II, 472).

Известна эпиграмма Пушкина, написанная весной 1825 г.:

Напрасно ахнула Европа,
Не унывайте, не беда!
От п<етербургского> потопа
Спаслась «П<олярная> з<везда>».
Бестужев, твой ковчег на бреге!
Парнасса блещут высоты!
И в благодетельном ковчеге
Спаслись и люди, и скоты.²²²

Существует достаточно справедливое мнение, что в последней строке речь идет об участниках альманаха²²³. Однако с не меньшим основанием можно считать, что поводом к эпиграмматической реплике о «людях» и «скотах» в «ковчеге Бестужева» послужили также публичные бестужевские суждения, высказанные во «Взглядах»²²⁴. Конъюнктурность бестужевских обзоров Пушкин отмечал и в личной переписке с писателем – правда, в более мягкой форме. В письме, датированном концом мая – июнем 1825 г., он, высказывая свои замечания о «Взгляде», упрекнул Бестужева за недостаточно откровенный отзыв о «Евгении Онегине»: «Об “Онегине” ты не высказал всего, что имел на сердце; чувствую почему и благодарю — но зачем же ясно не обнаружить своего мнения? — покамест мы будем руководствоваться личными нашими отношениями, критики у нас не будет — а ты достоин ее создать»²²⁵. Этот упрек в предвзятости был справедлив. Если в личной переписке по поводу первой главы «Евгения Онегина» развернулась настоящая полемика²²⁶, то во «Взгляде» Бестужев

²²² Пушкин. Полн. собр. соч. М., 1937. Т. 2. С. 386.

²²³ См., например: Маслов В. И. Литературная деятельность К. Ф. Рылеева. С. 361.

²²⁴ Подробнее о связи эпиграммы и «Взглядов» А. Бестужева см.: Полякова А. А. Люди и скоты в ковчеге Александра Бестужева: (Об эпиграмме Пушкина «Напрасно ахнула Европа...») // Русская литература. 2018 (в печати).

²²⁵ Пушкин. Полн. собр. соч. Т. 13. С. 180.

²²⁶ См. письмо А. С. Пушкина к К. Ф. Рылееву от 2 января 1825 г. (Там же. С. 134), Бестужева к Пушкину от 9 марта 1825 г. (Там же. С. 148–149), Пушкина к Бестужеву от 24

привычно обошел (или почти обошел) все острые углы: «Первая глава стихотворного <...> романа “Онегин”, недавно появившаяся, есть заманчивая одушевленная картина неодушевленного нашего света. Везде, где говорит чувство, где мечта уносит поэта из прозы описываемого общества, стихи загораются поэтическим жаром и звучнее текут в душу» (II, 407).

Бестужева, естественно, чрезвычайно заботила успешность альманаха. Он был заинтересован в сохранении уже налаженных литературных и деловых контактов, а так же в привлечении новых активных сотрудников²²⁷ и, по замечанию В. Э. Вацура, избегал полемики с конкурирующими изданиями²²⁸. Отсюда – сдержанный и доброжелательный тон его обзоров. Кроме того, по мнению Н. А. Котляревского, Бестужев желал выступать в них не столько критиком, сколько историком литературы, и потому стремился сдерживать проявления своих личных вкусов²²⁹.

Возвращаясь к «московским запискам», можно предположить, что написание сатирического очерка о московских нравах, которые могли бы задеть или потенциального читателя, или потенциального автора, очевидно было не в интересах издателя «Полярной звезды».

марта 1825 г. (Там же. С. 155).

²²⁷ Ср.: «Рылеев и Бестужев сумели привлечь к участию в альманахе все лучшие силы; издателей нельзя упрекнуть в неразборчивости и в отсутствии вкуса. Они поставили дело таким образом, что крупнейшие поэты того времени желали “видеть свое новорожденное дитя в изящно-модной колыбельке”, С другой стороны, следует учитывать, что в ту пору авторы в большинстве своем вышли из школы Жуковского-Карамзина, а именно к ним вынуждены были обращаться Рылеев и Бестужев с просьбой о присылке “пьес” и, “буде господа сочинители соблаговолят прислать свои пьесы”, издатели “предадут их тиснению”. А это, опять-таки, не могло не стеснять суждений, высказываемых в статье, предпосланной альманаху, не могло не отразиться на оценке трудов “господ сочинителей”» (Архипов В. А., Базанов В. Г., Левкович Я. Л. Литературно-эстетические позиции «Полярной звезды». С. 821–822).

²²⁸ См.: Вацура В. Э. «Северные цветы»: История альманаха Дельвига – Пушкина. М., 1978. С. 44.

²²⁹ См.: Котляревский Н. А. Декабристы. С. 314–315.

Глава 3. Замысел «якутского» альманаха (1829) и творческие поиски А. А. Бестужева 1827–1829 гг.

Значение в творческой биографии опального декабриста первых годов его ссылки – сначала недолгого пребывания в Финляндии в крепости «Форт Слава», затем двухлетней жизни в Якутске (1827–1829 гг.) – определяется достаточно трудно. Во многом вторая половина 1820-х гг. оказалась для Бестужева временем творческого кризиса: прежняя слава осталась позади, а новая к нему пришла только в 1830 г., когда в «Сыне отечества» была опубликована повесть «Испытание», – и перед писателем встала необходимость не только осмыслить и принять свое новое положение, но и попытаться найти новый путь, новую форму высказывания.

Внешне эти поиски проявились в уходе от беллетристики к лирике. Несмотря на то, что Бестужев в той или иной степени обращался к поэзии на протяжении всего своего творческого пути, именно «якутский» период можно почти без оговорок назвать «стихотворным». В Якутске Бестужев создал ряд оригинальных и переводных лирических текстов в разных жанрах и отдельные главы стихотворной повести «Андрей Переяславский». Правда, может показаться, что его лирические тексты писались иногда от безысходности и едва ли не «с тоски»²³⁰. 25 января 1829 г. Бестужев признавался братьям Николаю и Михаилу: «Прозой вовсе ничего не пишу; для серьезных предметов не имею довольно источников и оснований, а для сантиментальных статей я стал слишком сериозен»²³¹. К своим поэтическим опытам он тоже относился как будто бы несерьезно: об этом говорит и одна из реплик в письме к братьям от 16 июня 1828 г. («...стихотворствую я очень много, и скорее для рассеянности, вообразив себя одно время влюбленным; время доказало, что это был только искусственный огонь»²³²), и ироничное сообщение о том, что своими

²³⁰ «Бестужев с тоски, кажется, приналег на поэзию» (*Котляревский Н. А. Декабристы. С. 118*).

²³¹ *Русский вестник. 1870. № 5. С. 249–250.*

²³² Там же. С. 234.

стихотворениями он раскуривает на досуге трубку²³³. Важно, что «Русские повести и рассказы» Бестужева (М., 1832. Ч. 1–5; СПб., 1834. Ч. 6–8) были собранием именно прозаических текстов – впервые большая часть поэтического наследия, прежде разбросанная по страницам альманахов и журналов, оказалась собрана лишь в одном из томов посмертного Полного собрания сочинений писателя, изданного в 1838–1840 гг.²³⁴.

Что же касается нескольких глав из стихотворной повести «Андрей, князь Переяславский», то и этот текст Бестужев, кажется, не считал удачным. Так, в письме к К. А. Полевому от 12 февраля 1831 г., он, будто бы оправдываясь за несовершенство повести, признавался: «Писалась она в Финляндии, где у меня не было ни одной книги; написана она была жестяным обломком, на котором я зубами сделал расщеп, и на табачной обертке. Можете судить об отделке и вдохновении!»²³⁵. Судя по воспоминаниям И. Д. Якушкина²³⁶, Бестужев вполне точно живописал обстоятельства, в которых текст создавался.

Однако, каким бы пренебрежительным ни было отношение Бестужева к своим стихотворным опытам второй половины 1820-х гг., в начале 1829 г. он, по всей видимости, собирался использовать эти поэтические тексты в рамках достаточно амбициозного проекта, о котором и пойдет далее речь.

²³³ Русский вестник. 1870. № 5. С. 254 (письмо к братьям от 25 марта 1829 года).

²³⁴ Марлинский А. Полн. собр. соч. СПб., 1840. Ч. 11. В это издание вошли только 28 стихотворений Бестужева и главы стихотворной повести «Андрей, князь Переяславский». Полностью все известные поэтические тексты писателя опубликованы в издании: Бестужев-Марлинский А. А. Полн. собр. стихотворений / Вступит. статья и примеч. Н. И. Мордовченко; общая ред. М. А. Брискмана. Л., 1961 (Большая серия «Библиотеки поэта»).

²³⁵ Русский вестник. 1861. № 3. С. 293.

²³⁶ «Бестужев в это время пытался писать на клочках бумаги повесть в стихах из времен, весьма древних, в русской истории – “Андрей Переяславский”» (Якушкин И. Д. Записки // Записки, статьи, письма декабриста И. Д. Якушкина. СПб., 1951. С. 91 (Сер. «Литературные памятники»)).

§ 1 Финансовая история «якутского» альманаха (1829)

и проекты изданий первой половины 1830-х гг.

В исследованиях, посвященных А. А. Бестужеву, неоднократно упоминается, что получив в 1828 г. запрет на издание своего собрания сочинений, он в начале 1829 г. взялся за работу над альманахом²³⁷. Впервые мысль издать альманах прозвучала в письме к сестре Елене Александровне от 25 февраля 1829 г.:

...узнайте-ка, не возьмется ли какой из грамотеев издать в свете книжечку, совершенно разнообразием своим похожую на мать всех нынешних альманахов – “Полярную Звезду”, в которой проза и стихи будут без исключения писаны мною и которую постараюсь я сделать как возможно занимательную. Там будут повести всех цветов (of all humors <всех сортов – англ.>), критические взгляды и полезное с приятным в одной своре. В стихах постараюсь соблюсти еще как можно больше пестроты. Одним словом, имея некоторую опытность в этом роде изданий и довольно беспристрастия, чтобы разглядеть и свое дурное – я, вероятно, успею сдержать свое слово. Картинок, кроме заглавной, не думаю прилагать. <...> Все это или большая часть еще в голове моей, но решаюсь, я скоро приведу мою мысль в дело. Не замедлите отвечать на вопрос мой. Я никак не полагаю, чтоб это предприятие могло быть запрещено <...> Впрочем, повторяю – это есть единственный способ моего существования, и не ставя нигде своего имени, я устраняю и последнюю тень надобности не дозволять появления. Думаю, это может доставить мне безбедной быт, а публике невинное чтение. Я далек от самолюбия, но далек и от унижения; я знаю себе цену в мире русской словесности, хотя цену случайную, происшедшую от совершенного безлюдья в прозаиках, и след., думаю, что сим окажу некоторую услугу языку отечественному; впрочем, как говорят немцы – Zeit bricht Rosen, т. е. буквально: время разбивает розы²³⁸.

Как следует из письма, Бестужев намеревался создать именно авторский альманах, наполненный только собственными текстами. Стоит отметить, что такой тип издания, получил некоторое распространение лишь к концу 1830-х гг.²³⁹, а до этого был явлением маргинальным. Существует единственный и вряд

²³⁷ См.: Прохоров Г. В. А. А. Бестужев в Якутске. С. 190–191; Фризман Л. Г. Литературная критика декабристов // Литературно-критические работы декабристов. М., 1978. С. 16; Канунова Ф. З. Бестужев – критик и теоретик романтизма // Бестужев-Марлинский А. А. Кавказские повести. С. 553.

²³⁸ Памяти декабристов. Вып. 2. С. 220–221.

²³⁹ В 1830-е гг. в Петербурге и Москве вышло пять авторских альманахов: «Утренняя звезда» Д. И. Сигова (1831), «Метеор» Ф. Соловьева (1831), «Звезда любви, подарок прелестному полу» В. Гр-ва (1837), «Цевница» П. Я Шаршавого (1837) и «Невский альбом. Опыты в стихах и прозе» Н. Бобылева (1837). См.: Смирнов-Сокольский Н. П. Русские

ли известный Бестужеву авторский альманах 1800–1820-х гг. – это вышедший в 1807 г. в Москве «Подарок милым сестрам Вар. Але. Шул. и Вар. Але. Каф. в день их именин» А. А. Коптева.

Форма издания Коптева несколько отличалась от структуры обычного альманаха, заданной еще «Аонидами» и «Аглаей» Н. М. Карамзина и традиционно включавшей в себя издательское предисловие, стихотворный и иногда – прозаический разделы, перебиваемые виньетками и картинками²⁴⁰. В «Подарке милым сестрам...», который предсказуемо открывался трогательным поздравлением, стихотворные и прозаические тексты были скомпонованы по жанрово-тематическому принципу – «Меланхолические пьесы», «Смесь», «Идиллии», «Басни», «Славянские апологи», «Мелочи», «К портретам». Но как понятно из изложенной в письме программы, Бестужев ориентировался на традиционную структуру альманаха по типу «Полярной звезды».

К сожалению, о возможном содержании «якутского» альманаха нам известно мало. К тому же коммерческая сторона проекта была продумана Бестужевым, как кажется, гораздо более тщательно, чем материалы для него. Однако и эта коммерческая сторона неосуществленного издательского проекта представляет известный интерес.

Причина, по которой уже во время пребывания в Якутске писатель задумался об издании собственных сочинений, очевидна. Несмотря на то, что общий тон писем 1827–1829 гг. нельзя назвать трагичным, – Бестужев охотно делился этнографическими наблюдениями, много читал, занимался немецким, итальянским и латинским языками, заводил знакомства, живо интересовался литературными новостями и книжными новинками – он достаточно часто сетовал на свое стесненное финансовое положение. О дороговизне и труднодоступности элементарных вещей Бестужев писал сестре Елене 25 мая 1828 г.:

литературные альманахи и сборники XVIII–XIX вв.: Библиогр. указатель. М., 1965. С. 165, 194–197.

²⁴⁰ См.: Гриц Т. С., Никитин М. М., Тренин В. В. Словесность и коммерция: Книжная лавка А. Ф. Смирдина. М., 2001. С. 153.

Я принужден здесь делать себе все платье и часть белья, и это все стало мне недешево, равно как и обзаведение хозяйством. Неприметные вещицы, как то: сита и чашки и плошки и пузырьки унесли не мало.²⁴¹

Финансовое благополучие Бестужева подрывали и несогласованные с автором издания его текстов. С литературной контрафакцией – правда, не как автор, а как издатель альманаха – он сталкивался и раньше²⁴². Речь идет о публикации А. Ф. Воейковым отрывка из «Братьев-разбойников» Пушкина в составе «Путешествия из Саренты на развалины Шери-Сарая, бывшей столицы ханов Золотой орды»²⁴³, который должен был появиться в «Полярной звезде» на 1825 г. и стать главным украшением альманаха. 15 сентября 1824 г. Бестужев и Рылеев отправили Воейкову письмо о разрыве отношений²⁴⁴. Кроме того, о перепечатках Воейкова Бестужев не преминул упомянуть во «Взгляде на русскую словесность в течение 1824 и начале 1825 годов»: «“Инвалид” наполнял свои листки и “Новости литературы” лежалою прозою и перепечатанными стихами» (II, 410).

В ссылке, за тысячи километров от столицы положение Бестужева стало еще более уязвимым. 25 мая 1828 г. он сообщал сестре Елене неприятную новость: в «Невском альманахе на 1827 год» Е. В. Аладьиным был без подписи опубликован «Замок Эйзен»²⁴⁵. Под этим заглавием скрывалась повесть «Кровь за кровь», написанная для альманаха «Звездочка». К Аладьину текст попал, вероятно, через О. М. Сомова, у которого на руках остались корректурные листы повести²⁴⁶.

Меньше чем через месяц Бестужев так же случайно узнал о выходе

²⁴¹ Памяти декабристов. Вып. 2. С. 200–201.

²⁴² Юридически авторское право было закреплено в России лишь в положении о правах сочинителей, приложенном к Цензурному уставу 1828 г. Однако не согласованная с автором и наносящая ему финансовый ущерб перепечатка произведения вызывала естественное негодование. Примером может служить возмущившая Пушкина и его друзей перепечатка Е. Ольдекопом «Кавказского Пленника» в приложении к немецкому переводу поэмы. Фактически это являлось контрафакцией, но возможности юридически защитить свои права Пушкин был лишен.

²⁴³ Новости литературы. 1823. Кн. 9. С. 1–24.

²⁴⁴ См.: Рылеев К. Ф. Соч. Л., 1987. С. 309.

²⁴⁵ См.: Памяти декабристов. Вып. 2. С. 201.

²⁴⁶ См. комментарий В. И. Кулешова к рассказу «Кровь за кровь» (I, 473).

первой главы его стихотворной повести «Андрей, князь Переяславский». Гневу автора не было предела:

В газетах московских узнал я с немалым изумлением о появлении в свете стихотворной повести «Андрей, князь Переяславский». Прошу без замедления послать ее ко мне, и в то же время написать книгопродавцу Ширяеву вопрос, по какому праву он напечатал сию пьесу? Имеет ли он от сочинителя на то позволение, и если имеет, то кто выдает себя за автора оной? Я право не знаю, в каком веке мы живем? <...> Если это спекуляция, то она самая презрительная и вредная; если же услуга неудачных доброхотов, то к ней прекрасно применить стих Крылова: «Услужливый дурак опаснее врага»²⁴⁷.

По всей видимости, Бестужев не знал, что в том же 1828 г. отрывок из его стихотворной повести вышел не только отдельным изданием, но и в составе альманаха А. И. Ивановского «Альбом северных муз» на 1828 г.

На этом история издания повести не закончилась. В 1830 г. В № 42 журнала С. Е. Раича «Галатее» появилась вторая глава «Андрея, князя Переяславского». В 1831 г. после того, как уже сам Бестужев выслал Н. А. Полевому пятую главу повести для публикации в «Московском телеграфе»²⁴⁸, те же отрывки были напечатаны Воейковым в «Литературных прибавлениях к “Русскому инвалиду”» за подписью Петрова из Енисейска²⁴⁹. Только в 1832 г., спустя пять лет после издания первой главы повести, Бестужев, опубликовав «апелляцию» и «Еще несколько слов его же <Александра Марлинского. – А. П.> к издателю “Московского телеграфа”»²⁵⁰, смог восстановить справедливость и указать псевдоним настоящего автора повести.

²⁴⁷ Письмо к сестре Елене от 10 июня 1828 г. (Памяти декабристов. Вып. 2. С. 205).

²⁴⁸ См. письмо Бестужева к Полевому от 12 февраля 1831 г. (Русский вестник. 1861. № 3. С. 293–294). Глава была напечатана в 7-м и 9-м номерах «Московского телеграфа» за 1831 г.

²⁴⁹ *Петров*. Отрывок из поэмы: Князь Андрей Переяславский // Литературные прибавления к «Русскому инвалиду». 1831. № 53, 4 июля. С. 412–413. Справедливости ради нужно отметить, что в оглавлении к «Прибавлениям» напротив отрывка из повести указаны инициалы Бестужева. Можно предположить, что замена имени автора была продиктована осторожностью Воейкова при публикации текста ссыльного декабриста. И. П. Петров (1803–1838) – красноярский поэт и прозаик, во второй половине 1820-х – первой половине 1830-х гг. печатавшийся в петербургских периодических изданиях; составитель «Енисейского альманаха на 1828 г.» (Красноярск, 1828).

²⁵⁰ *Марлинский А.* Несколько слов от сочинителя повести: Андрей, князь Переяславский // Московский телеграф. 1832. № 6. С. 293–300; Еще несколько слов его же к издателю «Московского телеграфа» // Там же. С. 300–301.

Обеспокоенный стихийным изданием собственных текстов, Бестужев предпринимал достаточно активные попытки продать в журналы и альманахи свои стихотворения. Тексты, предназначенные к изданию, он присылал матери, сестре Елене Александровне и Елене Ивановне Булгариной, жене бывшего близкого приятеля. Насколько можно судить по письмам, намерение осуществить эти публикации нужно рассматривать не только как желание вернуться на литературную арену, но и как попытку срочно поправить финансовое положение. Для Бестужева было совершенно не принципиально, появятся ли его тексты, разбросанные по журналам и альманахам, с подписью или без нее (после запрета на издание собрания сочинений было ясно, что публиковать стихотворения анонимно значительно проще). Гораздо важнее был для писателя гонорар, размер которого им каждый раз тщательно оговаривался. Так, 25 января 1829 г. Бестужев, выслав сестре Елене стихотворения «Алине» и «Финляндия», сопроводил их следующей инструкцией:

При сем письме прилагаю два стихотворения <...> Имени подписывать ненадобно. Пусть лучше стихи дадут имя автору, а не имя будет служить вывескою для стихов. С будущей почтой пошлю еще кой-что и остановлюсь до вашего ответа. Цена обоим вместе 200 руб. Не любо – не бери.²⁵¹

Надо сказать, что тексты Бестужева были не только востребованы – за них готовы были платить большие деньги. Елена Бестужева 31 мая 1829 г. писала о своем разговоре с издателем «Невского альманаха»:

...спросила у взявшего твой «Тост» и «Череп» г-на Аладьина, во что бы он ценил твой лист оригинальной прозы, на что он отвечал, что с охотою даст сто пятьдесят рублей.²⁵²

Гонорар, предлагаемый Аладьиным, был по меркам конца 1820-х гг. баснословным (впрочем, буквально через несколько лет Бестужев, уже Марлинский, потребовал от А. Ф. Смирдина 500 рублей за лист²⁵³). Например,

²⁵¹ Памяти декабристов. Вып. 2. С. 218. Впервые эти стихотворения были без подписи опубликованы в «Сыне отечества» (1829. № 20. С. 373–374; № 21. С. 47–48).

²⁵² Там же. С. 225.

²⁵³ См. письма к брату Павлу от 23 ноября 1833 г. и 1 марта 1834 г. (Отечественные записки. 1860. № 6. С. 329, 341).

авторам «Полярной звезды» выплачивался гонорар в 100 рублей за лист²⁵⁴. Несколько позднее, в 1828 г., М. П. Погодин обещал участникам «Московского вестника» 100 рублей за один печатный лист оригинальной прозы – правда, при условии продажи всего тиража журнала (как вскоре стало понятно, журнал раскупался не очень охотно, в связи с чем уменьшилось и денежное вознаграждение за публикуемые материалы²⁵⁵). Но, по всей видимости, организованная подобным образом продажа произведений казалась Бестужеву недостаточно выгодной – ведь еще недавно они с Рылеевым получали 1500–2000 ассигнациями чистой прибыли за продажу «Полярной звезды»²⁵⁶.

Несмотря на «некоторую опытность в этом роде издания», о которой Бестужев писал Елене Александровне, он наверняка понимал, что в своем начинании шел на известный риск. Безусловно, в свое время окрыленный беспрецедентным успехом «Полярной звезды», он должен был осознавать, что этот успех обусловлен не только его и Рылеева талантами. Во-первых, в 1823 г. это был единственный отечественный альманах; «Мнемозина» и «Северные цветы» воспринимались уже как «подражания», несмотря на то, что вышли практически сразу вслед за «Полярной звездой». Показательна реплика самого Бестужева, оброненная им во «Взгляде на русскую словесность в течение 1824 и начале 1825 годов»: «Пример “Полярной звезды” породил множество подражаний»; за ней следуют доброжелательный, но несколько снисходительный разбор «Мнемозины» и «Северных цветов», и лаконичное «нелестный попутчик для других альманахов», брошенное в сторону издания Аладына (II, 409–410)²⁵⁷. Во-вторых, коммерческим успехом альманаха издатели

²⁵⁴ См.: Рейтблат А. И. Литературный гонорар в России XIX – начала XX в. // Книжное дело в России во второй половине XIX – начале XX в.: Сб. науч. тр. Вып. 3: Книга в контексте общественного и культурного развития. Л., 1988. С. 132.

²⁵⁵ См.: Гессен С. Я. Книгоиздатель Александр Пушкин: Литературные доходы Пушкина. М., 1987. С. 78.

²⁵⁶ См.: Оболенский Е. П. Воспоминания о Кондратии Рылееве // Мемуары декабристов: Северное общество. М., 1981. С. 85.

²⁵⁷ В письме к Я. Н. Толстому от 3 марта 1824 г. Бестужев отозвался о «Мнемозине» и «Северных цветах» еще более резко: «Наконец, Кюхельбекер издает альманах в 4 томах под заглавием “Мнемозина”, он еще не показался, а г-н Сленин и Дельви́г издадут на 25 год “Северные цветы”, точно то же, что наша “Звезда”: это спекуляция промышленности. Им завидно, что в три недели мы продали 1500 экземпляров, – посмотрим удачи!...» (Русская

были обязаны во многом, если не в первую очередь, его участникам, лучшим литераторам того времени, одни имена которых гарантировали успешную продажу «Полярной звезды».

Но в 1829 г., когда «альманашный» рынок был заполнен (если не переполнен)²⁵⁸, а ведущие позиции были прочно заняты «Северными цветами», главным конкурентом закрывшейся «Полярной звезды», всерьез рассчитывать на успех анонимного авторского альманаха было несколько опрометчиво.

Тем не менее Бестужев от своего плана не отказался – и вскоре прислал матери и сестре Елене, которым приходилось вести переговоры с издателями и книгопродавцами, письма, где чрезвычайно подробно описал финансовую сторону своего проекта. По этим письмам еще более очевидными становятся, с одной стороны, понятное желание Бестужева как можно скорее и выгоднее продать тираж, с другой – его самоуверенность.

В письме к Елене Александровне от 9 марта 1829 г. Бестужев дал сестре следующие наставления:

Полагая, что ты уже получила мое предыдущее письмо и вложенные в него два стихотворения – пишу задним числом указания о них. Так как никто не обязан делать ничего из-за ничего, предложи тому, кто возьмет, пятую часть экземпляров или пятую часть чистой прибыли. Если это его не устроит, дай четвертую часть. Это более, чем достаточно. Если это осуществится, нужно отпечатать 2000 экземпляров на петергофской бумаге, в формате, подобном «<Полярной> Звезде», без роскоши, но тщательно. Не трудись переплетать – это дело книгопродавцев.²⁵⁹

Два месяца спустя, 9 мая того же года, немного измененную инструкцию Бестужев отправил и матери:

Вы, конечно, уже получили письма, в коих я толковал о предполагаемом мною издании, и потому повторяю просьбу мою, чтобы распорядиться насчет приемки тетрадей и отсылки их в цензуру, чтобы это могло выйти в свет своевременно <...> О корректуре особенно прошу позаботиться, наиболее в сличении с моим писанным текстом; имея свои особые странности в слоге и правописании, не хочу надевать чужих обносков, по пословице: «хоть худо, да свое». На всякий случай, – хоть это и сходно будет с охотником, продающим шкуру не убитого медведя, – вот

старина. 1889. № 11. С. 376).

²⁵⁸ В 1828 г. в Москве и Петербурге вышло 9 различных альманахов; в следующем году их количество увеличилось до 12-ти (см.: *Смирнов-Сокольский Н. П.* Русские литературные альманахи и сборники XVIII–XIX вв. С. 129–150).

²⁵⁹ Памяти декабристов. Вып. 2. С. 222–223.

наставление как обходиться с нацией книгопродавцев: кто берет *заранее* 300 экземпляров на чистые деньги, сбросить 30 процентов с рубля с публичной цены (она назначится мною позже), кто 200, – уступить 25 процентов, кто менее – 20; за комиссию (что делать не ранее как по истечении месяца по выходе) давать 15 процентов. Кредит можно делать только Сленину и Смирдину, и по их поручительству. Да кроме того, во избежание лишней припечатки экземпляров, заглавный лист напечатать в другой типографии²⁶⁰.

Первое, что обращает на себя внимание – это очень большой для того времени тираж, 2000 экземпляров против стандартного 1200. Если говорить о «Полярной звезде», то первоначально ее тираж составлял общепринятые 1200 экземпляров²⁶¹ – но, вдохновленные успехом, в следующем году издатели напечатали уже 1500²⁶². Однако если обратиться к материалам Цензурного комитета, можно убедиться в том, что часто тираж выпускавшихся в 1829 г. текстов не превышал и нескольких сотен экземпляров²⁶³. В связи с этим вспоминается история одной неудачи П. А. Плетнева как комиссионера А. С. Пушкина. Воодушевленный успехом «Кавказского пленника», в 1826 г. он решил пойти на немалый риск, попытавшись продать двойной тираж первой главы «Евгения Онегина». Но риск себя не оправдал: с 15 февраля по 1 августа из 2400 отпечатанных экземпляров было раскуплено только 1096. К концу 1826 г. даже несмотря на подоспевшую вторую главу романа и всевозможные ухищрения Плетнева в конце 1826 г. нераспроданными остались 750 экземпляров²⁶⁴. Таким образом, желание Бестужева быстро поправить свое положение за счет продажи 2000 экземпляров альманаха кажется сомнительным, если не наивным.

К сожалению, из писем нам неизвестна запланированная розничная цена. Средняя стоимость альманаха в это время составляла около 10–12 рублей (в

²⁶⁰ Русский вестник. 1870. № 5. С. 261–262.

²⁶¹ См. письмо Бестужева к Войдзевичам от 13 февраля 1823 г. (РГАЛИ. Ф. 71 (Бестужев А. А.). Оп. 1. Ед. хр. 6).

²⁶² См. письмо Бестужева к Я. Н. Толстому от 3 марта 1824 г.: Русская старина. 1889. № 11. С. 376.

²⁶³ Прошения разных лиц о разрешении издания представленных ими рукописей и книг. Ч. 1–3 (РГИА. Ф. 777 (Петроградский комитет по делам печати (Петербургский цензурный комитет) МВД). Оп. 1 (1804–1849 гг.). Д. 770–772).

²⁶⁴ См.: Гессен С. Я. Книгоиздатель Александр Пушкин. С. 70–72.

случае пересылки цена за издание увеличивалась); книжки «Полярной звезды» стоили 10–15 рублей – сумма по тем временам большая. Вполне вероятно, что Бестужев мог несколько снизить цену – с учетом, например, отсутствия красочного оформления или громких имен, – но предложенная им сложная система скидок была для книгопродавцев выгоднее общепринятой²⁶⁵, поэтому если некоторое снижение цены за альманах и предполагалось, то наверняка не очень ощутимое.

Впрочем, и намеченная система скидок демонстрирует некоторый просчет Бестужева. Судя по всему, он исходил из того, что книгопродавцы будут закупать альманах достаточно большими партиями, по 200–300 экземпляров – однако такие крупные закупки в 1820-е гг. были скорее исключением из правил. Например, то, что московский книгопродавец Ширяев приобрел 200 экземпляров второго издания «Кавказского пленника», было не чем-то само собой разумеющимся, а своеобразным подтверждением коммерческого успеха издания²⁶⁶. Даже в 1830-е гг., несмотря на увеличение книгооборота и расширение читательской аудитории, гораздо более распространенной практикой оставалась покупка всего лишь 10–25 экземпляров, причем изданий, коммерчески успешных:

В 30-х годах выход какого-либо нового романа, особенно Загоскина, или какой-нибудь другой книги, составляла эпоху. На приобретение этих новостей в достаточном количестве экземпляров все тогдашние книгопродавцы, кроме Смирдина, были скупы, в особенности для московских изданий: которой книги надо было выписать 200 экз., ее выпишут 10–25 экз., и держат под прилавком...²⁶⁷

²⁶⁵ Ср. письмо П. А. Плетнева к Пушкину от 27 февраля 1826 г.: «При продаже нынешней я руководствовался формою, которая изобретена была Гнедичем, по случаю продажи стихотворений Батюшкова и Жуковского. Вот она: 1) Покупщику, требующему менее 50 экз<емпляров>, нет уступки ни одного процента. 2) Кто берет на чистые деньги 50 экз<емпляров>, уступает ему 10 проц <ентов> 3) Кто 100 экз<емпляров>, уступается 15 проц<ентов>. 4) Кто 300 экз<емпляров>, уступается 20 проц<ентов> 5) Кто 500 экз<емпляров>, уступается 25 проц<ентов> 6). Кто 1000 экз<емпляров>, уступается 30 проц<ентов>. К нашему благополучию книгопродавцы наши так еще бедны или нерасчетливы, что из последних двух статей никто не явился, и все покупали по 4-й статье» (Пушкин. Полн. собр. соч. Т. 13. С. 263).

²⁶⁶ См.: Гессен С. Я. Книгоиздатель Александр Пушкин. С. 46.

²⁶⁷ Овсянников Н. Г. Воспоминания старого книгопродавца о Петербургской книжной торговле за пятидесятилетие до 1870 // Материалы для истории русской книжной торговли. СПб, 1879. С. 8.

Обращает на себя внимание и предложенный Бестужевым процент комиссионной уступки. Известно, что в среднем эта уступка равнялась 20%²⁶⁸. Изначально Бестужев советовал сестре договориться с комиссионером о 20–25% выплаты, что скорее соответствовало общепринятой практике и даже чуть превышало средний процент. Однако уже через месяц Бестужев пересматривает свою политику – и в письме к матери говорит о комиссии ниже среднего, в 15%, что, с одной стороны, как будто бы повышало выручку самого автора, но с другой, могло неблагоприятным образом сказаться на продажах: в случае отсутствия ажиотажа комиссионер, согласившийся работать за скромные проценты, вряд ли мог без ущерба для себя ощутимо снизить розничную цену издания.

Более того, Бестужев, по-видимому, надеялся и вовсе обойтись без услуг комиссионера, как было в случае с изданием второй и третьей книги «Полярной звезды» – правда, стоит напомнить, что этот опыт не вполне себя оправдал и вскоре лег тяжелой финансовой ношей на плечи издателей, в первую очередь Рылеева²⁶⁹.

Несмотря на интерес к литературным новинкам, действительное положение на книжном рынке и то, насколько уместным был бы его собственный проект, Бестужев, находившийся в вынужденной изоляции, очевидно представлял себе плохо.

Трудно предположить, чем бы закончилась для Бестужева его предприятие – но, пожалуй, к счастью для самого писателя проект приостановится уже на этапе переговоров с издателями. Взявшая на себя все хлопоты Елена Александровна 31 мая 1829 г. писала о своих попытках согласовать издание и продажу альманаха – и открыто заявила о нецелесообразности проекта. Она сообщала, что продажа отдельных текстов для публикации в альманахах и журналах кажется ей менее подверженной

²⁶⁸ См.: Гессен С. Я. Книгоиздатель Александр Пушкин. С. 22.

²⁶⁹ См.: Готовцева А. Г. К финансовой истории альманаха К. Ф. Рылеева и А. А. Бестужева «Полярная звезда». С. 12.

хлопотам и издержкам, чем задуманное братом издание:

...по желанию твоему понаведовавшись у известного тебе книгопродавца С. противу ожидания моего вместо 5-й или 4-й доли, что мне прежде казалось большим для тебя ущербом, сказали, что со всеми издержками готовы трудиться за половину выгод, уверяя, что сие составит ту же 4-ю часть, что признаюсь для меня не слишком понятно.²⁷⁰

Смысл фразы, так смутившей Елену Александровны, довольно прозрачен: книгопродавец, очевидно, усомнившись в коммерческом успехе затеянного Бестужевым предприятия, предположил, что из всего тиража удастся продать в лучшем случае половину. К слову, именно эта реакция позволяет думать, что «книгопродавец С.» – скорее всего, комиссионер Иван Васильевич Слёнин. В письме к матери Бестужев советовал, кроме Слёнина, обратиться еще и к А. Ф. Смирдину, – однако осторожный ответ, данный Елене Александровне, вряд ли мог принадлежать последнему. Смирдин, расцвет деятельности которого пришелся на 1830-е гг., в 1829 г. согласился на совершенно беспрецедентную сделку – издать роман Бургарина «Иван Выжигин» тиражом в 3–4 тысячи экземпляров. Этот жест был вполне продуманной стратегией, основанной не только на прогнозируемой популярности издания: как уже было отмечено в научной литературе²⁷¹, увеличение тиража, позволявшее снизить цену за издание и сделать его более доступным, было одной из стратегий Смирдина как успешного книгопродавца.

Кроме того, скорее о Слёнине, давнем знакомце Бестужева, издателе его «Поездки в Ревель», комиссионере журнала «Соревнователь просвещения и благотворения» и первой книги «Полярной звезды», Елена Александровна могла написать брату как «об известном» ему «книгопродавце»: со Смирдиным Бестужев, кажется, не был знаком и в 1829 г. не состоял с ним в личной переписке.

На письме Елены Александровны история альманаха обрывается; в сохранившихся письмах самого Бестужева тоже больше не встречается упоминаний этого проекта. Возможно, причиной тому послужил перевод на

²⁷⁰ Памяти декабристов. Вып. 2. С. 225.

²⁷¹ См.: Гриц Т. С., Никитин М. М., Тренин В. В. Словесность и коммерция. С. 193.

Кавказ, состоявшийся почти сразу же после получения письма от сестры²⁷² – и на смену скучной, но размеренной жизни в Якутске пришла полная мытарств жизнь военная. Возможно и другое: Бестужев мог сам осознать бесперспективность затеянного им предприятия.

Как известно, «якутский» альманах не стал последней попыткой организовать публикацию собрания своих текстов. Предельно кратко опишем два проекта 1830-х гг. для того, чтобы хотя бы в общих чертах обозначить динамику авторской стратегии Бестужева как издателя.

Наше предположение о том, что Бестужев отказался от мысли заработать на «якутском» альманахе, потому что для него самого стала очевидна нерентабельность этого предприятия, подтверждает его письмо к сестре Елене от 11 декабря 1830 г., в котором предложен уже совсем другой план. Спрашивая о судьбе стихотворений, отданных Булгарину для публикации («Насчет литературы есть до вас любезная сес<трица, прось>ба и вот в чем состоит она. Во-первых, <узнать> от Ф<аддея>я В<енедиктовича Булгарина>, что сделалось с моими стихами, <которые> просил я их продать куда-нибудь в альма<нах>»²⁷³), он попросил сестру помочь с изданием своих повестей:

...в газете «Furet» была напечатана похвала «Испытанию» и «Вечеру на Кавк<азских> Водах», где, между прочим, сказано, что публика желает видеть их напечатанными особо. Это знак, что сии повести приняты хорошо, и потому, попрося к себе Смирдина или Сленина, предложите им: не хочет ли кто купить их <для> напечатания вместе, трех: «Замка Эйзена», «Ис<пыт>ания» и «Вечера на Кавк<азских> Водах». К ним в та<ком> же формате могут они впоследствии припечатать <вно>вь публиковаться имеющие мои повести ежегодно, ибо, если бог даст здоровья, я 40 печат<ных> листов буду <из>давать непременно в год. Цена 3-м – 1.500 р<ублей>, двум последним 1.200, с тем условием чтоб они печатали <не более од>ного завода или 1200 экз<емпляров>. Если согласится, <то условие на>добно сделать на бумаге или по крайней мере <взять половину> денег вперед. Все сделки совершать по роз<...>. Я уже довольно был граблен на веку и не <хочу> быть обманут в сотый раз. Эта цена <совсем> ничтожная и по ходу книжной торговли выго<ды у> книгопродавцев будут тройные, а потому не <от>давать рублем дешевле.

²⁷² Памяти декабристов. Вып. 2. С. 226.

²⁷³ РО ИРЛИ. Ф. 604 (Бестужевы). Ед. хр. 11. Л. 106. Бумага, на которой написано письмо, истлела, поэтому часть текста оказалась утрачена. Пропуски здесь и ниже восстановлены по машинописи полного собрания писем Бестужева, подготовленной Г. В. Прохоровым (ОР РНБ. Ф. 69 (Бестужевы). Ед. хр. 36. Л. 84–85).

Будь я в Петербурге, я уверен, что взял бы втрое против настоящего, но по одежке протягивай ножки.²⁷⁴

Действительно, в № 85 петербургской газеты «Le Furet: Journal de littérature et de théâtres» за 22 октября 1830 г. в рубрике «Echo de la littérature russe» был опубликован краткий, но доброжелательный отзыв о повестях Бестужева:

Nous avons lu dans une suite de Nos du «Fils de la patrie», un conte charmant, intitulé «Les Epreuves», où le caractère d'une jeune *couventine* est tracé avec une perfection non moins rare que le tableau de «La société aux eaux du Caucase en 1824», inséré dernièrement dans le même recueil. – Nous exprimons ici le vœu général, en désirant voir ces deux pièces imprimées séparément. – Nous pensons que les auteurs, MM. Gretsh et Boulgarine, ne se refuseront point à une demande qui ne peut que les flatter.²⁷⁵

При сравнении финансовой стороны двух проектов, «якутского» альманаха и издания повестей, разница очевидна. Уменьшился размер тиража – речь шла о более привычных 1200 экземплярах. Обращает на себя внимание и то, что желание издать повести последовало после благожелательного на них отзыва; естественно, это делало их переиздание чуть менее рискованным, чем в случае с текстами, читательская реакция на которые еще неизвестна.

План, задуманный в декабре 1830 г., тоже не осуществился. Возможно, причиной этого стала возможность опубликовать тексты с большим размахом. В письме к матери от 24 февраля 1832 г. Бестужев поделился радостной вестью: «...прошу Вас поблагодарить г-на Андреева и Николая Ивановича за предложение издать мои повести; я не могу и не желаю найти лучшего издателя»²⁷⁶.

Но эти финансовые надежды себя не оправдали: издание первых пяти частей «Русских повестей и рассказов» потерпело фиаско – причем не по вине Бестужева. Как оказалось, Н. И. Греч и А. М. Андреев небрежно отнеслись к своим обязательствам, не соблюдая интересы автора. Несмотря на то, что

²⁷⁴ РО ИРЛИ. Ф. 604 (Бестужевы). Ед. хр. 11. Л. 106–107.

²⁷⁵ Мы прочли в следующих номерах «Сына отечества» прелестную повесть «Испытание», в которой характер юной воспитанницы монастыря изображен с не менее редким совершенством, чем картина «Общества на Кавказских водах в 1824 году», недавно опубликованного в том же издании. – Мы выразим общее мнение, пожелав увидеть эти две пьесы напечатанными отдельно. Думаем, что авторы, господа Греч и Булгарин, не откажут в просьбе, которая может им только польстить (*фр.*; перевод мой. – А. П.).

²⁷⁶ Бестужев-Марлинский А. А. Кавказские повести. С. 513.

Бестужев оговорил содержание каждой из частей, и изъявил желание опубликовать «Повести и рассказы» под псевдонимом «А. Марлинский»²⁷⁷, по неизвестным причинам издатель не включил треть присланных повестей, а книги вышли без указания имени автора²⁷⁸.

Кроме того, финансовая сторона дела, по всей видимости, практически не зависела от Бестужева. Деньги высылались крайне нерегулярно, а Елена Александровна, став доверенным лицом брата²⁷⁹, не смогла справиться с обязанностями комиссионера. Показательна та часть, кажется, не публиковавшегося письма к Бестужеву Н. И. Греча от 28 января 1833 г., в которой он, помимо всего прочего, пытался объяснить несвоевременную присылку денег, – и по которой понятно, насколько плохо была налажена коммуникация между участниками предприятия:

Деньги выдавал я, по востребованию Ел<ены> Ал<ександровны>; последних 750 не выслал тотчас, потому что здесь разнесся слух о том, что вы убиты в сражении – и не хотел, чтобы деньги пропали, думал сберечь их для ваших. Ардалион Михайлович <Андреев> засвидетельствует вам истину сказанного мною. Теперь решите, как вы полагаете – быть или не быть мне помощником. Получив ответ утвердительный, приму свои меры, и в сем случае убедительно вас прошу дать знать, кому именно отдавать деньги.

От двоякости этой происходили все недоразумения и остановки.

Я должен вам сказать откровенно, что Ард<алион> М<ихайлович> не заслужил того, как с ним поступила Ел<ена> Александровна. Он трудился для вас сколько мог, и успел сделать со Смирдиным очень выгодную сделку. Она приехала и самым оскорбительным для него образом объявила, что он не имеет права вмешиваться в сии дела, ибо доверенность дана на ее имя, не обратила внимания на ваши отзывы в письмах к нему, и расстроила сделку со Смирдиным. Теперь, разумеется, Ард<алион> М<ихайлович> отказался от всякого в сем деле участия. Мне прискорбно было видеть все это, и я напрямик высказал ей свое мнение. Мы с Андреевым усердно трудились в издании вашей книги. Корректуры читал О. М. Сомов, не требуя за сие ни какого возмездия, вместо этого наградили нас недоверчивостью и оскорблением. Жаль и больно!

Но оставим это.

Je me resume <Итак – фр.>: Деньги, по сотрудничеству, выданы по

²⁷⁷ См. то же письмо к матери от 24 февраля 1831 г. (*Бестужев-Марлинский А. А. Кавказские повести*. С. 513).

²⁷⁸ См. письмо к Н. А. Полевому от 9 марта 1833 г. «Не знаю, почему треть моих повестей не напечатана» (Там же. С. 524).

²⁷⁹ См. письмо к сестрам от 30 марта 1830 г.: «По желанию вашему любезнейшая сестрица, прилагаю здесь доверенность для печати моих сочинений» (РО ИРЛИ. Ф. 604 (Бестужевы). Ед. хр. 12. Л. 153).

1е января. Если вам угодно, по прежнему, быть мои сотрудником, то прошу вас назначить кому именно и в какие сроки должен я отдавать деньги. Если есть возможность, освободите меня от сношений с дамами.²⁸⁰

Спустя некоторое время в письме к брату Павлу от 1 июня того же года²⁸¹

Бестужев подвел печальный итог провалившегося предприятия:

Сестра плохо распорядилась и не выручила чистых денег еще 4 тысяч, но всего должно очиститься около 13 т<ыся>ч. – разошлось за выключкой 700²⁸² экз<емпляров> непроданных – 1700 экз. Но издание мне стоило около 14 т<ысяч>, благодар<я> Андреева и Г<реча>. Остаток может дать тысяч до десяти.²⁸³

Кроме того, сохранилось другое письмо Бестужева к брату Павлу (недатированное, но как можно понять по содержанию, отправленное в конце весны – начале лета 1833 г.), в котором прозвучали все те же жалобы на недобросовестных издателей:

Да я и сам в премилых дураках. Издание Греч вкатал мне с лишком в 13 тысяч. Андреев запродавал его на треть и дешевле, чем обещал, и затратил мои деньги, так что заплатя<т> за печать и проч. мне бог весть когда, а очистятся только 10-ть. Наем за 5 тысяч не состоялся и я должен жить на <нрзб> и с долгами кругом.²⁸⁴

Как видно, Бестужев (или его издатели) решили пойти на риск – и «Русские повести и рассказы» вышли двойным тиражом; видимо, именно этим обусловлена достаточно невысокая – 5 рублей за часть – розничная цена издания²⁸⁵ (правда, как можно понять из другого, недатированного письма

²⁸⁰ РО ИРЛИ. Ф. 604 (Бестужевы). Ед. хр. 5. Лл. 69–70.

²⁸¹ В рукописи год не указан, но легко устанавливается по содержанию письма.

²⁸² Вероятно, речь идет о тех экземплярах, о которых Бестужев писал К. Полевому 28 июля 1833 г. (правда, число экземпляров в этом письме указано другое): «Вам странно (и по справедливости) казалось, что мне не высылали денег. Тому было много причин: и неполучение моих писем, и неточность уплаты. Я 600 экземпляров подарил (500 сестрам и 100 издателю); потом сестра моя продала на чистые деньги. Впрочем, теперь я имею деньги, и полученные от вас 300 были уже излишни. Я просил и вновь прошу все, что я должен, уплатить экземплярами. Если нет в наличности, то уведоьте; я велю прислать еще в продажу, или чистые деньги. Мне чрезвычайно совестно, что я чрез других забрался в такие долги, и если бы это случилось не с вами, мне бы это было очень тягостно» (Русское обозрение. 1894. № 10. С. 828).

²⁸³ Отечественные записки. 1860. № 6. С. 311. Хотя в оригинале письма (РО ИРЛИ. Ф. 604 (Бестужевы). Ед. хр. 21. Лл. 28.) фамилия Греча прописана полностью, публикатор письма М. И. Семевский заменил ее на криптоним «Г.».

²⁸⁴ РО ИРЛИ. Ф. 604 (Бестужевы). Ед. хр. 21. Л. 31–31об.

²⁸⁵ См. письмо Бестужева к матери от 24 февраля 1832 г. (Бестужев-Марлинский А. А.

Бестужева к брату Павлу, без ведома автора сниженная Андреевым). Но, очевидно, этот риск себя не оправдал. Нужно сказать, что даже учитывая, насколько из рук вон плохо осуществлялось все предприятие, остается до конца не понятным, почему издание так плохо расходилось. Возможно, свою роль сыграло отсутствие на титуле псевдонима «А. Марлинский», который в 1833 г. уже говорил сам за себя. Кроме того, учитывая плохое, как кажется, ведение бухгалтерии Еленой Александровной, не все факты купли-продажи могли быть зафиксированы, а нерегулярные выплаты еще больше искажали общую картину.

В письме к брату Павлу от 1 июня 1833 г. Бестужев поделился другой новостью: «Но я дал доверенность Полевому на издание остальных <повестей. – А. П.>»²⁸⁶. Новым комиссионером Бестужева стал К. А. Полевой – и в 1834 г. вышли новые три тома «Русских повестей и рассказов». К. А. Полевой был человеком не только опытным (именно на нем по большому счету лежали хлопоты по изданию «Московского телеграфа»), искренне любящим Бестужева и ценящим его писательское дарование – но и человеком в высшей степени ответственным и порядочным, поэтому издание повестей велось с этого момента очень тщательно и аккуратно. Полевой вносил в корректуры все поправки Бестужева, регулярно отчитывался за все действия и своевременно высылал деньги. Но по каким-то причинам Бестужев, чьи проекты начали наконец приносить прибыль, а возвращение в литературу стало поистине триумфальным, по отношению к своему комиссионеру поступил крайне несправедливо: за всю сделанную работу Полевой не получил ни рубля²⁸⁷.

Кавказские повести. С. 513).

²⁸⁶ РО ИРЛИ. Ф. 604 (Бестужевы). Ед. хр. 21. Л. 28.

²⁸⁷ Об этом известно из признания самого К. А. Полевого, высказанного им в предисловии к публикуемым письмам Бестужева: «По милости почты и частых своих переселений, он не получал несколько месяцев моих писем, в то самое время, когда я хлопотал о выручке денег за его сочинения, и в одном письме, минутно, в припадке прилива желчи (как он объяснял потом), он даже выразил мне некоторое сомнение... Можно видеть из следующего за тем письма, как он раскаивался в этом оскорблении меня! Может ли иначе назвать иначе подозрение его тот, кто <...> составил для него капитал в 20000 рублей ассигнациями изданием его сочинений и безвозмездным трудом своим притом <...> Вознаграждением меня за все, что делал я для Бестужева, служило единственно собственное сознание, что я исполнил долг верного друга его, как он называл меня много раз» (Русский вестник. 1861. № 3. С. 288).

По приведенным письмам становится понятно, что Бестужев, вопреки своей оторванности от книжного рынка, не только пытался соотносить свои планы с реальными читательскими запросами, но и был достаточно гибок для того, чтобы отказаться от неудачного проекта или изменить финансовую стратегию. Наверное, мы не пойдем против истины, если скажем, что причиной издательских неудач Бестужева были в большинстве своем обстоятельства, от него совершенно независимые, – например, действия недобросовестных или неумелых комиссионеров, на которых ссыльный писатель практически никак не мог повлиять.

§ 2. Эстетическая позиция Бестужева второй половины 1820-х гг.

Какие тексты должны были входить в «якутский» альманах, не вполне ясно; по большому счету единственное, с чем мы имеем дело, – достаточно общие и пространные суждения, разбросанные по письмам первой половины 1829 г. Но назвать эти суждения совсем не информативными, пожалуй, нельзя: по ним видно, что в течение этого времени несколько менялся общий идейный замысел издания.

Напомним, что 9 марта 1829 г. Бестужев отправил Елене Александровне письмо, уточняя, помимо всего прочего, содержание будущего альманаха, о котором писал в конце февраля. Если первоначально Бестужев, несмотря на свою изолированность, считал нужным подготовить для нового издания «критические взгляды», то спустя буквально две недели решил то ли предварить будущий разбор развернутой теоретической преамбулой, то ли и вовсе отказаться от критического обзора и заменить его на статью, посвященную проблемам эстетики: «Я недавно написал рассуждение о романтизме, которое думаю предпослать к книге»²⁸⁸.

Об этой же статье Бестужев сообщил – гораздо более пространно, но ничего не говоря о проекте альманаха – и в письме к братьям Николаю и

²⁸⁸ Памяти декабристов. Вып. 2. С. 223.

Михаилу, датированном тем же 9 марта:

Иногда я осмеливаюсь писать, но (только) прозой теперь, направляя свое письмо на романтизм и, кажется, нашел на моих усах северо-западный проход, разделяющих два материка, классиков и романтиков. Конечно, я никогда не стану уверять, чтобы я был изобретателем чего-нибудь подобного; но, по крайней мере, я очень доволен, что распутал этот хаос для своей собственной пользы. Прежде я шел ощупью. Мое суждение висело на воздухе, как гроб Магомета, и (по народному преданию) малейшее дыхание, пропитанное чесноком, низвергало его с воздушного местопребывания.²⁸⁹

Нетрудно понять, что речь идет о незаконченной или целиком до нас не дошедшей статье, получившей впоследствии редакторское заглавие «<О романтизме>», один из пассажей которой («Мало-помалу туман, скрывающий границу между классическим и романтическим, рассеивается»²⁹⁰) почти повторяет реплику из процитированного выше письма к братьям.

Несмотря на то, что содержание писем позволяет однозначно отнести время работы над статьей к концу февраля – началу марта 1829 г., в научной литературе, посвященной этому тексту, часто встречается неверная датировка. Так, в 1951 г. С. Я. Штрайх, опубликовавший статью по рукописи, хранящейся в ЦГИА, датировал текст 1826 г.²⁹¹ – и досадная ошибка прочно закрепилась. Несмотря на то, что уже в 1954 г. М. К. Азадовский опроверг эту датировку и, сославшись на упомянутые письма Бестужева к родным, обоснованно указал на 1829 г.²⁹², в некоторых научных работах по-прежнему фигурировал 1826 г.²⁹³ В 1978 г. Л. Г. Фризман, сославшись на Азадовского, повторно указал на 1829 г. как на время написания статьи²⁹⁴. Но и замечание Фризмана оказалось без внимания, в двухтомнике Бестужева 1981 г. в комментарии В. И. Кулешова к статье сказано: «Время написания неизвестно. В архивных материалах есть пометка: 1826 год. На чем она основана и кому принадлежит – неизвестно.

²⁸⁹ Русский вестник. 1870. № 5. С. 252.

²⁹⁰ Литературно-критические работы декабристов. С. 82.

²⁹¹ Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. М., 1951. Т. 1. С. 481–484.

²⁹² См.: Азадовский М. К. Затерянные и утраченные произведения декабристов: Историко-библиографический обзор // Литературное наследство. Т. 59. М., 1954. С. 724.

²⁹³ См.: Пульхритудова Е. М. Литературная теория декабристского романтизма в 30-е годы XIX в. С. 250.

²⁹⁴ Литературно-критические работы декабристов. С. 314.

Возможно, что отрывок был написан значительно позднее, когда Бестужев работал над статьей о романе Полевого» (II, 579)²⁹⁵.

При жизни Бестужева статья опубликована не была и появилась в печати только в 1839 г. на страницах альманаха Н. В. Кукольника «Новогодник»²⁹⁶. Оторванная от времени и контекста, в котором она создавалась, эта статья вызвала у первых читателей лишь недоумение. Весьма однозначно отозвался о ней Белинский в рецензии на альманах, подготовленной для № 4 журнала «Московский наблюдатель»:

В этом небольшом отрывке – истинное вавилонское смешение понятий, мыслей, бессмыслия, бессмыслицы, слов. Тут борьба Лагарпа и Баттё с «Московским телеграфом», прошлого века с двадцатыми годами настоящего; тут перемешаны понятия об искусстве с понятиями о нравственности, парадоксальные суждения о произведениях искусства с азбучными правилами о прилежании и благонравии; анализ и синтез красуются с треугольником истины, блага и красоты; детские мысли борются с претензиями на гениальность в мышлении... Стоило ли все это быть напечатанным?..²⁹⁷

Статья действительно представляет собой несколько сумбурный конспект, составленный из общих мест эстетических концепций конца XVIII – первой четверти XIX в., связанных со спорами о романтизме и классицизме (что, впрочем, и сам Бестужев, утверждавший, что он не был «изобретателем чего-нибудь подобного», признавал).

Теоретические рассуждения Бестужева посвящены критике принципа подражания природе:

Поэзия, объемля всю природу, не подражает ей, но только ее средствами облекает идеалы своего оригинального, творческого духа <...> там, где нет творчества, – нет поэзии, и вот почему науки описательные, точные, и вообще всякое подражание природе и произведениям людей <...> не входят в очаровательный круг прекрасного.²⁹⁸

Этот тезис действительно полемичен по отношению к одному из главных

²⁹⁵ Статья о романе Полевого – «Клятва при гробе господнем. Русская быль XV века». Сочинения Н. Полевого. М., 1832».

²⁹⁶ Новогодник, собрание сочинений в прозе и стихах современных русских писателей. СПб., 1839. С. 337–341. При публикации был выпущен последний абзац, что могло создать иллюзию завершения текста.

²⁹⁷ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1953. Т. 3. С. 148.

²⁹⁸ Литературно-критические работы декабристов. С. 81.

положений эстетики Ш. Баттё, который в труде «Cours de belles-lettres ou Principes de la littérature» («Курс изящной словесности, или Принципы литературы», 1748) назвал подражание природе основополагающим принципом искусства. Это положение стало важнейшим предметом тех эстетических споров, которые, казалось, к концу 1820-х гг. уже были исчерпаны²⁹⁹. Но письма Бестужева показывают, что в период, близкий ко времени замысла альманаха, проблема соотношения классицизма и романтизма сильно занимала его.

В течение 1828 г. Бестужев регулярно делился с близкими разного рода наблюдениями и замечаниями, многие из которых в дальнейшем отразятся в статье «<О романтизме>». Так, в письме к Елене Ивановне Булгариной, отправленном, предположительно, в феврале 1829 г.³⁰⁰, он с сожалением отмечал:

Розовое масло французов еще по сию пору предпочитают дыханию живых роз; еще по сию пору уверяют все, что грек пищит лучше попоросячьи, чем сам поросенок; а время идет вперед гигантскими шагами, и это поколение устареет в ребячестве <...> Теперь уже не время равняться в косу Екатерининских времен, теперь должно пристраиваться плечом к веку³⁰¹.

Очевидно, что ироничные оппозиции «розового масла французов» «живой розе», а «пищания» грека «пищанию» поросенка (ср. в статье «<О романтизме>»: «Подражание мяуканью может быть весьма точно, но какова цель его?»³⁰²) возникли в связи с размышлениями все над тем же классицистическим принципом подражания природе.

Белинский, называя источники тезисов статьи «<О романтизме>», кажется, допустил некоторую неточность, сказав, что Бестужев в споре с

²⁹⁹ О спорах классиков и романтиков в русской критике 1820-х гг. см.: *Замотин И. И.* Романтизм двадцатых годов XIX столетия в русской литературе. Т. 1. С. 74–171.

³⁰⁰ При публикации (*Прохоров Г. В.* А. А. Бестужев в Якутске. С. 202, 206–207) это письмо было ошибочно датировано 10 июня 1828 г. В архиве Бестужевых, находящемся в РО ИРЛИ, действительно хранится письмо к Булгариной от 10 июня 1828 г. (Ф. 604. Ед. хр. 27. Л. 1 – 1об.), но содержание его совершенно иное. Оригинал цитируемого письма к ней пока найти не удалось, но можно предположить, что оно было на отдельном листе прислано вместе с письмами к матери и сестрам и поэтому дата на нем Бестужевым проставлена не была. Предположительная датировка устанавливается по упоминанию стихотворения «Череп» и статьи «<О романтизме>».

³⁰¹ *Прохоров Г. В.* А. А. Бестужев в Якутске. С. 206–207.

³⁰² Литературно-критические работы декабристов. С. 82.

Лагарпом и Баттё идет по следам «Московского телеграфа». Как известно, Н. А. Полевой следовал французской романтической критике, ставящей в качестве основной задачи не построение отвлеченных теорий, а попытку описать историю романтической литературы³⁰³ – и позднее, в 1833 г., именно под таким углом зрения была написана большая статья Бестужева о романе Н. Полевого «Клятва при гробе Господнем» (1832), отдельные положения которой были заимствованы из предисловия к драме «Кромвель» В. Гюго³⁰⁴. В статье же «<О романтизме>» Бестужев дает определение поэзии, поэтическому и идеальному вне исторического развития.

Определить, какие именно философские и эстетические трактаты того времени легли в основу статьи Бестужева, безусловно, достаточно трудно. Споры о классицизме и романтизме с начала 1820-х гг. велись настолько активно, что человек, принадлежащий к литературным кругам просто не мог остаться неосведомленным в этой области. В то же время Бестужев, человек очень увлеченный и увлекающийся, но не отличавшийся ученостью в точном смысле этого слова, вряд ли обращался непосредственно к философским и эстетическим трудам. Письма Бестужева или воспоминания – его и о нем – это подтверждают, и потому, например, трудно согласиться с Г. В. Прохоровым, который утверждал, что в Якутске Бестужев читал труды Шиллера по эстетике³⁰⁵.

Тем не менее можно назвать некоторые тексты, положения которых близки статье «<О романтизме>» и с которыми ее автор был, безусловно, знаком. Так, Бестужев говорит о двух средствах познания истины – опыте и воображении. В основе первого лежит чувственное познание мира, которое в силу своей ограниченности к истине нас только приближает – в отличие от воображения, которое не знает границ. С похожей оппозицией Бестужев мог столкнуться при знакомстве со статьей «О способах исследования природы»

³⁰³ См.: *Замотин И. И.* Романтизм двадцатых годов XIX столетия в русской литературе. Т. 1. С. 237.

³⁰⁴ См. примеч. В. И. Кулешова к статье Бестужева (II, 571).

³⁰⁵ См.: *Прохоров Г. В.* А. А. Бестужев-Марлинский в Якутске. С. 190.

(подпись: л. л.), появившейся в 1824 г. на страницах «Мнемозины»³⁰⁶ – альманаха, ему хорошо известного. Автор этой статьи, смотря на мир сквозь призму философии Платона, противопоставляет познание эмпирическое и умозрительное. Первое через чувственный опыт описывает внешнюю сторону природы, которая предстает перед таким наблюдателем как череда случайностей. Умозрение же, обращенное к идеальному, помогает увидеть в этом беспорядке высшие законы, которые незримо упорядочивают природный хаос и придают ему внутренний смысл:

Аналитически или эмпирически исследующие природу утверждают на опыте; опытность предметом может иметь только то, что подлежит чувствам; чувствам подлежит только внешнее в каждом виде существования (phœnomēnon), а сие есть только случайное, несущественное в природе; сим путем следуя, т. е. путем опытности, можно дойти только до понятия о случайном; но случайным управляет нечто постоянное, это есть идеальное; а идеальное не подлежит опытам <...> для эмпирика природа – груда материи, которую он силится разложить и описать; для умозрителя она есть гиероглиф, начертанный Высочайшею мудростию, которого он силится постигнуть значение.³⁰⁷

Но в отличие от текста Бестужева, в статье «О способах исследования природы» не ставятся проблемы эстетические. Из этого вытекает и другое отличие, как кажется, даже более важное: л. л., апеллируя к законам логики, утверждает, что познание невозможно без взаимодействия опыта и умозрения; Бестужев, проецируя размышления о путях достижения истины на разговор о природе творчества, декларирует преимущество воображения перед чувственным опытом.

Еще Л. Г. Фрирман заметил³⁰⁸, что бестужевское противопоставление «отражательности» и «идеальности» близко к рассуждению Н.-Л.-М. Арто (Nicolas-Louis-Marie Artaud) об «описательном» и «мечтательном» роде поэзии из статьи «Essai littéraire sur le génie poétique au XIX siècle» («Литературное эссе о поэтическом гении в XIX веке» – *фр.*), опубликованной на страницах французского журнала «Revue Encyclopédique»³⁰⁹ и почти сразу же

³⁰⁶ Мнемозина. М., 1824. Ч. 2. С. 1–34.

³⁰⁷ Там же. С. 19, 30.

³⁰⁸ См.: Литературно-критические работы декабристов. С. 349.

³⁰⁹ Revue Encyclopédique. 1825. Т. 25. Р. 601–619.

переведенной Бестужевым под заглавием «О духе поэзии XIX века»³¹⁰.

Сопоставляя перевод Бестужева и его оригинальную статью 1829 г., Фризман говорит, что ко времени работы над ней несколько изменилось отношение писателя к «отражательности»: «Он считает ее законным и по своему нужным видом искусства, хотя и не отводит ей главенствующей роли, которая принадлежит “идеальности”»³¹¹. Это утверждение не совсем точно. Как в переводе из Арто³¹², так и в оригинальной статье Бестужева вполне однозначно критикуется классицистическое подражание природе.

Что же касается соотношения «мечтательного» и «идеального», то, кажется, Арто и Бестужев, говоря примерно об одном и том же, несколько по-разному расставляют акценты. По мнению обоих авторов, ведущую роль для поэта играет воображение. Но Арто считает, что оно помогает художнику выразить страсти и движения души – и тем самым оживить «отраженные» образы. Между тем, с точки зрения Бестужева, воображение служит главным образом для создания иной, совершенной действительности, недоступной чувственному, эмпирическому познанию:

«О духе поэзии XIX века»	«<О романтизме>»
«...способность отражать подобно верному зеркалу, впечатления чувственного мира и видеть в них символы страстей душевных, находить для выражения мыслей и чувств наших обороты самые живые, картины самые прозрачные, – есть воображение; оно цветит и одушевляет все, до чего не коснется, оно дает сущность понятиям самым отвлеченным, чувствованиям самым тонким <...> Что наиболее отличает мечтательную поэзию <...> так это ее личность, то есть выражение личных положений и ощущений автора <...> Его творения есть история его	«...творческое воображение далеко опередило опыт, не имея никаких данных <...> убедилось в беспредельности миров за границею зрения и бессмертия духа, непостижимого чувствам <...> Поэзия <...> создает свой условный мир, свое образцовое человечество, и каждый шаг к собственному усовершенствованию открывает ей новый горизонт идеального совершенства» ³¹⁴ .

³¹⁰ А. Б. О духе поэзии XIX века // Сын Отечества. 1825. № 15. С. 276–288.

³¹¹ Литературно-критические работы декабристов. С. 315; примеч. Л. Г. Фризмана.

³¹² Ср.: «В недавнем еще времени люди <...> вздумали открыть в природе новый клад поэзии. Они схватились за предметы наружные, описали преточно их приметы и вид – и вот появился у нас род поэзии описательный. Что сказать об этом роде поэзии <...>, где сочинитель <...> рассматривает цветок, деревце, птичку только из удовольствия описать их?» (Литературно-критические работы декабристов. С. 297).

³¹⁴ Там же. С. 80, 81.

Кроме того, в статье «<О романтизме>» в пассаже, посвященном противопоставлению классицизма и романтизма, высказана, как кажется, очень важная для Бестужева мысль о соотношении формы и содержания:

Всегда ли же беспредельная мысль может вместиться в известные пределы выражения? Конечно, нет. При это представляются три случая: или выражение превзойдет мысль, и тогда следствием того будет смешная надутость <...> или мысль найдет в себе равносильное выражение, и тогда чем совершеннее будет союз их, тем прекраснее, тем ощутительнее окажется достоинство обеих. Простота и единство суть отличительные качества подобного выражения. Вид этот я назову отражательностью <...> или, наконец, мысль огромностию своею превысит объем выражения <...> Неясность и многосторонность должны быть спутниками такого слияния бесконечного с конечным <...> Назовем его идеальностью, потому что идея или мысль превышает здесь свое выражение.³¹⁵

Если обратиться к языку семиотики, можно сказать, что для Бестужева романтическим является искусство, в котором план содержания оказывается шире плана выражения, – в отличие классицизма, в котором эти планы «равносильны». В переводе из Арто такого тезиса нет.

При сопоставлении этих текстов важно учитывать, что в 1825 г. Бестужев, кажется, искренне разделял взгляды Арто на искусство. Это отразилось, в частности, в полемике Бестужева с Пушкиным по поводу первой главы «Евгения Онегина».

Известно, что к пушкинскому роману Пушкина Бестужев относился без особых симпатий – и его неудовольствие с появлением новых глав только усиливалось. В 1825 г. после выхода первой главы Бестужев вступил с Пушкиным с переписку по поводу этого текста. Сохранившееся письмо от 9 марта 1825 г., судя по реплике «Ты очень искусно отбиваешь возражения насчет предмета...», было не первым, посвященным спору вокруг «Евгения Онегина». В пространном рассуждении Бестужева обращает на себя внимание укор за недостаточную поэтичность романа и его «бессодержательность»:

Нет, Пушкин, никогда не соглашусь, что поэма заключаются в предмете,

³¹³ Там же. С. 294, 298–299

³¹⁵ Там же. С. 80–81.

а не в исполнении! Что свет можно описывать в поэтических формах, это несомненно; но дал ли ты «Онегину» поэтические формы, кроме стихов? Поставил ты его в контраст со светом, чтоб в резком злословии показать его резкие черты? <...> Конечно, многие картины прелестны; но они неполны, ты схватил петербургский свет, но не проник в него. Прочти Байрона <...> У него даже притворное пустословие скрывает в себе замечания философские, а про сатиру и говорить нечего. Я не знаю человека, который лучше его, портретнее его очеркивал характеры, схватывал в них новые проблески страстей и страстишек. И как зла, как свежа его сатира! Не думай, однако ж, что мне не нравится твой «Онегин», напротив. Вся ее мечтательная часть прелестна, но в этой части я не вижу уже «Онегина», а только тебя.

(II, 482–483)

Кроме сетований Бестужева на недостаток сатиры в описании петербургского света (того, что он, видимо, ценил, в «Горе от ума» А. С. Грибоедова³¹⁶), в письме есть и претензии, как кажется, близкие положениям Арто. Так, упреки Бестужева «картины прелестны <...> но неполны» и пример Байрона как писателя, который смог «схватить <...> проблески страстей и страстишек» созвучны пассажу из бестужевского перевода: «Но поэзия не вся в картинах. Больше всего она живет страстями и сильными движениями»³¹⁷.

Следил Бестужев за «Евгением Онегиным» и в ссылке – но мнения своего не изменил: наоборот, его оценки стали еще категоричнее. В письме к братьям Николаю и Михаилу от 25 декабря 1828 г. Бестужев язвил:

Я не мучаю строфами своими даже диких уток, как это делает Пушкин, который, мимоходом сказать, ведет своего “Онегина” чем далее, тем хуже. В 3-х последних главах не найти и полдюжины поэтических строф. Стихи иривы, но обременены пустяками.³¹⁸

Если продолжить сопоставление положений, выдвинутых в письме к Пушкину от 9 марта 1825 г. и в статье «О духе поэзии XIX века», то «Евгений Онегин», уже в первой главе которого Пушкин изобразил петербургский свет, но «не проник в него», должен был для Бестужева воплощать род поэзии, лишь «созерцающий внешнюю природу» – в отличие от поэзии как «отзыва живых

³¹⁶ См. в «Знакомстве с Грибоедовым»: «Я поглотил эти отрывки <из комедии>; я трижды перечитал их. Вольность русского разговорного языка, пронзительное остроумие, оригинальность характеров и это *благородное негодование ко всему низкому, эта гордая смелость Чацкого* проникли в меня до глубины души» (Воспоминания Бестужевых. С. 526–527; курсив мой – А. П.).

³¹⁷ Литературно-критические работы декабристов. С. 294.

³¹⁸ Русский вестник. 1870. № 5. С. 249.

ощущений, требующих разлиться вне»³¹⁹. В претензиях Бестужева к роману в стихах очевидно выражен тот пункт, в котором писатели принципиально разошлись. В пушкинском романе ведется игра с привычными литературными конвенциями и продемонстрирована свобода от них – но Бестужев увидел в этом, кажется, отказ от создания идеального поэтического мира и возвращение к подражанию действительности.

В 1829 г. размышления Бестужева о проблеме подражания могли быть связаны и с увлечением немецкой словесностью, в первую очередь – произведениями И. В. Гете.

В работах, посвященных русской рецепции творчества Гете и немецкой философской эстетики, обычно подчеркивается неприятие этой традиции писателями декабристского круга. Так, в монографии В. М. Жирмунского «Гете в русской литературе» раздел, посвященный поэтам декабристского круга, открывается категоричным утверждением: «Равнодушие поэтов-декабристов к Гете подчеркивается молчанием о нем обширной мемуарной литературы <...> а также полным отсутствием отголосков немецкой музыки у таких поэтов, как К. Рылеев, А. Бестужев, А. Одоевский»³²⁰. Говоря о Бестужеве – читателе текстов Гете, исследователь ограничивается упоминанием нескольких переводов-стилизаций и подчеркивает отрицательное отношение Бестужева к «Фаусту»³²¹. Но по его письмам периода якутской ссылки становится очевидным явный интерес к произведениям Гете; более того – Бестужев не только читал тексты немецкого классика, но, кажется, пытался их творчески переосмыслить³²².

Хотя в воспоминаниях Бестужева ретроспективно описаны горячие споры первой половины 1820-х гг. о достоинствах поэзии Байрона и Гете³²³, до

³¹⁹ Литературно-критические работы декабристов. С. 295.

³²⁰ Жирмунский В. М. Гете в русской литературе. Л., 1981. С. 117.

³²¹ См.: Там же. С. 117–118.

³²² Е. М. Пульхритудова отмечала, что в ссылке «...А. Бестужев воспринял диалектические идеи немецких философов прежде всего в их литературном преломлении. В тюрьме и на поселении он увлекается творчеством Гёте и Шиллера, к которым до 1825 года относился весьма прохладно» (Пульхритудова Е. М. Литературная теория декабристского романтизма в 30-е годы XIX века. С. 248). Однако тезис о связи художественных текстов Гете и эстетических воззрений Бестужева не был развит исследовательницей.

³²³ См.: Бестужев А. Знакомство с Грибоедовым // Воспоминания Бестужевых. С. 524–

1828 г. он, кажется, с немецкой словесностью был знаком скорее понаслышке.

Несмотря на явные способности к изучению языков³²⁴, немецкий давался Бестужеву с большим трудом³²⁵. Но начале 1828 г. он адресовал матери следующую просьбу:

На счет умственного, столь же необходимого моему одиночеству, как воздух моему существованию, на первый случай, много меня одолжите, доставив лексикон немецкий (ручной) <...> Из книг – какие-нибудь творения Шиллера (кроме 30-летней войны, которая со мною) и Гетева «Фауста».³²⁶

Просьба была выполнена – и в течение 1828 г. Бестужев, погруженный в чтение, регулярно делился со своими родными разного рода наблюдениями и замечаниями. Например, в письме к матери и сестрам от 10 декабря он оставил пространный комментарий, посвященный впечатлению от знакомства с немецкой словесностью:

Что до меня, я поправился <...> сижу безвылазно дома и с утра до позднего вечера читаю Шиллера и Гете. С первым чувствую, с другим мышлю. Я до сих пор не знал основательно немецкого языка, чтобы понимать высокий слог; и теперь мне открылось в нем новое наслаждение, новый мир душе. Я давно собирался впитаться в германскую словесность, но вихор света и потом обстоятельств несли меня вперед и вперед. Теперь есть досуг и расположение, и я пользуюсь обоими: читаю медленно, чувствую глубоко; и фантастические создания двух великих поэтов составляют теперь весь быт мой, оне мои друзья и знакомые, оне мой род и племя, мое ремесло, мое богатство. Шиллер хорошо знал сердце человека, Гете обнажил ум его. <...> «Фауст» Гете приносит много чести уму и мало утешения душе человеческой; это ужасная картина необузданной гордости воображения и адского пирронизма³²⁷.

Об очевидном интересе к «Фаусту» свидетельствует и высказанное в том же письме желание перевести отдельные фрагменты из поэмы, «собственно до поэзии касающиеся»³²⁸. Если переводы из поэмы и были осуществлены, то до

525.

³²⁴ В первой половине 1820-х гг. он был так увлечен творчеством Байрона и Вальтера Скотта, что за полтора месяца смог настолько овладеть английским языком, чтобы читать любимые произведения в подлиннике (см. памятную книжку Бестужева 1824 г.: Памяти декабристов. Вып. 1. С. 60–65).

³²⁵ См.: *Бестужев М. А. Детство и юность А. А. Бестужева (Марлинского) // Воспоминания Бестужевых. С. 212.*

³²⁶ Памяти декабристов. Вып. 2. С. 193.

³²⁷ Там же. С. 214–215.

³²⁸ Там же. С. 215.

нас они не дошли. Но думается, говоря о фрагментах, «до поэзии касающихся», Бестужев прежде всего имел в виду «Пролог в театре».

Пролог представляет собой разговор Директора с Поэтом и Комиком и посвящен обсуждению роли искусства. Поэт, приняв узнаваемую позу романтического творца, не скрывает презрения к толпе («O sprich mir nicht von jener bunten Menge, / Bei deren Anblick uns der Geist entflieht³²⁹) и говорит о поэзии как о высоком даре, гармонизирующем мир и наделяющем его смыслом. Для Комика и Директора главная цель искусства, напротив, – угождать самым разнообразным запросам публики (на счет которой у них нет никаких иллюзий), а главное, – веселить ее и развлекать:

Direktor

<...>

Bedenkt, Ihr habet weiches Holz zu spalten,
Und seht nur hin, für wen Ihr schreibt!
Wenn diesen Langeweile treibt,
Kommt jener satt vom übertischten Mahle,
Und, was das Allerschlimmste bleibt,
Gar mancher kommt vom Lesen der Journale.
Man eilt zerstreut zu uns, wie zu den Maskenfesten,
Und Neugier nur beflügelt jeden Schritt;
Die Damen geben sich und ihren Putz zum besten
Und spielen ohne Gage mit.
Was träumet Ihr auf Eurer Dichterhöhe?
Was macht ein volles Haus Euch froh?
Beseht die Gönner in der Nähe!
Halb sind sie kalt, halb sind sie roh.
Der, nach dem Schauspiel, hofft ein Kartenspiel,
Der eine wilde Nacht an einer Dirne Busen.
Was plagt ihr armen Toren viel,
Zu solchem Zweck, die holden Musen?
Ich sag` Euch, gebt nur mehr und immer, immer mehr,
So könnt Ihr Euch vom Ziele nie verirren.
Sucht nur die Menschen zu verwirren,
Sie zu befriedigen, ist schwer –
Was fällt Euch an? Entzückung oder Schmerzen?

Dichter

Geh hin und such dir einen andern Knecht!
Der Dichter sollte wohl das höchste Recht,
Das Menschenrecht, das ihm Natur vergönnt,

³²⁹ Goethe. Faust // Goethes Werke. München, 1981. Bd 3. S. 10. Перевод Н. А. Холодковского: «Не говори мне о толпе безумной, – / Она в нас мысли лучшие гнетет» (Гете И. В. Собр. соч.: В 13 т. М., 1947. Т. 5. С. 50).

Um deinetwillen freventlich verscherzen!
Wodurch bewegt er alle Herzen?
Wodurch besiegt er jedes Element?
Ist es der Einklang nicht, der aus dem Busen dringt,
Und in sein Herz die Welt zurücke schlingt?
Wenn die Natur des Fadens ew'ge Länge,
Gleichgültig drehend, auf die Spindel zwingt,
Wenn aller Wesen unharmon'sche Menge
Verdrießlich durcheinander klingt –
Wer teilt die fließend immer gleiche Reihe
Belebend ab, daß sie sich rhythmisch regt?
Wer ruft das Einzelne zur allgemeinen Weihe,
Wo es in herrlichen Akkorden schlägt?
Wer läßt den Sturm zu Leidenschaften wüten?
Das Abendrot im ernsten Sinne glüht?
Wer schüttet alle schönen Frühlingsblüten
Auf der Geliebten Pfade hin?
Wer flicht die unbedeutend grünen Blätter
Zum Ehrenkranz Verdiensten jeder Art?
Wer sichert den Olymp? vereinet Götter?
Des Menschen Kraft, im Dichter offenbart.

Lustige Person

So braucht sie denn, die schönen Kräfte
Und treibt die dichtrischen Geschäfte
Wie man ein Liebesabenteuer treibt.³³⁰

³³⁰Goethe. Faust. S. 12–13. Перевод Н. А. Холодковского:

Директор

<...>

Кто ваша публика, позвольте вас спросить?
Один приходит к нам, чтоб скуку утолить,
Другой, набив живот потуже,
Спешит сюда переварить обед,
А третий – что для нас всего, пожалуй, хуже –
Приходит нас судить по толкам из газет.
Для них одно – театр, балы и маскарады:
Лишь любопытством весь народ гоним;
А дамы – те идут показывать наряды:
Чтоб роль играть, не нужно платы им.
О чём вы грезите? Спуститесь-ка пониже!
Вам хорошо смотреть с надзвёздной вышины!
Нет, вы взгляните-ка поближе!
Те грубы, эти холодны!
Тот хочет пьянствовать недели,
А тот в игорный дом идёт...
Смешно, когда поэт зовёт
Великих муз к ничтожной цели!
Прошу вас об одном: побольше сочинить,
Как можно более – вот в чём моё стремленье!
Запутайте толпу, введите в заблужденье;

С «Прологом в театре» Бестужев был хорошо знаком и до ссылки. Несколько вольный перевод этой сцены, сделанный А. С. Грибоедовым, опубликован в «Полярной звезде» на 1825 г.³³¹. А во «Взгляде на русскую словесность в течение 1824 и начале 1825 годов» Бестужев, посвящая несколько строк «Разговору книгопродавца с поэтом» Пушкина, назвал это стихотворение, предварявшее первую главу «Онегина», «счастливым подражанием Гете» (II, 407)³³².

Иначе – верьте мне – ей трудно угодить.
Что с вами? Или вас коснулось вдохновенье?

П о э т

Иди других ищи себе рабов:
Мне высшие права природа уделила.
Предам ли на позор высокий дар богов?
Продажна ли певца святая сила?
Чем трогает сердца восторженный поэт?
Какая сила в нём стихиями владеет?
Не та ль гармония, что в сердце он лелеет,
Которою, творя, объемлет он весь свет?
Когда природа-мать движеньем равнодушным
Нить вечную влечёт веретеном послушным,
Когда всё сущее, сменяясь каждый час,
В нестройный, резкий хор сливается вокруг нас, -
Кто звуки мерные в порядке размещает,
Чьей речи верный ритм живителен и твёрд?
Кто единичное искусно обобщает,
Объединяя всё в торжественный аккорд?
Кто бурю выразит в борьбе страстей кипучей,
В теченье строгих дум – зари вечерней свет?
Весны роскошный, лучший цвет
К ногам возлюбленной бросает кто, могучий?
Кто цену придаёт незначущим листам,
В прославленный венок вплетая листья эти?
Кто стережёт Олимп, кто друг и связь богам?
Мощь человечества, живущая в поэте!

К о м и к

И долг ваш – эту мощь на деле применить!
Итак, ловите же минуты вдохновенья,
Как ловит ловелас предлог для похождения!
(Гете. Собр. соч. Т. 5. С. 51–53)

³³¹ Полярная звезда на 1825 г. С. 306–312.

³³² О связи стихотворения Пушкина и «Пролога в театре» см., например: *Жирмунский В. М. Гете в русской литературе*. С. 112; *Потанова Г. Е. Литературный образец и «литературный*

Казалось бы, Бестужев, чья позиция издателя была описана в предыдущей главе, должен был с известной долей сочувствия отнестись ко взглядам Директора и Комика. Но письма якутского периода говорят об обратном. Изображенная Гете полемика между творцом и дельцом резонирует с сетованиями Бестужева на недостаток вкуса у современной публики, которыми он поделился с Еленой Булгариной в феврале 1829 г. (отметим, что эти рассуждения появляются в письме, посвященном стихотворению самого Бестужева «Череп», которое он, в отличие от большинства других своих стихотворений, ценил достаточно высоко – и которое, как будет показано, во многом стало своеобразным поэтическим манифестом писателя):

Что же до посылаемых здесь стихов, то они довольно звучны, но «Череп», я думаю, найдет немногих читателей: этот род размышлений требует и в самом чтении особое расположение к глубокомыслию и особенное просвещение, ибо отвлеченные предметы ловятся не ушами, а душою. К тому же надобен и прирученный к романтизму вкус, которого вовсе не замечаю я у русских...³³³

Мысли, изложенные в статье «<О романтизме>», перекликаются с еще одним текстом Гете, переведенным С. П. Шевыревым. Речь идет о «Разговоре об истине и правдоподобию в искусстве» («Ueber Wahrheit und Wahrscheinlichkeit der Kunstwerke»), опубликованном в № 8 «Московского вестника» за 1827 г. Напомним, что статья представляет собой беседу между Зрителем и Адвокатом, которые пытаются определить, в чем же состоит главная ценность искусства и насколько она связана с верным отражением действительности. На примере оперы, очевидно лишенной любых претензий на правдоподобие, но вместе с тем бесконечно притягательной, собеседники совместными усилиями приходят к главному закону истинного искусства – созданию собственной поэтической реальности, не подражающей природе:

Адвокат

Мы прежде сказали, что в опере нет истины, и все, что она ни представляет, чуждо всякого вероятия; но можем ли мы опровергнуть в ней ту внутреннюю истину, которая нераздельна с сущностью, с

быт» в «Разговоре книгопродавца с поэтом» А. С. Пушкина // Концепция и смысл: Сб. статей в честь 60-летия профессора В. М. Марковича. СПб., 1996. С. 48–64.

³³³ Памяти декабристов. Вып. 2. С. 206.

цельностью всякого произведения искусства?

Зритель

Конечно, прекрасная опера заключает в себе свой малый мир, где все совершается по особым законам, по которым и должно судить обо всех явлениях этого особого мира с особыми свойствами.

Адвокат

Не прямо ли следует отсюда, что истина в искусстве и истина в природе совершенно различны, что художник совсем не должен списывать своих произведений с произведений природы? <...> один только необразованный зритель думает видеть в произведении искусства произведение природы...³³⁴

Мог ли Бестужев знать этот перевод и был ли он вообще знаком с материалами, публикуемыми на страницах «Московского вестника»? Из писем к родным 1827–1829 гг. не очень ясно, получал ли он номера этого журнала, но одно косвенное подтверждение знакомства с ним существует – эпиграмма Бестужева «Клим зернами идей стихи свои назвал...», содержащая явную отсылку к стихотворению Шевырева «Мысль» («Падет в наш ум чуть видное зерно...»), опубликованному в 1828 г. в «Московском вестнике»³³⁵. Правда, этот текст Бестужев мог знать и по газетной публикации: 15 мая 1828 г. в № 58 «Северной пчелы» появилось «Письмо к издателям», в котором некий Б. Зернов-Раменин (вероятно, сам Ф. В. Булгарин) буквально камня на камне не оставил от стихотворения Шевырева. Каких-то лексических или тематических совпадений между этой рецензией и эпиграммой Бестужева нет, но важно, что текст стихотворения был приведен в рецензии полностью. Примечательно, что эпиграмма «Клим зернами идей стихи свои назвал...» впервые опубликована за подписью «А. Б.» в «Сыне отечества»³³⁶, издававшемся Булгариным и Гречем. Существенно и то, что Бестужев явно плохо представлял себе, кто такой Шевырев. В письме к Н. А. Полевому предположительно от 2 ноября 1833 г. он

³³⁴ Московский вестник. 1827. № 8. С. 341–342.

³³⁵ Там же. 1828. № 8. С. 357–358. Связь этих стихотворений была отмечена в примеч. Н. В. Мордовченко – см.: *Бестужев-Марлинский А. А.* Полн. собр. стихотворений. С. 285.

³³⁶ Сын отечества. 1831. № 24. С. 246.

спрашивал: «Кто такой Брамбеус? Не Шевырев ли?»³³⁷.

Итак, знакомство Бестужева с эстетическими работами Гете не находит прочного подтверждения, но «Фауста» он читал внимательно, размышлял над ним – и эти размышления отразились в его оригинальном творчестве. Как будет показано ниже, в 1828–1829 гг. Бестужев, работая над собственными поэтическими текстами, нарочито не выходил из сферы «идеального» – и будто бы вслед за Гете последовательно творил автономный поэтический мир.

В литературе уже говорилось о стихотворении Бестужева «Череп» как об ответе на одноименный текст Баратынского³³⁸, впервые опубликованный в «Северных цветах» на 1825 г. – и, как известно, разочаровавший Бестужева, хотя во «Взгляде на русскую словесность в течение 1824 и начале 1825 годов» он привычно ограничился похвалой («Из стихотворений прелестны наиболее Пушкина дума «Олег» и «Демон», «Русские песни» Дельвига и «Череп» Баратынского» (II, 410)). В письме к Пушкину от 25 марта 1825 г. Бестужев отметил, что автор «Черепа» «вконец исфранцузился» и назвал финал стихотворения «мишурой» (II, 483). Неприемлемым для Бестужева стал демонстративный и принципиальный отказ Баратынского от попыток даже мысленно пересечь границу чувственного мира и вкушать «всезнания»³³⁹. В этом он оказался близок французским скептицистам, в чем, видимо, и состояло его «исфранцузивание». Высказывалось мнение, что реакция Бестужева на «Череп» могла быть вызвана личной обидой: в 1824 г. Баратынский без всяких объяснений увез тетрадь со стихами, предназначавшимися для публикации поэтического сборника, которое должны были подготовить издатели «Полярной звезды»³⁴⁰. Но думается, причина носила более принципиальный характер.

³³⁷ Русское обозрение. 1894. № 10. С. 831.

³³⁸ См., например: Мордовченко Н. И. А. А. Бестужев-Марлинский // Бестужев-Марлинский А. А. Полн. собр. стихотворений. С. 30–31.

³³⁹ См. об этом: Семенко И. М. Поэты пушкинской поры. М., 1970. С. 246.

³⁴⁰ Это предположение было высказано в докладе А. И. Мартыненко «Первый поэтический сборник Е. А. Баратынского как несостоявшийся издательский проект А. А. Бестужева и К. Ф. Рылеева», прочитанном на Международной конференции молодых филологов в Тартуском университете (22–24 апреля 2016 г.). Текст доклада, к сожалению, не опубликован.

Если посмотреть на «Череп» самого Бестужева под углом зрения, заданным статьей «<О романтизме>», очевидной станет поэтическая полемика.

Давно отмечено, что лирический герой Бестужева становится тем самым «изыскателем», который не удовлетворяется финальной сентенцией Баратынского: «Пусть радости живущим жизнь дарит, / А смерть сама их умереть научит!»³⁴¹. Однако суть спора этим не исчерпывается.

Полемично выглядит уже выбор источников. Как отмечали и современники Баратынского, и позднее – исследователи творчества поэта, его «Череп» отсылает к английской традиции (правда, воспринятой через французские переводы): к «Надписи на кубке из черепа» и «Паломничеству Чайд-Гарольда» Байрона, к «Гамлету» Шекспира и к текстам юнговой поэтической школы³⁴². Что же касается Бестужева, то его стихотворение, как легко понять по эпиграфу, стало своеобразной вариацией на тему, заданную фрагментом из «Фауста» Гете. Речь идет о монологе главного героя из сцены «Ночь», в котором он обращается к черепу, страдая от невозможности приподнять таинственный покров природы и (в отличие от героя Баратынского) оказывается не в состоянии с этим смириться. Думается, этот вариант сюжета оказался близок Бестужеву, в частности, и потому, что Фауст в своем монологе прямо заявляет об ограниченности эмпирического опыта (эти строки следуют сразу за приведенными в эпиграфе):

Ihr Instrumente freilich spottet mein
Mit Rad und Kämmen, Walz` und Bügel:
Ich stand am Tor, ihr solltet Schlüssel sein;
Zwar euer Bart ist kraus, doch hebt ihr nicht die Riegel.
Geheimnisvoll am lichten Tag
Läßt sich Natur des Schleiers nicht berauben,
Und was sie deinem Geist nicht offenbaren mag,
Das zwingst du ihr nicht ab mit Hebeln und mit Schrauben.
Du alt Geräte, das ich nicht gebraucht,
Du stehst nur hier, weil dich mein Vater brauchte.
Du alte Rolle, du wirst angeraucht,

³⁴¹ Боратынский Е. А. Полн. собр. соч. и писем. М., 2002. Т. 2, ч. 1. С. 100; см.: Виноградов В. В. Стиль Пушкина. М., 1941. С. 421.

³⁴² См.: Манежина Д. К интерпретации стихотворение Е. Баратынского «Череп» // Летняя школа по русской литературе. СПб., 2015. Т. 11, № 1. С. 52–62.

Solang` an diesem Pult die trübe Lampe schmauchte.³⁴³

Но совсем другой мир предстает перед мысленным взором Фауста – мир,
доступный тому, кому хватит смелости разбить земные оковы:

Ins hohe Meer werd` ich hinausgewiesen,
Die Spiegelflut erglänzt zu meinen Füßen,
Zu neuen Ufern lockt ein neuer Tag.

Ein Feuerwagen schwebt auf leichten Schwingen
An mich heran! Ich fühle mich bereit,
Auf neuer Bahn den Äther zu durchdringen,
Zu neuen Sphären reiner Tätigkeit.
Dies hohe Leben, diese Götterwonne,
Du, erst noch Wurm, und die verdienst du?
Ja, kehre nur der holden Erdensonne
Entschlossen deinen Rücken zu!
Vermesse dich, die Pforten aufzureißen,
Vor denen jeder gern vorüberschleicht.
Hier ist es Zeit, durch Taten zu beweisen,
Daß Manneswürde nicht der Götterhöhe weicht,
Vor jener dunkeln Höhle nicht zu beben,
In der sich Phantasie zu eigener Qual verdammt,
Nach jenem Durchgang hinzustreben,
Um dessen engen Mund die ganze Hölle flammt;
Zu diesem Schritt sich heiter zu entschließen,
Und wär` es mit Gefahr, ins Nichts dahinzufließen.³⁴⁴

³⁴³ *Goethe. Faust. S. 28. Перевод Н. А. Холодковского:*

Винты и рычаги, машины и колеса.
Пред дверью я стоял, за ключ надёжный свой
Считал вас... Ключ хитер, но всё же двери той
Не отопрёт замка, не разрешит вопроса!
При свете дня покрыта тайна мглой,
Природа свои покров не снимет перед нами,
Увы, чего не мог постигнуть ты душой
Не объяснить тебе винтом и рычагами!
Вот старый инструмент, не нужный мне торчит:
Когда-то с ним отец мой много повозился;
Вот этот свёрток здесь давным-давно лежит
И весь от лампы копотью покрылся.

(*Гете И. В. Собр. соч. Т. 5. С. 72*)

³⁴⁴ *Goethe. Faust. S. 29–30. Перевод Н. А. Холодковского:*

Готов я в дальний путь! Вот океан кристальный
Блестит у ног моих поверхностью зеркальной,
И светит новый день в безвестной стороне!
Вот колесница в пламени сиянья
Ко мне слетает! Предо мной эфир
И новый путь в пространствах мироздания.
Туда готов лететь я – в новый мир.
О наслажденье жизнью неземною!

Противопоставление бессильной эмпирики и мысли, устремленной за пределы жизненного круга, несомненно близко к оппозиции опыта и воображения в статье Бестужева «<О романтизме>». Как мы помним, опыт и воображение соответствуют, по Бестужеву, двум разным системам координат – «классицистической» и «романтической», или, в иных его терминах, «отражательности» и «идеальности».

Полемический ответ Бестужева Баратынскому выстроен с учетом этого круга идей. Несмотря на всю поэтическую условность художественного мира стихотворения Баратынского, этот мир не лишен «вещественной», «материальной» составляющей. Очевидно, что лирический герой стоит на краю разрытой могилы; вместе с ним мы видим на пожелтевшем черепе пыль и остатки человеческих волос. Согласно взглядам, изложенным в статье «<О романтизме>», все это можно назвать «подражанием природе».

В мире стихотворения Бестужева эмпирическому, «непоэтическому» не остается места. Изображенное пространство выглядит абстрактным, существующим вне зримых и понятных координат. Череп же словно лишается своей «неидеальной» составляющей, он становится «храмом запустения», «разбитой урной», превращается в «след / По океану правды зыбкой». Как понятно из цитированного письма к Елене Булгариной, такая «отвлеченность» описания была сознательным ходом поэта. Мысленный взор лирического героя Бестужева, в отличие от героя Баратынского, оказывается

Ты стоишь ли его, ты, жалкий червь земли?
Да, решено: оборотись спиною
К земному солнцу, что блестит вдали,
И грозные врата, которых избегает
Со страхом смертный, смело нам открой
И докажи, пожертвовав собой,
Что человек богам не уступает.
Пусть перед тем порогом роковым
Фантазия в испуге замирает;
Пусть целый ад с огнем своим
Вокруг него сверкает и зияет, –
Мужайся, соверши с весельем смелый шаг,
Хотя б грозил тебе уничтоженья мрак!

(Гете И. В. Собр. соч. Т. 5. С. 73)

как будто бы целиком обращен к умозрительному, в принципе не поддающемуся чувственному описанию, – и в финале стихотворения мы словно видим возможность выхода мысли в область воображаемого и идеального: «Но мысль, как вдохновенный сон / Летает над своей покинутой отчизной»³⁴⁵.

Менее очевидной кажется разница между двумя другими одноименными текстами двух поэтов – «Финляндией» Баратынского³⁴⁶ и «Финляндией» Бестужева (1829). Лирический герой стихотворения Баратынского, обращаясь то к прошлому, то к будущему, выводит главный закон бытия – «закон уничиженья», поэтому тем единственным, что оказывается по-настоящему ценным и что принадлежит лирическому герою до конца, – настоящее мгновение, жизнь здесь и сейчас.

Полемично по отношению к «Финляндии» Баратынского звучит финал стихотворения Бестужева. Описывая пейзаж, он будто бы на практике подтверждает собственный тезис о соотношении формы и содержания в романтической поэзии. Глядя на молнии, океан и скалы, лирический герой способен увидеть в них не только «материальную» составляющую, но и недоступные чувственному восприятию отсветы, отголоски идеального – поэтому окружающий его мир северной природы становится проводником к всезнанию:

Вам жаркие и влажные перуны
Нарезали чуть видимые руны.

Я понял их: на западе сияло
Светило дня, златя ступени скал,
И океан, как вечности зеркало,
Его огнем живительным пылал,
И древних гор заветные скрижали
Мне дивные пророчества роптали!³⁴⁷

Таким образом, лирический герой стихотворения Бестужева, «эмпирик» и «умозритель» одновременно, описывает мир словно по тому же алгоритму,

³⁴⁵ Бестужев-Марлинский А. А. Полн. собр. стихотворений. С. 146.

³⁴⁶ Ранняя редакция впервые опубликована: Соревнователь. 1820. № 5. С. 168–170; вторая редакция впервые опубликована: Стихотворения Евгения Баратынского. М., 1827. С. 9–12.

³⁴⁷ Бестужев-Марлинский А. А. Полн. собр. стихотворений. С. 157; курсив мой – А. П.

который был задан в статье «О способах исследования природы» – он совершает движение от «груды материи» к таинственному «гиероглифу, начертанному Высочайшею мудростию». Правда, прикоснувшись к этой мудрости, он не обращается вновь к земному материальному миру.

Темы «Фауста» оставались важными для Бестужева и в 1830-е гг. Уезжая из Якутска, он отослал в Петербург достаточно большое количество книг – но Гете забрал с собой на Кавказ³⁴⁸. Обосновавшись в 1830 г. в Дербенте, 24 декабря Бестужев написал матери и сестрам, что просит прислать историческую драму Гете «Гец фон Берлихинген» и роман Фридриха Клингера «Фауст»³⁴⁹.

Имя Гете, стоящее в одном ряду с Гомером, Мильтоном, Шекспиром или Байроном, упоминался и в художественных текстах Бестужева 1830-х гг.: в отрывках «Выстрел»³⁵⁰ и «Журнал Вадимова»³⁵¹ – главах незавершенного романа «Вадимов». Но более подробно хотелось бы остановиться на отсылке к «Фаусту» в повести «Он был убит» (1834–1835), в текст которой Бестужев включил двустихие «Отдай мой рай, отдай мой ад, / Отдай мне молодость назад!».

Как определила Ф. З. Канунова, Бестужев процитировал строки перевода отрывка «Пролога в театре», подготовленного А. А. Шишковым и опубликованного в «Одесском альманахе» на 1831 г.³⁵². Этими строками завершался элегический монолог Поэта о безвозвратно ушедшей счастливой молодости:

Отдай же мне золотые годы,
Когда я сам в грядущем жил;

³⁴⁸ См. список отосланных книг в письме к матери от 3 июня 1829 г (Памяти декабристов. Вып. 2. С. 226). См. также письмо к Н. А. Полевому от 23 апреля 1831 г.: «Теперь со мной несколько томов Гете, Шиллера, Байрона, отрывки из литературы английской, Мур и несколько книг натуральной истории» (Бестужев-Марлинский А. А. Кавказские повести. С. 498).

³⁴⁹ См.: Там же. С. 491.

³⁵⁰ «...высекайте из мрамора Лаокоона или двух борцов, создавайте Отелло, Гяура, Фауста...» (Там же. С. 333).

³⁵¹ «Гомер, Данте, Мильтон, Шекспир, Байрон, Гете, – яркое созвездие, венчающее человечество, великаны, которым не верит свет!» (Там же. С. 339).

³⁵² Там же. С. 651.

Когда, беспечный сын природы,
Я сладость песней полюбил;
Когда оне, из полной груди
Лились кипящею струей,
Когда туманом мир и люди
Сокрыты были предо мной;
Когда веселою рукою
Срывал душистые цветы,
И был доволен я собою,
И был богат средь нищеты –
Влеченьем к истине высокой,
Мечтами дивными богат!
Отдай же мне, отдай назад
Мое мучительное счастье,
И силу злости и любви,
И прежний жар моей крови,
И прежний пламень сладострастья –
Отдай мой рай, отдай мой ад,
Отдай мне молодость назад!³⁵³

Строки из «Пролога» Бестужев привел во второй части повести «Он был убит», представляющей собой дневник поэта, погибшего в сражении. Именно вторую часть этого текста Бестужев ценил очень высоко. Отсылая 5 декабря 1835 г. К. А. Полевому отрывок для публикации в «Московском телеграфе», Бестужев отметил в своем письме: «Теперь посылаю еще отрывки из журнала убитого, и если вы не будете плакать, их читая, – или вы, или я без сердца!»³⁵⁴. А 9 февраля 1836 г. он писал сестре Елене: «Знатоки единогласно говорят, что “Он был убит” лучшее мое произведение, а продолжение его, по моему мнению, лучше первой половины»³⁵⁵.

Стихи «Отдай мой рай...» завершают «Второй отрывок» из дневника убитого офицера, в котором воспоминания о возлюбленной чередуются с суждениями героя о «Божественной комедии» Данте – в контексте этих размышлений автор дневника и припоминает стихи из Гете:

Кстати об аде: научите меня, почему география человеческих предрассудков заключила его в сердце земли? О самолюбие, самолюбие, где ты не повторяешь себя? В чем не находишь своего микрокосма и тождества? Однако же и рай в сердце человека, а он ищет его над головою.

³⁵³ Шишков А. Из Гётева «Фауста» // Одесский альманах на 1831 г. С. 318–319.

³⁵⁴ Русский вестник. 1861. № 4. С. 476.

³⁵⁵ Бестужев-Марлинский А. А. Кавказские повести. С. 648.

...Отдай мой рай, отдай мой ад,
Отдай мне молодость назад!³⁵⁶

Включение цитаты из «Пролога в театре» в этот отрывок как будто мотивировано желанием автора подчеркнуть элегическую тоску героя по безвозвратно ушедшему прошлому. В сходной «элегической» ситуации Бестужев ранее приводил эти же строки в письме к Н. Полевому от 16 декабря 1831 г.:

Ветреность моя была домино для светского карнавала, в котором вертелся я для биржевых сделок. Свет забавлял меня очень редко, но не пленял никогда. В кругу своих я был собою, но вполне разоблаченную душу видел только один³⁵⁷, и этот один уже в лоне Бога. Ребенком бываю порой и до сих пор... и как бы желал быть им чаще, быть им более...с игрушками веет мне невинность ребячества... Кратки, кратки мне эти минуты. Ах, я слишком хорошо знаю людей, чтобы долго обманываться. «Отдай мой рай, отдай мой ад, Отдай мне молодость назад!» – восклицаю я с Гете³⁵⁸.

На первый взгляд кажется, что строки из Гете, перенесенные в письмо или в повесть, потеряли связь с «Прологом в театре». Но в последнем случае эта связь сохраняется. Как уже было сказано, строки из «Пролога» помещены во втором отрывке из дневника погибшего. Первый же отрывок – это развернутая исповедь поэта, который свою недолгую жизнь повел в борьбе между желанием поведать миру «историю сердца» и необходимостью писать для света, для невежды и «чесоточного журналиста»³⁵⁹ – а именно этот конфликт и лежит в основе «Пролога в театре». Показательно, что в этой части приведена не вполне точная цитата из пушкинского «Разговора Книгопродавца с Поэтом» («Что слава? Яркая заплатка / На бедном рубище певца – / Нам нужно злата, злата, злата:/ Копите злато до конца»³⁶⁰), который, как уже упоминалось, в 1825 г. Бестужев назвал «счастливым подражанием Гете».

Анализ замыслов и идей Бестужева второй половины 1820-х гг. обнаруживает некоторую внутреннюю противоречивость его творческих

³⁵⁶ Там же. С. 302.

³⁵⁷ По всей видимости, имеется в виду К. Ф. Рылеев.

³⁵⁸ *Бестужев-Марлинский А. А.* Кавказские повести. С. 507.

³⁵⁹ Там же. С. 293.

³⁶⁰ Там же. С. 296.

установок. С одной стороны, писатель, задумавший альманах, очевидно рассчитанный на широкий круг читателей, собирался идти по уже известному ему пути коммерчески успешного автора и издателя. От этого он не отказывался и позднее. В достаточно известном письме к А. М. Андрееву от 9 апреля 1831 г. Бестужев со всей очевидностью позиционирует себя как писателя, ориентированного на публику и ее вкусы. Говоря о перспективе сотрудничать с «Сыном отечества», он пишет:

Из приложенной записки знакомой руки³⁶¹ я впервые получил дельное наставление насчет сочинений моих: мне необходимо руководство, во-первых, потому, что я не имею, благодаря Бога, слепой самонадеянности, во-вторых, потому, что в течение с лишком пяти лет не живу на свете, не только в свете. И вот почему мне хотелось бы, чтобы г<оспо>да издатели сказали мне: «Нам нужны вот такие статьи, – публика любит то и то».³⁶²

С другой стороны, как мы пытались показать, уже во второй половине 1820-х гг. Бестужев, противопоставляя себя писателям-современникам, размышлял над искусством иного рода – и даже создавал образцы такой «отвлеченной», литературы, для которой необходимы «глубокомыслие», просвещение и литературный вкус. В 1830-е гг. это колебание между установкой на элитарного или массового читателя не исчезло, оно стало даже более выраженным. И повесть «Он был убит» не единственное тому подтверждение.

В 1833 г. Бестужев отправил К. А. Полевому два письма, наглядно демонстрирующих существующую в сознании писателя альтернативу между литературой «массовой» и «элитарной». В письме от 9 марта писатель обмолвился о работе над романом «Вадимов»:

Недели через две получите отрывок из романа³⁶³. Я, признаюсь, думаю, что его не поймут и потому не оценят; но неужели я должен ходить на четвереньках, чтобы овцы могли видеть мое лицо. Если два-три человека скажут: «Это не худо», я заплачен. Пускай себе Фадей <Булгарин. – А. П.> пишет для людей-ровесников – надобно думать, что у нас под боком

³⁶¹ По содержанию письма можно предположить, что автором этой записки был Н. И. Греч.

³⁶² *Бестужев-Марлинский А. А. Кавказские повести. С. 496.*

³⁶³ Фрагмент из главы «Осада» под названием «Отрывок из не сочиненного еще сочинения» был за подписью «А. Марлинский» опубликован почти через год – см.: Московский телеграф. 1834. № 2. С. 222–240.

Европа, а под носом потомство³⁶⁴.

Полгода спустя, около 2 ноября, Бестужев писал по поводу одной из самых популярных и, по мнению самого автора, удачных своих повестей – «Фрегата “Надежда”»:

Сам я знаю, что Стевлинский³⁶⁵ мой очень пошлое создание, ибо это портрет. Притом, я сам охотник посмеяться глупости, и для добряков, охочих к смеху, посвятил длинную главу «Лекарь»: надобно ж и этой части общества кинуть подачку, надо что-нибудь дать и для райка! Притом я имею иногда замашку – возбудить нетерпение читателя вздорами; это речитатив из оперы, во время которого вы можете есть пряники, сморкаться и перемигиваться. Впрочем, надобно, чтобы вы слышали, как я читаю эти глупости, и тогда вы согласитесь, что подобные главы полезны хоть для пищеварения! Это не аполог себе, а *так*, тоже в роде Стевлинского, – отдаю целиком все мои пустячки на закурку трубок, но не вычеркиваю их; пусть видят меня на обе корки...³⁶⁶

В случае с повестью Бестужев готов идти на уступки невзыскательному читателю, включая в текст смешные и незамысловатые отступления. Но когда речь идет о романе, которому автор придает действительно большое значение, Бестужев будто принимает позу одинокого непонятого творца, уже знакомую по тому письму к Елене Булгариной, где говорилось о стихотворении «Череп». И это стихотворение, и «Вадимов», и повесть «Он был убит», очевидно, были для писателя, которого иногда воспринимают исключительно как успешного беллетриста, образцами высокого, «элитарного» искусства, сознательно рассчитанного на узкий круг людей, наделенных литературным вкусом.

Таким образом, конец 1820-х гг. оказался для Бестужева действительно важным творческим этапом. Несмотря на то, что многие задуманные проекты не реализовались, а проекты реализованные не принесли ни славы, ни удовлетворения самому автору, именно в якутской ссылке Бестужев начал поиски нового не-беллетристического пути – и продолжил этот путь в первой половине 1830-х гг., работая над романом «Вадимов» и повестью «Он был убит».

³⁶⁴ Бестужев-Марлинский А. А. Кавказские повести. С. 522–523.

³⁶⁵ В печатном тексте повести фамилия героя – Стеллинский.

³⁶⁶ Русское обозрение. 1894. № 10. С.829–830.

Заключение

В настоящей работе была предпринята попытка описать три творческих замысла А. А. Бестужева-Марлинского.

В первой главе реконструирована творческая история травелога «Поездка в Ревель». В первом параграфе описан жанровый и идейный контекст, в котором создавалось это произведение. Обычно «Поездку в Ревель» принято связывать с традицией «сентиментальных» путешествий – но, как было показано, текст представляет собой более сложное жанровое единство. С одной стороны, бестужевский травелог тяготеет к традиции «ученых» этнографических путешествий, разработанной в конце 1810-х – начале 1820-х гг. членами Вольного общества любителей российской словесности, активным участником которого был и сам Бестужев. Главным требованием, предъявляемым к подобного рода текстам, – требованием, которому, очевидно, пытался соответствовать автор «Поездки в Ревель», была историческая «кабинетная» точность. С другой стороны, Бестужева, по всей видимости, тяготила форма «ученого» путешествия и очерка – и «Поездка в Ревель» стала своеобразным компромиссом между программными требованиями ВОЛРС и его собственными представлениями о жанре травелога. Это подтверждают отдельные эпизоды творческой истории «Поездки в Ревель», которым был посвящен второй параграф первой главы. Как удалось выяснить, два варианта текста – журнальный и книжный – различаются настолько, что уместно говорить о двух разных редакциях произведения. Более поздняя редакция, как показывают письма Бестужева к Н. И. Гнедичу и Ф. В. Булгарину, создавалась в несколько этапов и включает множественные стилистические и содержательные изменения. Стилистическая правка оказалась направлена прежде всего на устранение излишней витиеватости слога: текст второй редакции был очищен от характерных для Бестужева вычурных метафор, а фразы стали более логичными и лаконичными. Содержательные изменения осуществлялись в двух

направлениях. Включение дополнительных исторических эпизодов, городских легенд, новых этнографических наблюдений, многочисленных уточнений, подробностей и деталей, а так же включение «вольнлюбивой» линии соответствовало установкам Вольного общества любителей российской словесности. Дополнения другого рода – пространные лирические отступления, забавные эпизоды и даже целая остросюжетная повесть о Гедоне Бестужева – по представлениям самого писателя, должны были сделать текст более занимательным и увлекательным. Эта последняя тенденция, говорящая о стремлении Бестужева отойти от канонов «ученого» путешествия, нашла свое отражение в последовавших за «Поездкой в Ревель» «ливонских» повестях и других фикциональных текстах писателя первой половины 1820-х гг.

Во второй главе реконструирован неосуществленный замысел «московских записок», предложенный Бестужева П. А. Вяземским в 1823 г., после первой поездки издателя «Полярной звезды» в Москву. В первом параграфе описана сама поездка 1823 г. Одной из ее целей было укрепление уже налаженных деловых связей с сотрудниками альманаха и встречи с его новыми потенциальными участниками. Кратко охарактеризовав новые московские знакомства Бестужева, особое внимание мы уделили истории его отношений с Вяземским, ставшим одним из его главных корреспондентов в 1823–1825 гг. Второй параграф посвящен «плану» Вяземского, композиционно и тематически отсылающему к «Записке о московских достопамятностях» Н. М. Карамзина, отчасти – к собственному стихотворению Вяземского «Петербург» и к травелогу Бестужева, а так же возможным причинам, по которым этот замысел не нашел у него отклика. С одной стороны, как было показано в первой главе, после «Поездки в Ревель» писатель потерял интерес к историографическим описаниями. С другой стороны, записки, которые, по замыслу Вяземского, должны были в сатирическом ключе описывать обычаи и нравы москвичей, могли повредить уже сложившейся репутации Бестужева-издателя, отвратив от него симпатии потенциальных авторов и читателей. В программных литературных обзорах, открывающих каждую книгу «Полярной звезды»,

Бестужев не случайно давал благожелательные отзывы едва ли не обо всех авторах. Как показывает его личная переписка, реальные оценки Бестужева нередко расходились с этими отзывами, в которых следует видеть позицию, сознательно выработанную ради формирования репутации издателя «Полярной звезды».

В третьей главе рассмотрены творческие искания Бестужева во второй половине 1820-х гг., так или иначе связанные с замыслом авторского альманаха, возникшим у писателя в якутской ссылке в 1829 г. В первом параграфе описана финансовая история «якутского» альманаха, тщательно продуманная Бестужевым. Рассмотренный в контексте книгоиздательской практики 1820-х гг., этот проект оказался весьма сомнительным. Памятуя об успехе «Полярной звезды», выходявшей в лучшие времена тиражом полторы тысячи экземпляров, Бестужев задумал поднять тираж своего авторского альманаха до двух тысяч. Но надеяться на коммерческий успех подобного рода издания было весьма опрометчиво, поскольку к началу 1829 г. «альманашный» рынок был заполнен, а ведущие позиции прочно заняты «Северными цветами». Из писем Бестужева следует, что в какой-то момент он решил отказаться от услуг профессионального комиссионера и возложить все заботы по изданию и его реализации на сестру Елену, кажется, плохо осведомленную в тонкостях книгопродаж. Позднее, в 1830-х гг. Бестужев проявил бóльшую гибкость и способность соотносить собственные замыслы с реальной ситуацией на книжном рынке. Неудачи его проектов второй половины 1820-х – 1830-х гг., объясняются причинами, от Бестужева не зависящими – его вынужденной изоляцией или действиями недобросовестных либо неумелых комиссионеров. Во втором параграфе была предпринята попытка реконструировать эстетическую программу, которая могла быть заявлена в несостоявшемся «якутском» альманахе. Эта реконструкция потребовала обращения к незаконченной статье «<О романтизме>»: ею должен был открываться авторский альманах. Выдвинутые в статье положения были рассмотрены в контексте эстетических воззрений и споров того времени и соотнесены с

некоторыми стихотворными текстами Бестужева конца 1820-х гг. Одним из важных ориентиров для него стал в это время «Фауст» Гете. В работе выдвинуто предположение, что уже в Якутске Бестужев, традиционно воспринимаемый как писатель-беллетрист, пытался создать образцы истинно романтический «отвлеченной» поэзии. Как показывает его писательская практика 1830-х гг., Бестужев до конца жизни пытался лавировать между «массовым» и «элитарным» направлениями, создавая и тексты, ориентированными на невзыскательную публику, и произведения, подобные незавершенному роману «Вадимов» и повести «Он был убит», рассчитанными на узкий круг читателей.

В рамках настоящей работы удалось лишь предельно кратко описать творческие поиски Бестужева 1830-х гг. – но, безусловно, этот этап заслуживает более подробного анализа, который, как можно надеяться, будет предпринят в ходе дальнейшего исследования.

Список использованной литературы

Архивные источники

- 1) ОР РНБ. Ф. 69 (Бестужевы). Ед. хр. 13, 32–47.
- 2) РГАЛИ. Ф. 71 (А. А. Бестужев). Оп. 1. Ед. хр. 6.
- 3) РГИА. Ф. 777 (Петроградский комитет по делам печати (Петербургский цензурный комитет) МВД). Оп. 1. Д. 350, 370, 770–772.
- 4) РО ИРЛИ. Ф. 58 (Архив Вольного общества любителей российской словесности). Ед. хр. 3.
- 5) РО ИРЛИ. Ф. 604 (Бестужевы). Ед. хр. 5, 11, 12, 21, 27.
- 6) РО ИРЛИ. Ф. 623 (Ф. В. Булгарин). Ед. хр. 30.

Печатные источники

- 7) *Бестужев-Марлинский А. А.* Соч.: В 2 т. / Сост., подгот. текста и коммент. В. И. Кулешова. М.: Худож. лит., 1981. Т. 1, 487 с.; Т. 2, 591 с.
- 8) *Бестужев-Марлинский А. А.* Полн. собр. стихотворений / Общ. ред. М. А. Бриксмана; вступит. статья и примеч. Н. И. Мордовченко. Л.: Советский писатель, 1961. 311 с. (Библиотека поэта. Большая сер.).
- 9) *Бестужев-Марлинский А. А.* Кавказские повести / Изд. подгот. Ф. З. Канунова. СПб.: Наука, 1995. 701 с. (Сер. «Литературные памятники»).
- 10) А. Р. Старая и Новая Ладога // Соревнователь просвещения и благотворения. 1821. № 4. С. 26–39.
- 11) Александр Александрович Бестужев в письмах 1824 и 1837 гг. / Сообщ. Н. К. Богушевский // Русская старина. 1889. № 11. С. 375–378.
- 12) *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: в 13 т. М. : Изд-во АН СССР, 1953. Т. 3. С. 136–148.
- 13) *Бестужев А.* Эсфирь, трагедия из Священного Писания в трех действиях в стихах, сочинение Расина, перевод с французского. СПб., 1816 года, в типогр. Дрехслера // Сын отечества. 1819. № 3. С. 107–124.
- 14) *Бестужев А.* Липецкие воды, или Урок кокеткам. Комедия в 5 действиях в стихах. 1815 года. В Типогр. Импер. Театра // Сын Отечества. 1819. № 6. С. 252–273.

- 15) *Б<естужев> А.* Письмо к издателю // Сын отечества. 1820. № 12. С. 244–257.
- 16) *Бестужев А.* Путешествие в Ревель // Соревнователь просвещения и благотворения. 1821. № 2 . С. 133–180; № 3. С. 319–360.
- 17) *Бес<ту>жев А.* Торжественное заседание Императорской российской академии // Соревнователь. 1821. № 2. С. 305– 311.
- 18) *Бестужев А.* Дорожные записки на обратном пути из Ревеля // Невский зритель. СПб., 1821. № 4. С. 1–24.
- 19) *Бестужев А.* Поездка в Ревель. СПб.: в тип. А. Плюшара, 1821. 150 с.
- 20) *Бестужев А.* Метромания, или Страсть к стихотворству. Комедия в пяти действиях, в стихах. Сочинение Пирона, вольный перевод Н. В. Сушкова // Сын Отечества. 1821. № 7. С. 307–320.
- 21) *Бестужев А.* Листок из дневника гвардейского офицера // Библиотека для чтения, составленная из повестей, анекдотов и других произведений изящной словесности. СПб., 1823. Кн. 8. С. 66–72.
- 22) *Бестужев А.* Замок Венден // Библиотека для чтения, составленная из повестей, анекдотов и других произведений изящной словесности. СПб., 1823. Кн. 9. С. 3–16.
- 23) *Бестужев А.* Замок Нейгаузен // Полярная звезда на 1824 г. СПб.: В тип. Н. Греча, 1823. С. 141–191.
- 24) [*Бестужев А. А.*] АLINE // Сын отечества. 1829. № 20. С. 373–374.
- 25) [*Бестужев А. А.*] Финляндия // Сын отечества. 1829. № 21. С. 47–48.
- 26) [*Бестужев А. А.*] Замок Эйзен // Невский альманах на 1827 г. СПб.: Тип. Департамента народного просвещения, 1826. С. 107–155.
- 27) *Бестужев Н. А.* Записки о Голландии // Соревнователь просвещения и благотворения. 1821. № 7. С. 33–64; № 8. С. 179–227; № 9. С. 257–298.
- 28) Биография Кампе / Пер. с фр. Д. В. Сахарова // Соревнователь просвещения и благотворения. 1821. № 6. С. 330–335.

- 29) *Боратынский Е. А.* Полн. собр. соч. и писем. М.: Языки славянской культуры, 2002. Т. 2, ч. 1. 435 с.
- 30) *Брыков И. И.* Взгляд на книгу «Описание войны 1812 года», изданную Дмитрием Ахшарумовым // Соревнователь просвещения и благотворения. 1820. № 1. С. 113–115.
- 31) *Булгарин Ф. В.* Отрывки из рукописи под заглавием «Воспоминания об Испании» // Соревнователь. 1821. № 10. С. 3–25; № 11. С. 183–201; № 12. С. 316–336.
- 32) *Буслаев Ф. И.* Мои воспоминания. М.: В. Г. фон-Бооль, 1897. 387 с.
- 33) *Воейков А. Ф.* Путешествие из Саренты на развалины Шери-Сарая, бывшей столицы ханов Золотой орды // Новости литературы. 1823. Кн. 9. С. 1–24.
- 34) Воспоминания Бестужевых / Ред., коммент. и вступит. статья М. К. Азадовского. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. 892 с. (Сер. «Литературные памятники»).
- 35) *Вяземский П. А.* Стихотворения / Сост., подгот. текста и примеч. К. А. Кумпан, вступит. ст. Л. Я. Гинзбург. Л.: Сов. писатель, 1986. 542 с. (Библиотека поэта. Большая сер.).
- 36) *Гете И. В.* Фауст / Пер. Н. А. Холодковского // Гете И. В. Собр. соч.: В 13 т. М.: Гослитиздат, 1947. Т. 5. 592 с.
- 37) *Глинка Ф. Н.* Письма к другу, содержащие в себе: замечания, мысли и рассуждения о разных предметах, с присовокуплением исторического повествования: Зиновий Богдан Хмельницкой, или Освобожденная Малороссия. СПб.: В тип. К. Крайя, 1816. Ч. 2. 165 с.
- 38) *Глинка Ф. Н.* Краткое обозрение военной жизни и подвигов графа Милорадовича // Пантеон славных российских мужей. СПб., 1818. № 8. С. 64–83.
- 39) *Глинка Ф. Н.* Подвиги генерал-лейтенанта Котляревского в походе 1812 года // Пантеон славных российских мужей. СПб., 1818. № 9. С. 99–127.

- 40) *Глинка Ф. Н.* Отличительные черты из происшествий Отечественной (1812) войны от Малоярославского до Красненского боя // Соревнователь просвещения и благотворения. 1820. № 7. С. 130–138.
- 41) [*Гнедич Н. И.*] Речь // Соревнователь просвещения и благотворения. 1821. № 8. С. 129–147.
- 42) [*Гнедич Н. И.*] О вольном переводе Бюргеровой баллады «Ленора» // Сын отечества. 1816. № 27. С. 3–22.
- 43) *Долгов С. О.* Письма А. А. Бестужева (Марлинского) к братьям Полевым // Русское обозрение. 1894. № 10. С. 819–834.
- 44) Дружеские сношения Пушкина. Письма к нему / Публ. и коммент. П. И. Бартенева // Русский архив. 1881. Кн. 1, № 2. С. 425–427.
- 45) *Ж. К.* Письма на Кавказ // Сын отечества. 1823. № 3. С. 110–122.
- 46) *Загоскин М. Н.* Любители словесности // Соревнователь просвещения и благотворения. 1820. № 3. С. 286–310.
- 47) Записки общества // Соревнователь просвещения и благотворения. 1821. № 1. С. 124–128; без подписи.
- 48) Записки, статьи, письма декабриста И. Д. Якушкина / Ред. и коммент. С. Я. Штрайха. М: Изд-во АН СССР, 1951. 737 с. (Сер. «Литературные памятники»).
- 49) Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. М.: Гос. изд-во политической литературы, 1951. Т. 1. 731 с.
- 50) – и – е. – О «Взгляде на старую и новую словесность в России» // Вестник Европы. 1823. № 2. С. 139–147.
- 51) Из архива Ф. В. Булгарина: (Письма к нему разных лиц) // Русская старина. 1901. № 2. С. 383–403; без подписи.
- 52) *Измайлов Н. В.* Бестужев до 14 декабря 1825 г. // Памяти декабристов: Сб. материалов. Л.: Изд-во АН СССР, 1926. Вып. 1. С. 8–100.
- 53) Из неизданной переписки: Письма Рылеева / Публ. и коммент. Ю. Г. Оксмана и А. Г. Цейтлина // Литературное наследство. М.: Изд-во АН

СССР, 1954. Т. 59, [кн.] 1. С. 138–140, 144–146.

54) *Каразин В. Н.* Об ученых обществах и периодических сочинениях в России. СПб., 1820. 11 с.

55) *Карамзин Н. М.* Записка о московских достопамятностях // Карамзин Н. М. Соч.: В 9 т. М.: В тип. С. Селивановского, 1820. Т. 9. С. 280–304.

56) К истории русской литературы. Попытки А. А. Бестужева и М. А. Бестужева-Рюмина издавать журнал (1818–1823) // Русская старина. 1900. № 8. С. 391–405; без подписи.

57) *Марлинский А.* Страшное гаданье // Московский телеграф. 1831. № 5. С. 36–65; № 6. С. 183–210.

58) *Марлинский А.* 1) Несколько слов от сочинителя повести: Андрей, князь Переяславский // Московский телеграф. 1832. № 6. С. 293–300; 2) Еще несколько слов его же к издателю «Московского телеграфа» // Там же. С. 300–301.

59) *Марлинский А.* Отрывок из не сочиненного еще произведения // Московский телеграф. 1834. № 2. С. 222–240.

60) *Марлинский А.* Полн. собр. соч.: В 12 ч. СПб.: Тип. III Отд-ния Собственной е. и. в. канцелярии, 1840. Ч. 11. 326 с.

61) *Марлинский А.* Второе полн. собр. соч.: В 4 т. СПб.: Тип. Мин-ва гос. имуществ, 1847. Т. 4, ч. 10. 226 с.

62) Материалы для истории русской книжной торговли. Воспоминания старого книгопродавца. Воспоминания И. Т. Лисенкова. Известия о древностях славяно-русских и об И. Ф. Ферапонтове. СПб.: Тип. И. И. Глазунова, 1879. 80 с.

63) Мемуары декабристов: Северное общество. / Сост., общ. ред., вступит. статья и коммент. В. А. Федорова. М.: Изд-во МГУ, 1981. 400 с.

64) *Левкович Я. Л.* Судьба Марлинского // Звезда. 1975. № 12. С. 154–165.

65) Ливония // Невский альманах на 1829 год. СПб.: В тип.

Департамента Народного Просвещения, 1828. С. 344–375.

66) Литературно-критические работы декабристов / Вступит. статья, сост., подгот. текста и примеч. Л. Г. Фризмана. М.: Худож. лит., 1978. 381 с.

67) Несколько слов о Тадеуше Костюшке / Пер. с фр. Ф. Н. Глинки // Соревнователь просвещения и благотворения. 1821. № 1. С. 121–123.

68) О духе поэзии XIX века / Пер. с фр. [А. А. Бестужева] // Сын Отечества. 1825. № 15. С. 276–288.

69) О нынешнем нравственном и физическом состоянии лифляндских и эстляндских крестьян / Пер. с фр. [А. А. Бестужева] // Сын отечества. 1818. № 38. С. 241–254.

70) О способах исследования природы // Мнемозина. М., 1824. Ч. 2. С. 1–34; подпись: п. л.

71) Остафьевский архив князей Вяземских: В 5 т. / Под ред. и с примеч. В. И. Саитова. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1901. Т. 2. 774 с.

72) П. Несколько замечаний на книгу «Полярная звезда» // Вестник Европы. 1823. № 2. С. 134–139.

73) Петров [Бестужев А.]. Отрывок из поэмы «Князь Андрей Переяславский» // Литературные прибавления к «Русскому инвалиду». 1831. № 53, 4 июля. С. 412–413.

74) Писатели-декабристы в воспоминаниях современников: В 2 т. / Сост. и примеч. Р. В. Иезуитовой, Я. Л. Левкович, И. Б. Мушиной. М.: Худож. лит., 1980. Т. 1. С. 49–106.

75) Письма Александра Бестужева к П. А. Вяземскому: (1823–1825) / Публ. и коммент. К. П. Богаевской; вступит. статья Н. Л. Степанова // Литературное наследство. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 60, [кн.] 1. С. 200–230.

76) Письма Владимира Алексеевича Муханова братьям 1824–1831 гг. // Щукинский сб. М.: Отд-ние Имп. Рос. ист. музея им. имп. Александра III – Музей П.И. Щукина, 1906. Вып. 5. С. 253–338.

- 77) Письмо А. А. Бестужева-Марлинского к К. Ф. Рылееву / Коммент. Г. В. Прохорова // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. [Т.] 6. С. 259–265.
- 78) [Плетнев П. А.] Полярная звезда // Соревнователь просвещения и благотворения. 1823. № 1. С. 97–118.
- 79) Поездка в Ревель. Сочинение А. Бестужева, члена высочайше утвержденных вольных С. Петербургских обществ: любителей словесности, наук и художеств и соревнователей просвещения и благотворения. СПб., 1821, в тип. А Плюшара, в 8, 150 стр. // Сын отечества. 1821. № 42. С. 83–84; без подписи.
- 80) Полевой К. А. Письма Александра Александровича Бестужева к Н. А. и К. А. Полевым, писанные в 1831–1827 годах // Русский вестник. 1861. № 3. С. 285–335; № 4. С. 425–487.
- 81) «Полярная звезда», изданная А. Бестужевым и К. Рылеевым / Изд. подг. В. А. Архипов, В. Г. Базанов, Я. Л. Левкович. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 1014 с. (Сер. «Литературные памятники»).
- 82) Походные записки русского офицера, изданные Н. Лажечниковым. – С. Петербург. В Медицинской типографии, 1820 года. С. 349 // Соревнователь просвещения и благотворения. 1821. № 2. С. 301–302; без подписи.
- 83) Прохоров Г. В. А. А. Бестужев-Марлинский в Якутске // Памяти декабристов: Сб. материалов. Л.: Изд-во АН СССР, 1926. Вып. 2. С. 192–226.
- 84) Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. Т. 2. С. 386; Т.13. С.263.
- 85) Разговор об истине и правдоподобию в искусстве (Из Гете) / Пер. с нем. С. П. Шевырева // Московский вестник. 1827. № 8. С. 335–347.
- 86) Пушкин в прижизненной критике: 1820–1827 / Под общ. ред. В. Э. Вацура, С. А. Фомичева; вступит. статья Г. Е. Потаповой. СПб.: Гос. Пушкинский театральный центр, 2001. 526 с.

- 87) *Рылеев К. Ф.* Соч. / Сост., вступит. статья, и коммент. С. А. Фомичева. Л.: Худож. лит., 1987. 412 с.
- 88) *Семевский М. И.* Александр Бестужев (Марлинский): 1798–1837 // Отечественные записки. 1860. № 5. С. 122–166; № 6. С. 299–350; № 7. С. 43–100.
- 89) *Семевский М. И.* Александр Бестужев в Якутске: Неизданные письма его к родным, 1827–1829 // Русский вестник. 1870. № 5. С. 213–264.
- 90) *Семевский М. И.* Александр Бестужев на Кавказе, 1829–1837: Неизданные письма его к матери, сестрам и братьям // Русский вестник. 1870. № 6. С. 485–524; № 7. С. 46–85.
- 91) *Федоров Б.* Жизнь боярина Матвеева // Пантеон славных российских мужей. СПб., 1818. № 7. С. 1–13.
- 92) *Федоров Б.* Жизнь и характер П. А. Румянцева // Пантеон славных российских мужей. СПб., 1818. № 8. С. 84–92.
- 93) *Шишков А.* Из Гётева «Фауста» // Одесский альманах на 1831 г. Одесса: Городская типография, 1831. С. 318–319.
- 94) *Якушкин В. Е.* К литературной и общественной истории 1820–1830 годов // Русская старина. 1888. № 10. С. 149–168; № 11. С. 311–332; № 12. С. 583–600; 1889, № 2. С. 320–330.
- 95) *Artaud N.-L.-M.* Essai littéraire sur le génie poétique au XIX siècle // Revue Encyclopédique. 1825. T. 25. P. 601–619.
- 96) *Echo de la littérature russe* // Le Furet: Journal de littérature et de théâtres. 1830. № 85, 22 octobre; без подписи.
- 97) *Goethes Werke.* München: C. H. Beck, 1981. Bd 3. 750 s.

Литература

- 98) *Агалаков А. В.* Светская повесть эпохи декабризма: Генезис, статика, динамика, поэтика и суггестия русского повествовательного романтического жанра. Germany, Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2012. 128 с.

- 99) *Азадовский М. К.* Затерянные и утраченные произведения декабристов: Историко-библиографический обзор // Литературное наследство. Т. 59, [кн.] 1. М.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 601–777.
- 100) *Алексеев М. П.* Этюды о Марлинском. Иркутск: Иркутский ун-т, 1928. 64 с.
- 101) *Архипов В. А., Базанов В. Г., Левкович Я. Л.* Литературно-эстетические позиции «Полярной звезды» // «Полярная звезда», изданная А. Бестужевым и К. Рылеевым / Изд. подг. В. А. Архипов., В. Г. Базанов, Я. Л. Левкович. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 803–884. (Сер. «Литературные памятники»).
- 102) *Базанов В. Г.* Очерки декабристской литературы: Публицистика, проза, критика. М.: Гослитиздат, 1953. 528 с.
- 103) *Базанов В. Г.* Ученая республика. М.; Л.: Наука, 1964. 463 с.
- 104) *Бегби Л.* Александр Бестужев-Марлинский и русский байронизм. СПб.: Акад. проект, 2001. 366 с.
- 105) *Брайловский С. Н.* К вопросу о Пушкинской плеяде: Историко-литературные материалы и исследования (продолжение) // Русский филологический вестник. Варшава, 1909. Т. 61. С. 52–75.
- 106) *Вацууро В. Э.* «Северные цветы»: История альманаха Дельвига – Пушкина. М.: Книга, 1978. 287 с.
- 107) *Виноградов В. В.* Стиль Пушкина. М.: Гослитиздат, 1941. 620 с.
- 108) *Виноградов В. В.* Стиль прозы Лермонтова // Виноградов В. В. Избр. труды. Язык и стиль русских писателей от Карамзина до Гоголя. М.: Наука, 1990. С.182–270.
- 109) *Готовцева А. Г.* К финансовой истории альманаха К. Ф. Рылеева и А. А. Бестужева «Полярная звезда» // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2010. № 8. С. 9–25.
- 110) *Готовцева А. Г., Киянская О. И.* «Временные заседатели Парнаса»: К истории альманаха «Полярная звезда» // Там же. 2013. № 12. С. 11–33.
- 111) *Гессен С. Я.* Книгоиздатель Александр Пушкин: Литературные

- доходы Пушкина. Л.: Academia, 1930. 148 с.
- 112) *Гриц Т. С., Никитин М. М., Тренин В. В.* Словесность и коммерция: (Книжная лавка А. Ф. Смирдина). М.: Федерация, 1929. 373 с.
- 113) *Гусев В. И.* Судьба Александра Бестужева // Бестужев-Марлинский А. А. Повести и рассказы / Подгот. текста, сост., примеч. А. Л. Осповата. М.: Сов. писатель, 1976. С. 5–20.
- 114) *Замотин И. И.* Романтизм двадцатых годов XIX столетия русской литературы: В 2 т. СПб: тип. М. О. Вольф в СПб., 1911–1913. Т. 1. 378 с.; Т. 2. С. 171–282.
- 115) *Жирмунский В. М.* Гете в русской литературе. Л.: Наука, 1981. 558 с.
- 116) Русская повесть XIX века: История и проблематика жанра / Под ред. Б. С. Мейлаха. Л.: Наука, 1973. 565 с.
- 117) *Измайлов Н. В.* Бестужев до 14 декабря 1825 г. // Памяти декабристов: Сб. материалов. Л.: Изд-во АН СССР, 1926. Вып. 1. С. 1–7.
- 118) *Исаков С. Г.* Неизвестная статья А. А. Бестужева-Марлинского // Труды по русской и славянской филологии. Тарту, 1959. Вып. 78. С. 269–277. (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та).
- 119) *Исаков С. Г.* О ливонской теме в русской литературе 1820–1830-х годов // Труды по русской и славянской филологии. Тарту, 1960. Вып. 98. С. 143–190. (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та).
- 120) *Исаков С. Г.* О «ливонских» повестях декабристов // Труды по русской и славянской филологии. Тарту, 1965. № 8. С. 33–80. (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та).
- 121) *Канунова Ф. З.* Эстетика русской романтической повести: (А. А. Бестужев-Марлинский и писатели-беллетристы 20–30-х гг. XIX века). Томск: Изд-во Томского ун-та, 1973. 307 с.
- 122) *Канунова Ф. З.* Бестужев – критик и теоретик романтизма // Бестужев-Марлинский А. А. Кавказские повести / Изд. подг. Ф. З. Канунова. СПб.: Наука, 1995. С. 552–561. (Сер. «Литературные памятники»).

- 123) *Котляревский Н. А.* Декабристы. СПб.: Летний сад, 2009. 479 с.
- 124) *Кулешов В. И.* Александр Бестужев-Марлинский // Бестужев-Марлинский А. А. Соч.: В 2 т. / Сост., подгот. текста и коммент. В. И. Кулешова. М.: Худож. лит., 1981. Т. 1. С. 5–32.
- 125) *Леэметс Х. Д.* К вопросу о семантической структуре метафорического эпитета в русской прозе начала XIX века: (На материале произведений А. Марлинского) // Труды по русской и славянской филологии. Тарту, 1971. № 17. С. 190–199. (Учен. зап. Тартуского гос. Ун-та).
- 126) *Манежина Д.* К интерпретации стихотворения Е. Баратынского «Череп» // Летняя школа по русской литературе. СПб., 2015. Т. 11, № 1. С. 52–62.
- 127) *Манн Ю. В.* Русская литература XIX века: Эпоха романтизма. М.: Аспект Пресс, 2001. 447 с.
- 128) *Маркович В. М.* Дыхание фантазии // Русская фантастическая проза эпохи романтизма (1825–1840 гг.). Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1990. С. 5–47.
- 129) *Маслин Н. Н.* А. А. Бестужев-Марлинский // Бестужев-Марлинский А. А. Соч.: В 2 т. / Сост. П. А. Сидорова, подгот. текста Н. Н. Маслина, примеч., Л. В. Доманского и Н. Н. Маслина. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1958. Т. 1. С. III–LVI.
- 130) *Маслов В. И.* Литературная деятельность К. Ф. Рылеева. Киев: Тип. Имп. Ун-та св. Владимира, 1912. 144 с.
- 131) *Мордовченко Н. И.* А. А. Бестужев-Марлинский // Бестужев-Марлинский А. А. Полн. собр. стихотворений / Общ. ред. М. А. Бриксмана. Л.: Советский писатель, 1961. С. 5–46. (Библиотека поэта. Большая сер.).
- 132) *Мордовченко Н. И.* Русская критика первой четверти XIX века. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 431 с.
- 133) *О`Мара П.* К. Ф. Рылеев: Политическая биография поэта-

декабриста. М.: Прогресс, 1989. 334 с.

134) *Попов А. В.* Декабристы-литераторы на Кавказе. Ставрополь: Кн. изд-во, 1963. 168 с.

135) *Потапова Г. Е.* Литературный образец и «литературный быт» в «Разговоре Книгопродавца с Поэтом» А. С. Пушкина // Концепция и смысл: Сб. статей в честь 60-летия профессора В. М. Марковича. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1996. С. 48–64.

136) *Прохоров Г. В.* Три письма декабриста А. А. Бестужева из Якутска // Былое. 1925. № 5. С. 114–115.

137) *Прохоров Г. В.* А. А. Бестужев-Марлинский в Якутске // Памяти декабристов: Сб. материалов. Л.: Изд-во АН СССР, 1926. Вып. 2. С. 189–191.

138) *Пульхритудова Е. М.* Литературная теория декабристского романтизма в 30-е годы XIX в. // Проблемы романтизма: Сб. ст. М.: Искусство, 1967. [Вып.] 1. С. 232–292.

139) *Рейтблат А. И.* Литературный гонимый в России XIX – начала XX в. // Книжное дело в России во второй половине XIX – начале XX в.: Сб. науч. тр. Л.: Изд-во РНБ, 1988. Вып. 3: Книга в контексте общественного и культурного развития. С. 127–143.

140) *Рейтблат А. И.* Литературный альманах 1820–1830-х гг. как социокультурная форма // *Рейтблат А. И.* Как Пушкин вышел в гении: Историко-социологические очерки. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 70–81.

141) Русская проза: Сб. статей. Л.: Academia, 1926. 226 с.

142) История романтизма в русской литературе: Возникновение и утверждение романтизма в русской литературе (1790–1825). М.: Наука, 1979. Вып. 1. 312 с.

143) История романтизма в русской литературе: Романтизм в русской литературе 20–30-х гг. XIX в. (1825–1840). М.: Наука, 1979. Вып. 2. 328 с.

144) *Семенко И. М.* Поэты пушкинской поры. М.: Худож. лит., 1970. 295

с.

145) *Смирнов-Сокольский Н. П.* Русские литературные альманахи и сборники XVIII–XIX вв.: Библиогр. указатель. М: Книга, 1965. 592 с.

146) *Степанищева Т. Н.* История «Поездки в Ревель» Александра Бестужева (Цензура как двигатель авторского развития) // Идеологические контексты русской культуры XIX–XX вв. и поэтика перевода : Wiener Slawistischer Almanach: Peter Lang, 2016. Sonderband 93. С. 23–37.

147) *Степанов Н. Л.* Александр Марлинский (А. А. Бестужев) // Марлинский А. (Бестужев А. А.) Избранные повести / Ред. и примеч. Г. В. Прохорова. Л.: Гослитиздат, 1937. С. 3–42.

148) *Фризман Л. Г.* Литературная критика декабристов // Литературно-критические работы декабристов / Сост., подг. текста, вступит. статья и примеч. Л. Г. Фризмана. М.: Худож. лит., 1978. С. 5–24.

149) *Шарупич А. П.* Декабрист Александр Бестужев: Вопросы мировоззрения и творчества. Минск: Изд-во Мин-ва высшего, среднего специального и проф. образования БССР, 1962. 92 с.

150) *Шрага Е. А.* Литература против литературности: Пути развития циклизованной прозы 1820–1830-х годов. СПб.: ГИЦ «Новое культурное пространство», 2013. 147 с.